

ДЖАСТИН ГРЕЙ

Травца об Американском легионе

И*Л

***И з д а т е л ь с т в о
и н о с т р а н н о й
л и т е р а т у р ы***

ДЖАСТИН ГРЕЙ

ПРАВДА
ОБ АМЕРИКАНСКОМ
ЛЕГИОНЕ

Перевод с английского

Н. ЯКОВЛЕВОЙ и О. НЕКРАСОВОЙ

Предисловие

В. БЕРЕЖКОВА

* 1949 *

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

J U S T I N G R A Y

**THE INSIDE STORY
OF THE LEGION**

1 9 4 8

NEW YORK

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вышедшая в 1948 г. в Нью-Йорке книга Джастина Грея «Правда об Американском легионе» посвящена разоблачению деятельности одной из крупнейших в Соединенных Штатах реакционных организаций, которая играет существенную роль в политической жизни страны, являясь послушным орудием в руках всевластных монополий Соединенных Штатов.

Созданный еще в годы первой мировой войны Американский легион, используя демагогические лозунги и псевдодемократическую фразеологию, сумел завербовать в свои ряды значительное число ветеранов.

Разумеется, лидеры Легиона всячески стараются замаскировать реакционную сущность возглавляемой ими организации. Они не жалеют средств, стремясь представить дело так, будто бы Легион печется о нуждах рядовых ветеранов войны. Такое представление о Легионе повседневно вдалбливается мощной пропагандистской машиной в головы рядовых американцев, многие из которых склонны верить басням о «добродетелях» Легиона. Тем больший интерес представляют поэтому разоблачения Джастина Грея.

Ценность предлагаемой вниманию читателя книги состоит в том, что ее автор имел возможность лично наблюдать закулисные махинации хозяев Американского легиона. Он был свидетелем множества фактов, разоблачающих цели и методы этой антинародной организации, прикрывающейся псевдопатриотическими лозунгами.

Участник второй мировой войны Джастин Грей служил как на европейском, так и на тихоокеанском театрах военных действий. Он тесно соприкасался с рядовыми американскими солдатами, верившими, что победа над

германскими и японскими агрессорами исключит возможность повторения захватнической войны. Как и солдаты других стран, американские десантники, пехотинцы, саперы с нетерпением ожидали возвращения домой. Они мечтали о мирном труде. Заправила Американского легиона не преминули использовать эти естественные стремления. Прикрываясь лицемерными фразами, они еще в ходе войны занялись усиленной вербовкой новых членов.

«Американский легион, — указывает Грей, — устав которого запрещал принимать в члены находящихся в армии солдат, развивал кипучую деятельность без фактической записи». Он издавал специальный журнал «Америкэн дайджест», сообщавший солдатам, как выгодно по окончании войны вступить в Легион.

В Гонолулу Легион организовал с целью пропаганды бюро, в котором работало четверо присланных из Соединенных Штатов легионеров. В огромном количестве экземпляров распространялись карманные издания журнала «Америкэн лиджен мансли». «На любом из островов Тихого океана, — пишет Грей, — я неизбежно наталкивался на издания Легиона. В некоторых районах они распространялись даже шире, чем журнал «Янк» (стр. 23).

Вернувшись в Соединенные Штаты, Джастин Грей, как и многие другие участники второй мировой войны, вступил в Американский легион. Активное участие Грея в деле создания одного из легионерских постов в Нью-Йорке привлекло к нему внимание Национального штаба Легиона, расквартированного в Индианаполисе. Грея поручили постоянную работу организатора по вовлечению новых членов в Новой Англии, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании. Вскоре он получил повышение, заняв в штабе Легиона должность помощника руководителя Комиссии по вопросам американизма.

Знакомство с подлинной историей возникновения Легиона и закулисной стороной его деятельности побудили Грея выступить против политики, проводимой лидерами Легиона. В результате он был уволен без объяснения причин.

На основании личных наблюдений Грея за девять месяцев его службы в Легионе и после года работы над допол-

нительными изысканиями по истории этой организации и написана его книга «Правда об Американском легионе».

* * *

Выступая в апреле 1948 г. в конгрессе Соединенных Штатов, сенатор Глен Тэйлор, кандидат на пост вице-президента от прогрессивной партии, заявил: «Мы недалеки от создания полицейского государства». Это суждение видного американского прогрессивного деятеля все вновь и вновь подтверждается жизнью. Многочисленные факты неопровержимо свидетельствуют о том, что хваленый «американский образ жизни» все более смахивает на тоталитарный режим фашистского образца.

Фашизация Соединенных Штатов—не случайное явление. Этот процесс неразрывно связан с реакционным внешнеполитическим курсом монополистов Уолл-стрита.

Во второй мировой войне правящие круги Англии и США преследовали, как известно, свои узко корыстные цели, не имевшие ничего общего с чаяниями народов, самоотверженно боровшихся против фашистской агрессии. «В лагере союзников уже во время войны существовало различие в определении как целей войны, так и задач послевоенного устройства мира. Советский Союз и демократические страны основными целями войны считали восстановление и укрепление демократических порядков в Европе, ликвидацию фашизма и предотвращение возможности новой агрессии со стороны Германии, создание всестороннего длительного сотрудничества народов Европы. США и в согласии с ними Англия ставили себе в войне другую цель—избавление от конкурентов на рынках (Германия, Япония) и утверждение своего господствующего положения»¹.

После разгрома нацистской Германии и милитаристской Японии империалистические заправилы Соединенных Штатов, игнорируя уроки, полученные германо-японскими захватчиками, начали открыто выступать в роли претендентов на мировое господство. Раскинутая ими по всему миру сеть военных баз, расположенных на расстоя-

¹ «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года», Госполитиздат, 1948 г., стр. 6.

нии многих тысяч миль от американского континента, поддержка, повсюду оказываемая правительством Соединенных Штатов реакционным режимам, военные авантюры американских стратегов в Китае и Греции, беззастенчивое вмешательство вашингтонских политиков во внутренние дела стран народной демократии—все это звенья одной цепи, проявление экспансионистской политики англо-американских империалистов, одержимых маниакальной идеей господства над миром.

Но агрессивная внешняя политика немыслима без реакционного курса внутри страны. Точно так же, как детищем германского империализма, развязавшего вторую мировую войну, был гитлеризм, порождением авантюристической политики американских монополий, готовящих новую кровавую бойню, является растущая фашизация Соединенных Штатов.

В наши дни, когда самосознание народных масс неизмеримо выросло, жрецам денежного мешка становится все труднее дурачить простых людей. Им нелегко заставить одетых в солдатские шинели рабочих и крестьян жертвовать своими жизнями во имя новых барышей монополистов. Лишь с помощью террористических методов, заимствованных из арсенала фашистских выродков, надеются правители капиталистических стран заполучить необходимое им пушечное мясо и обеспечить себе «надежный тыл». Поэтому правящие круги Соединенных Штатов уже сейчас ведут ожесточенное наступление на прогрессивные элементы, оказывая в то же время всяческую поддержку самым ярым реакционерам.

За примерами далеко ходить не приходится. Американские власти арестовывают всемирно известного ученого г-жу Жолио-Кюри, учиняют с помощью своих младших английских партнеров неслыханную расправу над немецким антифашистом Герхардом Эйслером; инспирируют позорный процесс над руководителями компартии Соединенных Штатов. Зато они проявляют поистине трогательную заботу о матерях гитлеровцах. В государственных учреждениях Вашингтона, в частности в разведке и в органах пропаганды, работают многие закоренелые нацисты. Среди них один из бывших сотрудников нацистского министерства пропаганды и редактор органа кельнской организации гитлеровской партии «Вестдей-

чер беобахтер» Винкелькемпер, бывший эсэсовский оберштурмфюрер Рокман, бывший редактор официального эсэсовского органа «Дас шварце кор» Гюнтер д'Алкен, занимающий ныне пост советника по пропаганде в государственном департаменте Соединенных Штатов, и другие. В Нью-Йорке обосновался гитлеровский генерал фон Венкштерн, которому так полюбилась обстановка за океаном, что он поспешил подать заявление о приеме в американское гражданство. Надо полагать, что его ходатайство будет удовлетворено, ибо, как отмечает газета «Нью-Йорк пост», некоторые «влиятельные» американцы дали гарантию в том, что фон Венкштерн будет «хорошим гражданином».

Магнаты Уолл-стрита по-своему последовательны. Крича на всех перекрестках об охране «американизма», они в то же время, не задумываясь, предоставляют американское гражданство фашистским подонкам, которых они рассчитывают использовать для участия в авантюристических планах порабощения народов мира.

В самом деле, вашингтонские власти пригревают под своим крылышком фашистских молодчиков отнюдь не бескорыстно. Заправилам Уолл-стрита представляется весьма ценным «опыт» гитлеровских приспешников. Этот опыт, надо полагать, уже используется при создании всевозможных профашистских организаций и групп, которые в последнее время растут в Соединенных Штатах, как грибы после дождя.

«Союз владельцев орудий производства», «Американская коалиция патриотических обществ», «Демократическая национальная партия», «Национальные стражи», «Борьба за свободу инициативы», «Христианский крестовый поход националистов», «Христианский фронт», «Рыцари Колумба»—вот некоторые из десятков архи-реакционных организаций, широко развернувших в Соединенных Штатах свою подрывную деятельность. О характере этих организаций достаточно убедительно говорит хотя бы лозунг, провозглашенный так называемой «Демократической национальной партией». Он гласит: «Жизнь есть борьба, борьба есть война, война есть жизнь». Как видим, американские фашисты весьма скрупулезно копируют своих гитлеровских собратьев, твердивших немецкому народу, будто смысл жизни в войне.

За последнее время чрезвычайно усилилась террористическая деятельность и такой фашистской организации как Ку-клукс-клан. Судя по всему, ее главари считают нынешнюю обстановку в Соединенных Штатах вполне подходящей для распространения шовинистического, человеконенавистнического угара. Возглавляющий Ку-клукс-клан «великий дракон» Грин заявил недавно, что его организация «полна решимости вести борьбу за сохранение превосходства белой расы по возможности мирными средствами, но если это будет необходимо, то и при помощи силы». В припадке истерической злобы Грин угрожал, что «на улицах польется кровь».

Эта угроза уже сейчас начинает претворяться в жизнь. Пользуясь покровительством властей, молодчики из банды Грина орудуют в Соединенных Штатах все более нагло и вызывающе. В июне 1949 г. в городе Ирвингтон, штат Джорджия, был зверски убит негр-рабочий Калед Хилл. Шайкой линчевателей предводительствовал местный шериф, и, когда вдова несчастной жертвы возбудила дело в суде, Большое жури города Ирвингтон оправдало убийц. Выступая по ходу разбирательства дела, прокурор всячески старался обелить представителя власти, участвовавшего в этом гнусном преступлении. С предельным цинизмом он приводел в качестве обстоятельства, облегчающего вину линчевателей, тот «аргумент», что «большинство шерифов штата Джорджия скорее застрелит негра, чем посадит его в тюрьму».

Реакционные организации и группы разбросаны по всем Соединенным Штатам. Но руководит ими единый центр. Американский публицист Джон Карлсон в недавно опубликованной им книге «Заговорщики» приводит многочисленные факты, иллюстрирующие развивающуюся в Соединенных Штатах недвусмысленную тенденцию, которая, как он указывает, «направлена к тому, чтобы одержать для Гитлера победу после его смерти». Приводя имена, даты, фотокопии писем и чеков, Карлсон показывает, что многочисленные реакционные организации в Соединенных Штатах направляются единой волей и придерживаются одинаковой линии: антисемитской, антинегритянской, антирабочей и, прежде всего, антикоммунистической.

Особое внимание лидеры этих организаций уделяют привлечению на свою сторону ветеранов войны. Магнаты Уолл-стрита рассчитывают использовать бывших военнослужащих для организации штрейкбрехерства, для преследования прогрессивных деятелей рабочего движения и вообще для подавления всех демократических сил в стране. В этой связи понятно то значение, которое магнаты Уолл-стрита отводят в своих авантюристических планах Американскому легиону.

* * *

В условиях Соединенных Штатов, где фактически нет партий с постоянным членским составом, связанных уставом и партийной дисциплиной, Американский легион, обладающий разветвленной бюрократической машиной, представляет собой внушительную силу. Однако эта сила никогда не используется в интересах легионеров. Ее направляют реакционные лидеры в своих узко корыстных целях.

Иначе и не могло быть. Ведь Легион с самого начала был задуман как послушное орудие магнатов крупного капитала в их борьбе против рабочего класса и вообще против любого движения, которое могло бы угрожать их могуществу. Об этом убедительно говорит история создания Легиона.

В главах «Как возник Легион» и «Кто финансировал Легион» Джастин Грей весьма подробно описывает подоплеку образования Легиона. Он разоблачает сусальную легенду, согласно которой Легион будто бы возник стихийно, родившись из идеи, осенившей двух участников первой мировой войны—Тедди Рузвельта младшего и Уильяма Паттерсона, когда те в 1918 г. находились на лечении в американском госпитале во Франции.

Документы, приводимые Греем, показывают, что действительность так же далека от этой идиллической картины, как небо от земли. Джастин Грей констатирует:

«Еще за три года до обсуждения вопроса о создании Американского легиона Тедди Рузвельтом и его другом сержантом Паттерсоном и за четыре года до «представления» Тедди Рузвельтом своего плана офицерам на обеде

в Париже, его имя стояло в списке учредителей и руководителей организации под названием: Корпорация «Американский легион» (стр. 38).

Такая организация была официально зарегистрирована в Нью-Йорке в 1915 г. В числе ее пяти временных руководителей фигурировал Тедди Рузвельт младший, который вместе с другими руководителями Легиона 1915 г. оказался также в числе инициаторов «основания» Легиона в 1919 г. Все эти лица в той или иной мере связаны с магнатами Уолл-стрита. Естественно поэтому, что деньги на организацию Легиона предоставили крупные банкиры и промышленники.

Стоит ли после этого удивляться тому, что вокруг истории создания Легиона была поспешно опущена плотная завеса тайны? Первые руководители Легиона, пишет Грей, «знали, что рядовой американец со страхом и недоверием относится к тому, что собирательно называют «Уолл-стрит». Именно поэтому они так старались сохранить в тайне тот факт, что Легион был создан узким кругом людей и что план его организации был тщательно продуман заранее, а потому и прилагали все усилия, чтобы скрыть список лиц, финансировавших Легион. Должно быть, они понимали, что если им не удастся убедить людей в том, что Легион опирается на низы и представляет интересы *всех*, то никакого Легиона вообще не будет» (стр. 56).

Тайные цели, которые преследовали инициаторы Легиона, с похвальной откровенностью раскрыл его первый национальный командор Франклин д'Олье. В одном из номеров журнала «Америкэн лиджен мансли» он поместил статью, проливающую достаточно яркий свет на вопрос о том, зачем был создан Легион. Д'Олье писал о периоде, наступившем после первой мировой войны:

«Вспомните положение вещей после перемирия. Нервы во всем мире были напряжены до крайности. Царил страх перед большевизмом. Социальный переворот в России совершили недовольные солдаты, а на земном шаре было очень много солдат, занятых только помыслами о своих невзгодах» (стр. 44).

Весьма показательным для надежд, возлагавшихся на Легион крупными капиталистическими монополиями Соединенных Штатов, является письмо представителя круп-

нейшей американской мясоконсервной фирмы «Свифт», посланное в 1919 г. различным поставщикам мяса в Чикаго. В письме говорилось:

«Все мы интересуемся Легионом, результатами, которых он добьется, осуществлением им своей конечной цели—подавления радикализма.

Чрезвычайно важно, чтобы мы оказали помощь этой достойной деятельности. Председатель совещания предложил мне обратиться к различным биржевым кругам за пожертвованием» (стр. 54).

Все эти обстоятельства не оставляют сомнения в том, что Легион был создан, во-первых, с целью отвлечь возвращающихся на родину солдат от «помыслов о своих невзгодах». Во-вторых, он предназначался для подавления «радикализма», то-есть демократического движения в Соединенных Штатах. Иными словами, Легиону отводилась роль сторожевого пса американского капитала. Эту роль Легион усердно выполняет и по сей день.

Заправилы Легиона, проводя свою антинародную политику, действуют по прямой указке Национальной ассоциации промышленников, объединяющей крупнейшие американские корпорации. В своей книге Джастин Грей приводит список двадцати девяти национальных командиров Легиона, занимавших этот пост начиная с 1919 г. Их деятельность показывает, что все они в той или иной мере связаны с крупным капиталом. Таким образом, в руках магнатов Уолл-стрита Легион является послушным орудием, которое они за спиной ветеранов войны беззастенчиво используют по своему усмотрению.

Конечно, связи между монополиями и заправилы Легиона держатся в строгом секрете. Грей цитирует весьма любопытный меморандум «Национального комитета промышленной информации», из которого явствует, какое большое значение придают подлинным хозяевам Легиона тому, чтобы скрыть от общественности свои интимные отношения с Уолл-стритом. Вот что говорится в этом меморандуме по поводу одной из кампаний, направленных против «Нового курса» Рузвельта, проводившейся Легионом по заданию монополистических корпораций:

«Митинги должны быть организованы целиком по инициативе местных властей, а не под руководством Нацио-

нальной ассоциации промышленников... Митинги должны носить строго местный и гражданский характер, и инициатива должна исходить от общественности. Желательно, чтобы инициативу взяла на себя группа ведущих гражданских организаций, как... *Американский легион* и другие подобные группы... Мы не считаем необходимым оглашать тот факт, что докладчика предоставляем мы» (стр. 67, 68).

* * *

В книге Джастина Грея читатель найдет немало фактов, говорящих о гнусных методах расправы, применяемых главарями Легиона в отношении представителей прогрессивного движения. Хозяева Легиона не останавливаются перед самыми жестокими актами насилия в попытках подавить демократические силы, неотвратимо развивающиеся в Соединенных Штатах, как и во всем мире. Особенно возмутительна история зверского линчевания в Сентрейлии (штат Вашингтон) профсоюзного деятеля Уэсли Эвереста.

Травля активных профсоюзных деятелей, линчевание негров, подавление всех прогрессивных элементов и поддержка самых черных сил реакции—таковы основные формы деятельности Американского легиона. Нынче, когда в Соединенных Штатах по указке вашингтонских властей развернулась разнузданная антикоммунистическая истерия, Американский легион стоит во главе крестового похода реакции против прогрессивных сил.

Книга Джастина Грея охватывает период вплоть до первой половины 1947 г. Последующие события, связанные с деятельностью Американского легиона, лишь подтверждают наблюдения и выводы автора.

Лидеры Легиона активно включились ныне в антисоветскую кампанию, инспирируемую американскими монополиями. Они всеми средствами поддерживают экспансионистский курс магнатов Уолл-стрита; они всячески пропагандируют «доктрину Трумэна», официально провозгласившую беззастенчивое вмешательство Вашингтона в дела других стран и предусматривающую оказание открытой поддержки реакционным режимам. «План Маршалла», направленный на закабаление западноевропейских стран американскими монополиями, как и агрес-

сивный Северо-атлантический договор, также были встречены с ликованием заправилami Легиона.

Реакционная политика лидеров Американского легиона нашла свое наиболее яркое отражение в ходе работы общенациональных съездов Легиона, происходивших в 1947 и 1948 гг. Особенно распоясались заправилы Легиона на съезде, состоявшемся в 1948 г. в Майами (штат Флорида). Съезд этот, сопровождавшийся разжиганием военной истерии, был превращен в трибуну для самых гнусных антисоветских выпадов. Впрочем, скоро выяснилось, зачем понадобилась эта очередная клеветническая кампания организаторам съезда. Его участники потребовали от правительства Соединенных Штатов новых крупных ассигнований на вооружения. Нетрудно догадаться, что это требование было продиктовано фабрикантами оружия из Национальной ассоциации промышленников, для которых новые военные заказы означают дальнейший рост барышей.

Стоит отметить, что на съезде в Майами с пространной речью выступил и президент Трумэн, который, так же как, впрочем, и многие министры Соединенных Штатов, является старым членом Легиона.

В печати то и дело появляются новые данные об антидемократических происках Легиона. Недавно, например, его лидеры организовали в Вашингтоне так называемый «Семинар по борьбе с подрывной деятельностью». 75 слушателей «семинара» были специально отобраны начальством из числа легионеров, использовавшихся во время войны американской разведкой.

Программа занятий держалась в секрете. Однако имена «профессоров», читавших там «лекции», сами по себе определяли характер этого «семинара». В числе «профессоров» находились, в частности, такие зубры реакции, как матерый поджигатель войны и антисоветский клеветник Уильям Буллит и деятель пресловутой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Томас. Слушатели «семинара» должны были затем передать свои «познания» рядовым легионерам на местах. Как вскоре выяснилось, вся эта затея была задумана с целью инспирирования кампании, рассчитанной на то, чтобы добиться от конгресса объявления вне закона коммунистической партии Соединенных Штатов.

Во всех антисоветских мероприятиях американских реакционеров Легион неизменно принимает самое активное участие. Когда в марте 1949 г. монополистическая пресса начала клеветническую кампанию против советских представителей, приглашенных прогрессивными организациями Соединенных Штатов на происходивший в Нью-Йорке конгресс американских деятелей культуры и науки в защиту мира, национальный командор Легиона Браун одним из первых выступил с требованием, чтобы правительство отказало в предоставлении виз советским гостям конгресса. Именно члены Легиона в Нью-Йорке получили задание организовать пикетирование (кстати сказать, бесславно провалившееся) здания гостиницы Уолдорф-Астория, в которой заседал конгресс в защиту мира.

Реакционная деятельность Легиона, направленная на разжигание чужденоненавистничества и военной истерии, не имеет, разумеется, ничего общего с чаяниями американского народа, как и со стремлениями рядовых легионеров, перенесших ужасы войны и кровно заинтересованных в предотвращении новой кровавой бойни. Поэтому верхушка Легиона может проводить свою антинародную деятельность, лишь попирая элементарные принципы демократии и установив внутри Легиона беспощадную диктатуру. Разглагольствования о демократии и «забота» о благе легионеров—это лишь удобная ширма, за которой скрываются грязные махинации окопавшихся в штабе Легиона реакционеров.

Джастин Грей приводит вопиющие факты, показывающие, как верхушка Легиона грубо игнорирует волю рядовых членов Легиона принимая по тому или иному вопросу решения, находящиеся подчас в полном противоречии с недвусмысленно выраженной точкой зрения большинства легионеров. Заправилы легиона лицемерно называют свою организацию «самой демократической в мире». Но они ни во что не ставят мнение рядовых членов и нисколько не опасаются при этом потерять свои тепленькие местечки, ибо за их спиной стоит могущественная машина монополистов Уолл-стрита. Таковы особенности хваленной «американской демократии».

Многим ветеранам войны ненавистен реакционный курс лидеров Легиона. Но не каждый находит в себе

достаточно мужества, чтобы сказать об этом открыто. Грей приводит показания одного легионера, который был вовлечен в кампанию по нападению на бастовавших рабочих в Калифорнии. «Мне не нравится это занятие—избиение людей,—заявил легионер,—но если я не буду принимать в нем участия, я должен лишиться работы и искать ее где-либо еще, а я не знаю, где бы я мог ее найти. Я должен содержать жену и троих детей школьного возраста» (стр. 120).

Грей показывает, какими средствами главари Легиона удерживают власть:

«С одной стороны, это огромная пропагандистская машина—газеты, журналы, радио,—которая ежедневно вдалбливает в головы легионеров восхваление «линии», проводимой верхушкой Легиона...

С другой стороны, в распоряжении Легиона имеются всевозможные средства для подавления любого проявления недовольства... Иногда эта система подавления инициативы просто отвратительна» (стр. 127, 128).

Важным рычагом для удержания в повиновении массы легионеров служит широко разветвленная система слежки. Каждый, кто осмелится критически высказаться по адресу заправил Легиона, рискует быть обвиненным в «подрывной деятельности».

«Осведомителем,—пишет Джастин Грей,—может быть и легионер и не-легионер. Им может быть чиновник местного поста или мэр вашего города, или ваш ближайший сосед-штатский, с которым вы болтаете каждый вечер через забор вашего сада. Он регулярно сообщает в Индианаполис обо всем, что вы говорите, делаете или думаете» (стр. 158).

Главари Легиона широко пользуются также данными Федерального бюро расследований—американской тайной полиции,—с которым они работают в самом тесном контакте. Все это направлено к тому, чтобы пресечь в зародыше любое недовольство в рядах легионеров.

Для более полной характеристики политики лидеров Легиона стоит упомянуть об их отношении к фашистским режимам. Грей рассказывает об особых симпатиях, проявлявшихся заправилами Легиона, в частности, к Муссолини, которому в 1933 г. они без ведома рядовых легионеров присвоили звание почетного легионера.

Таково подлинное лицо Американского легиона—этой явно фашистской организации, служащей интересам крупного капитала.

* * *

На протяжении своей книги Джастин Грей неоднократно возвращается к мысли о том, будто рядовые легионеры в нынешних американских условиях могут без особого труда заставить Легион отойти от реакционного курса, по которому его направляют, якобы, лишь отдельные мракобесы из Индианаполиса. Наивная вера автора в существование подлинной американской демократии и отличного от политики Уолл-стрита правительственного политического курса, якобы в какой-то мере защищающего интересы простых людей Америки, побуждает его отстаивать ту точку зрения, что ветераны войны должны вступать в Американский легион, чтобы постепенно, путем «творческой критики», изменить его лицо. Но судьба самого Грея как нельзя лучше показывает наивность такого рода умозаключений.

Пока Грей скрывал свои сомнения и беспрекословно выполнял приказы начальства, он быстро поднимался по служебной лестнице. Но стоило ему пойти наперекор воле хозяев Легиона, как он очутился на улице. Это также одна из специфических черт хваленной «американской демократии», целиком находящейся на службе у магнатов Уолл-стрита.

Впрочем, ценность книги Джастина Грея не в его выводах. Значение ее в том, что она приоткрывает завесу над одной из весьма неприглядных сторон так называемого «американского образа жизни», столь беззастенчиво рекламируемого вашингтонскими пропагандистами за рубежами Соединенных Штатов. Вот почему русское издание книги Джастина Грея, опускающее некоторые второстепенные детали повествования автора, будет представлять несомненный интерес для советского читателя.

В. Березков.

*Посвящается
ветеранам второй мировой войны
и той Америке, в которой они
хотят жить.*

ДЖАСТИН ГРЕЙ

**ПРАВДА
ОБ АМЕРИКАНСКОМ
ЛЕГИОНЕ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСТУПАТЬ ИЛИ НЕ ВСТУПАТЬ?

В октябре 1943 г. для большинства американских солдат война еще не началась. Но из моей части—роты «С» 3-го диверсионно-десантного батальона—многих давно уже должны были сменить и вернуть в Соединенные Штаты, предоставив им отпуск. Батальон шел впереди во время трех вторжений—в Северную Африку, Сицилию и Италию. Сейчас, после серьезных боев в районе Салерно, мы разместились в небольшом полуразрушенном горном городке Каяццо для отдыха и пополнения. И то и другое было нам необходимо.

И вот здесь, во время бесед у костра—к северу от реки Вольтурно зима наступает рано,—я впервые с тех пор как нахожусь за рубежом, услышал, что солдаты всерьез заговорили об Американском легионе. Эта тема возникла сама собой; речь шла об отпусках и демобилизации, о которых солдаты говорят всегда, как только у них бывает малейшая передышка.

Первым о Легионе заговорил, кажется, Сай Миллер—сержант отряда 2-го штурмового взвода роты «С». Он был одним из первых бойцов-десантников диверсионно-десантной группы, обучавшейся в Шотландии.

Мы мечтали вслух о том, что будем делать дома, когда Сай сказал, как бы нащупывая почву: «Я никогда не вступлю в Американский легион—это уж наверняка».

Как мне помнится, никто из парней, сидевших вокруг костра, не возразил Саю, но у каждого были для этого свои причины. Свирепого вида стрелок из роты «F» заявил, что он может, и не платя членских взносов ни в какую организацию, ежегодно напиваться и выбрасывать пианино из окон. Решительно настроенный автоматчик заметил, что не хочет иметь ничего общего с ветеранами первой мировой войны. Кое-кто назвал Легион

«вшивой штрейкбрехерской бандой». Но, пожалуй, лучше всех выразил наши тайные мысли мой приятель из 3-го взвода, сказав: «Сейчас я солдат, но как только эта проклятая война кончится, я демобилизуюсь и буду обыкновенным гражданином. О войне я постараюсь забыть и вступать никуда не собираюсь».

В июне 1944 г. я поехал в отпуск домой в Нью-Йорк. Здесь мне повезло, как никогда в жизни. Неисповедимыми путями, которыми действуют армейские власти, я был назначен корреспондентом военного еженедельника—журнала «Янк».

Некоторое время я работал в главной конторе журнала в Нью-Йорке. Однажды редактор популярного отдела писем Макс Новак подал некоторым из нас мысль о создании в «Янк» поста Легиона¹. Макс был осведомлен о Легионе. В свободное время он изредка писал статьи для ежemesячного органа Легиона—журнала «Америкэн лиджен мансли».

«Видите ли,—убеждал он нас,—в Легионе нет таких недостатков, которых не смогла бы исправить масса вступивших в него новых членов. Это крупная, мощная организация, ее лишь надо сделать более современной, чтобы она соответствовала требованиям участников второй мировой войны. И Легион нам и мы Легиону могли бы дать много хорошего».

Макс был превосходный, честный парень и притом очень способный. Он был хороший оратор. Но мне кажется, он поднял вопрос о вступлении в Легион слишком рано. Начинало разворачиваться сражение за Арденнский выступ. В Тихом океане мы продолжали перескакивать с острова на остров. Конец войны казался далеким как никогда, а кроме того, многие из нас знали,

¹ Пост является местной первичной организацией Легиона, образуемой отдельными легионерами. Все посты, находящиеся на территории округа, обычно образуют организацию членов Легиона по данному округу, а посты на территории штата образуют организацию членов Легиона в рамках штата. Местная организация членов Легиона в масштабе штата называется департаментом. Департаменты образуют национальную организацию, то-есть Американский легион. Высшая власть принадлежит ежегодно создаваемому национальному съезду, который в уставе Легиона называется «законодательным органом Американского легиона». (*Прим. ред.*)

что они будут скоро вновь отправлены за океан. Поэтому его предложение повисло в воздухе; однако само собой подразумевалось, что мы снова поднимем этот вопрос после окончательного возвращения на родину.

Через два месяца я оказался в районе Тихого океана. Здесь меня стала преследовать мысль о вступлении в Легион или какую-либо другую организацию ветеранов. Район Тихого океана сильно отличался от Европы. Расстояния были так огромны, что я везде чувствовал себя одиноким. Казалось, будто Тарава, Окинава, Сайпан находятся на разных материках. При таких расстояниях поддельный или настоящий отпускной билет на два дня казался бесполезным; во всяком случае пробраться через океан было нелегко.

У находившихся в безопасности счастливых, которые рано или поздно попадали в тыловой эшелон, было больше времени для разговоров. Кроме того, различные организации ветеранов войны начали усиленно себя рекламировать. Организация «Ветераны иностранных войн» начала даже вербовать в свои члены солдат, находящихся еще в рядах армии. Более того, солдатским семьям разрешалось посылать солдатам в виде подарка членский билет этой организации. Многие из солдат, нетерпеливо дожидавшиеся на каком-нибудь паршивом островке в Тихом океане писем от своих девушек, раскрыв конверт, неожиданно находили в нем членский билет организации «Ветераны иностранных войн».

Американский легион, устав которого запрещал принимать в члены находящихся в армии солдат, развивал кипучую деятельность без фактической записи. Легион издавал специальный журнал «Америкэн дайджест», доказывавший солдатам, как выгодно после окончания войны вступить в Легион. В Гонолулу Легион организовал с целью пропаганды бюро, в котором работало четверо присланных из Соединенных Штатов легионеров. Карманные издания журнала «Америкэн лиджен мансли» распространялись в огромном количестве экземпляров. На любом из островов Тихого океана я неизбежно наталкивался на издания Легиона. В некоторых районах они распространялись даже шире, чем журнал «Янк».

Приблизительно в это время, то-есть в начале 1945 г., мы впервые слышали о Комитете американских ветера-

нов. Он начал занимать в беседах по поводу организаций ветеранов такое же место, как Американский легион и организация «Ветераны иностранных войн».

Я снова проделал путь от острова Иводзима до острова Окинава и собственно Японии. Я все еще находился в тихоокеанских частях и был этим доволен. Работая военным корреспондентом, я находился во время войны в лучших условиях, чем большинство моих товарищей, не говоря уже о погибших.

В октябре 1945 г. я вернулся в США. 27 октября после небольших формальностей я был демобилизован вместе с двадцатью другими корреспондентами «Янк» и «Старс энд страйпс» на островке Говернорс Айленд в нью-йоркской бухте.

В моей памяти сохранилась каждая минута этого дня. Да и кто бы мог забыть его? Было далеко за полдень. Мы стояли на носу баржи, которая везла нас в Нью-Йорк, на родину. Праздновался День военно-морского флота. Над нами, поднимаясь с авианосцев, взвивались сотни самолетов; со строящих на реке Гудзон военных кораблей раздавались оружейные залпы.

Было холодно; ледяной ветер колот лицо. Мы совершили маленькую церемонию, бросив в воды залива мою выдавшую виды армейскую фуражку. Это символизировало освобождение от всего, что олицетворяло армию. Я стал свободным человеком, и никакой военной патруль не имел больше права указывать мне, что и как я должен носить. Какое замечательное чувство!

Однако, оставшись один в метро, вдали от всего армейского, я почувствовал себя иначе. Я ощутил себя потерянным, никому *не нужным*, и у меня возникло острое сознание того, что на мне военная форма с орденскими планками и заплатой на плече, сделанной из куска парусины. Форма связывала меня с армией—единственным, что было важного в моей жизни. Она выделяла меня из среды остальных пассажиров метро. Сняв военную форму, я потеряю связь с армией в тот момент, когда не буду еще готов влиться в окружающую меня гражданскую среду.

Я с грустью вспомнил, что сказал мой приятель в Каяццо: «Об этой проклятой войне я постараюсь забыть и вступать никуда не собираюсь».

Все казалось сейчас иным. Я далеко не был уверен, что хочу забыть «эту проклятую войну» или какие-либо

ее эпизоды. Я знал, что, независимо от того, будет ли на мне военная форма, или нет, я стану чувствовать большую близость с друзьями по армии, чем с товарищами по Гарвардскому университету, где в 1942 г. я готовился к экзамену на звание доктора философии, изучал экономику Дальнего Востока, но бросил эти занятия для того, чтобы добровольно пойти на военную службу.

Поэтому, когда я вскоре встретился с некоторыми друзьями из журнала «Янк» и перед нами снова возник вопрос о создании поста Легиона, я был теперь к этому более расположен. Как почти всякому демобилизованному солдату, это показалось мне привлекательным.

Для одних война была скучным занятием, для других — волнующим, но какова бы она ни была, мы посвятили ей лучшие годы нашей жизни, и она дала нам возможность увидеть события и места, о которых мы даже не помышляли. У нас были общие воспоминания, которыми мы хотели делиться и в дальнейшем. Ясно, что этого лучше всего можно было достичь при помощи одной из организаций ветеранов войны. Вопрос заключался лишь в том, какую именно выбрать. Макс Новак и некоторые из ребят попросили меня заняться этим делом.

У меня лично было много сомнений в отношении Американского легиона. И не только потому, что я долго считал эту организацию существующей лишь как предлог для оргий, устраиваемых ею ежегодно. Я никогда не принимал особенно активного участия в политической жизни, но был воспитан в традициях либерализма и принадлежал к поколению Нового курса. Я голосовал за Рузвельта и был горячим сторонником почти всех его социальных реформ, из которых многие подвергались нападкам со стороны лидеров Легиона.

Дело оказалось далеко не простым. Вскоре я отказался от превратного представления, будто, вступая в организацию ветеранов войны, я ищу только возможности поболтать за кружкой пива о боевых эпизодах. Вместе с миллионами других солдат я хотел гораздо большего. Я искал организацию, которая сможет помочь разрешить многочисленные задачи, возникающие перед демобилизованным солдатом: поможет мне найти работу и жилье, обеспечит приличный жизненный уровень и будет способствовать тому, чтобы мой голос был услышан в конгрессе.

Но прежде всего я нуждался в организации, способной не только добиваться улучшения участи ветеранов войны, но и бороться за лучшую Америку. Я считал тогда, как считаю и сейчас, что судьба демобилизованного неразрывно связана с судьбой его соседа, никогда не служившего в армии, и что по-настоящему улучшить положение демобилизованных в конечном счете может только то, что будет сделано для блага всего народа.

К организации предъявлялись серьезные требования. Чем больше я задумывался над этим вопросом, тем дальше отходил от своей первоначальной мысли—вступить в ряды какой-либо молодой активной организации, объединяющей только участников второй мировой войны, подобно Комитету американских ветеранов.

Даже при предварительном беглом обзоре я убедился, что из всех существующих организаций ветеранов один Легион был достаточно *мощным*, чтобы отвечать моим высоким требованиям. Действительные его возможности стали мне известны лишь через несколько месяцев, но уже и тогда я понимал, что Легион—это американский институт, который, по крайней мере в сельских районах, стоит наравне с церковью, школой и торгующими мороженым кафе.

Например, я узнал, что 25 процентов населения города Волга (штат Южная Дакота) вступило в местный пост Легиона. Пост «Ирвин Бликс № 16» в городе Бэгли (штат Миннесота) насчитывает 448 членов при населении в 1248 человек, то-есть из каждых пяти жителей два являются членами Легиона. Пост № 41 в городе Лорис (штат Южная Каролина) насчитывает 604 члена при населении в 1298 человек, то-есть на каждую семью в среднем приходится два члена Легиона. Пост «Раунер № 309» в городе Лурэй (штат Канзас) гордится тем, что на созываемых его командором Джоном Лоренком митингах присутствует почти весь город. При населении города в 380 человек в организацию вступило 234.

Совершенно ясно, что в таких городах Легион является полным хозяином. Демобилизованный солдат, если он хочет добиться работы, жилища, содействия при ходатайстве о предоставлении ему пособия или при предъявлении иска Администрации по делам ветеранов, нуждается в помощи Легиона. Политический деятель,

пренебрегающий Легионом в таком населенном пункте, перестает быть политическим деятелем. Охотник поиграть в пятницу вечером в кегли попадает в единственный в городе кегельбан, принадлежащий Легиону. Любитель выпить пива получит самое лучшее в баре Легиона.

«Очень скоро наступит время, — сказал однажды национальный командор Легиона, — когда население города будет относиться со справедливым подозрением ко всякому, кто имеет право вступить в Легион, но не делает этого».

В конце осени 1945 г. мне казалось, что предсказание командора уже сбылось. Во всяком случае так, очевидно, думали сотни тысяч демобилизованных солдат, разбросанных по всей стране. Они хлынули не в организацию «Ветераны иностранных войн», не в Комитет американских ветеранов, не в новую организацию «Американские ветераны второй мировой войны», а в Американский легион, который был их старым, испытанным другом. К концу 1945 г. общее число членов Комитета американских ветеранов и организации «Американские ветераны второй мировой войны» едва достигало в среднем 70 тысяч, тогда как в Американский легион в среднем вступало столько же новых членов еженедельно. К этому времени солдаты, демобилизованные после второй мировой войны, уже составляли половину общего числа членов Легиона, приблизительно равного 2 миллионам человек.

Большая часть этих фактов выяснилась во время двух собраний, состоявшихся в Нью-Йорке в конце 1945 г., на которых присутствовала наша группа. Среди нас были люди, которые охотно соглашались с тем, что Легион был наиболее мощной организацией ветеранов, что в нем можно достать самое лучшее пиво, что у него самая красивая форма, что он организует самые интересные риторические дебаты и что нигде нет таких превосходных трубачей и барабанщиков. Но эта часть людей настаивала также на том, что Легион проводит наихудшую реакционную политику и является орудием Уолл-стрита, а также, что ни один уважающий себя демобилизованный солдат не может спокойно поглощать пропагандистскую стряпню Легиона, как бы она ни была приятна на вкус.

Существовала еще одна группировка, от имени которой я активно выступал. Мы соглашались со всей критикой по адресу Легиона, но все же настаивали на том, что «в Легионе нет таких недостатков, которые не могли бы исправить вступившие в него новые члены». Высказывавшиеся за вступление в Легион утверждали, что если в него вступит достаточное число таких же, как мы, участников второй мировой войны, мы сможем переделать его на свой лад. Мы доказывали, что, оставаясь в стороне, мы предоставляем реакционерам возможность без помехи хозяйничать в Легионе.

Дебаты не привели эти группировки к единству. Выступавшая против Легиона фракция не присоединилась к Легиону: ни эта группа в целом, ни, насколько мне известно, отдельные ее члены не вступили в него; многие из членов этой группы записались в Комитет американских ветеранов. Группа, поддерживавшая Легион, постановила организовать пост Легиона «Дункан-Париж № 1422». Разрешение на организацию поста было получено в марте 1946 г. Первым его командором был Марион Харгров, заслуживший известность своей книгой «Перед вами рядовой Харгров».

Итак, несмотря на наши недавние беседы у костра в Италии, я вступил в Американский легион. Я был не одинок. Мне довелось узнать, что все ребята, с такой готовностью поддерживавшие заявление Сая Миллера— «Я никогда не вступлю в Американский легион—это уж наверняка»,—вступили в Легион, не исключая и самого Миллера.

По иронии судьбы, история моего вступления в Легион оказалась наиболее своеобразной. Национальный штаб Легиона, расквартированный в штате Индианаполис, узнал о моей роли в организации поста «Дункан-Париж»; вероятно, до него дошла и моя критика политики Легиона. Как бы то ни было, штаб Легиона предложил мне постоянную работу в качестве организатора (официально должность называлась: национальный представитель по вовлечению новых членов) в штатах Новой Англии, Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании.

Мне не хотелось соглашаться на эту работу. Заработная плата была не слишком соблазнительна. Кроме того, я должен был попасть прямо в ряды высшего началь-

ства, которое я считал ответственным за многие отрицательные стороны политики Легиона. Однако в силу занятой мною позиции я не мог отказаться. Если я утверждал, что прогрессивный человек должен быть членом Легиона,—а я утверждал это,—то как мог я отрицать тот факт, что будет еще лучше, если этот прогрессивный человек займет в Легионе руководящее положение или будет близок к руководству?

И я согласился. Вспоминая сейчас прошлое, я вижу, что моя позиция была не лишена претенциозности: я был человеком, делающим добро, «рыцарем в сверкающих доспехах». Однако, несмотря на то, наивно или нет это выглядело, я безусловно был честен и меня поддерживало сознание, что в стремлении к осуществлению своих целей я буду не одинок.

Каковы же были мои цели? Я размышлял об этом по дороге в Индианаполис. Я хотел, чтобы Легион стал великой силой в защиту мира; чтобы он поддерживал большинство против меньшинства; чтобы он боролся за государственное жилищное строительство, контроль над ценами и расовое равенство. Я хотел, чтобы Легион признал роль рабочего класса в Америке и право рабочих объединяться в профсоюзы и заключать коллективные договоры с предпринимателями. Я хотел, чтобы он поддерживал закон о правах человека. Но более всего я желал, чтобы Легион действительно представлял интересы трех с половиной миллионов солдат и 800 тысяч женщин из Вспомогательного корпуса, являющихся его членами.

Эти задачи не казались мне чрезмерно радикальными. Я был убежден, что миллионы американцев так же, как я, верят в их осуществимость.

Г Л А В А В Т О Р А Я

МОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Я прибыл в Индианаполис утром и поехал прямо в штаб Легиона, находящийся на площади Уор мемориал. Автомобиль остановился у внушительного здания, выстроенного в классическом стиле греческой архитектуры. Я не удивился, когда мне сказали, что это здание является памятником войне. Оно занимало территорию, равную пяти кварталам, и было окружено подстриженными кустами и деревьями, посаженными вдоль широких, залитых асфальтом дорожек. Вокруг возвышались другие здания, похожие на памятники; каждое из них было посвящено героям войн, в которых когда-либо принимала участие Америка.

На ближайшие четыре недели этот штаб должен был стать моей «школой». Здесь меня должны были «приобщить к доктрине» — таков был термин, принятый наставниками Легиона, — то-есть ознакомить с историей Легиона, его традициями, идеалами и мировоззрением. Здесь меня как сотрудника Легиона должны были научить, что думать, что, как и когда говорить.

Через массивные стальные двери здания я вошел, внутренне содрогаясь, но отнюдь не намереваясь сорваться. У меня было стремление учиться, работать, ладить с коллегами, и я был уверен, что смогу этого достигнуть.

Я вошел в небольшой облицованный мрамором вестибюль. Швейцар указал мне крошечный лифт, который поднял меня на третий этаж. Здесь я нашел кабинет моего нового начальника, руководителя Отдела расширения и стабилизации Чака Вилсона. Оказалось, что «приобщать к доктрине» собираются, кроме меня, еще троих: сына редактора официозной газеты Легиона «Нэйшнл лидженер» Дика Канна, готовившегося к работе

в районе Детройта; Боба Марра—протеже Дока Риверса, видного работника Легиона в штате Оклахома,—который должен был вернуться в свой родной город; и, наконец, племянника видного легионера в штате Индиана Пита Галланта, предназначавшегося для работы в штате Алабама и в южных штатах.

Наш начальник Чак Вилсон был так называемым «профессиональным легионером». Он начал работу в Национальном штабе около 23 лет назад в качестве конторщика по отправке почты. Теперь это был лысый круглолицый человек, отличавшийся методичностью в работе. Мне казалось, что он был глубоко предан Легиону, но в работе его не проявлялось особого блеска.

У Вилсона были странные представления. До второй мировой войны он некоторое время работал в Легионе помощником директора Комиссии по вопросам американизма. Если его послушать, создавалось впечатление, будто единственным представлением, которое он вынес из своей работы, было то, что Христианская ассоциация молодежи является организацией коммунистического фронта. Эта нелепая мысль превратилась у него в навязчивую идею.

Я не успел пробыть в кабинете Вилсона и часа, как получил первый практический урок, показавший, что подразумевается в Легионе под «приобщением к доктрине». Урок был преподан не по учебнику и произвел поэтому особенно сильное впечатление.

Мы собирались идти завтракать. Вдруг кто-то, очевидно в шутку, больно ударил меня по руке. Я быстро повернулся и нанес легкий ответный удар, пробормотав: «Ах, ты фашист!»

Это произошло совершенно произвольно. Так в шутку обзывали друг друга ребята из моего диверсионно-десантного батальона в Италии. Но мой новый товарищ по Легиону отнесся к этому серьезно и резко заметил: «Здесь, в Легионе, в шутку или всерьез, мы обзываем *коммунистом* того, кто нам не нравится».

В программу нашего официального «приобщения к доктрине» входили совещания с людьми, возглавлявшими различные отрасли сложной деятельности Легиона. Затем нам давали «задания на дом». Мы должны были прочесть объемистые доклады, меморандумы, брошюры и т. п.,

касавшиеся истории организации Легиона, его внутренней структуры, политики и достижений. Но важнее всего в курсе нашего обучения были регулярные занятия по утрам с Вилсоном, который разъяснял нам общую программу Легиона.

Мы должны были поддерживать национального командора, независимо от того, прав он был или неправ, совершил ошибку или не совершил.

Вилсон и его помощник Дон Уайт терпеливо, но настойчиво доказывали, что, независимо от нашего личного мнения, мы прежде всего должны быть верны Легиону, а Легион—национальному командору. Они подчеркивали, что внешнему миру национальный командор всегда должен казаться «правым»; разногласия с ним должны оставаться «семейным делом».

Из серии лекций Вилсона о верности Легиону это была первая. Она произвела на меня очень сильное впечатление по двум причинам: прежде всего потому, что открыла мне глаза на существующую в Легионе чрезвычайную дисциплину по отношению к руководству; во-вторых, потому, что она показала мне, как мало известна внешнему миру действительная работа внутри организации и как наивно расценивают ее даже якобы хорошо информированные круги.

«Приобщение к доктрине» продолжалось. Мы близко познакомились с руководителями Легиона, а также с его историей и политикой.

В Легионе работал Дон Гласкоф, занимавший пост национального адъютанта (генерального секретаря) и фактически являвшийся главным административным руководителем Легиона. Он мог бы давно сосредоточить в своих руках бразды управления политикой, но трудностям, связанным с руководством политикой, он предпочел трудности, связанные с ее проведением в жизнь, и удовольствовался тем, что его из года в год назначали на один и тот же высокий пост.

На третьем этаже помещалась Комиссия по вопросам американизма. Здесь мы познакомились с ее секретарем Р. Вортом Шумэйкером. Директор Комиссии Док Шервуд был в отъезде, и Шумэйкер вместо него изложил нам широкую и разнообразную программу американизма, охватывающую состязания в бейзбол для молодежи,

нии провозглашения гражданства, конкурсы на лучший очерк или доклад, стипендии, ознакомление с денежными расчетами, молодежные стрелковые клубы, военную подготовку молодежи и т. п.

Ворт Шумэйкер по профессии учитель. Его пригласили несколько лет назад в Индианаполис, чтобы он подверг «критике» исторические учебники, автором которых был либерал Гаролд Рэгг. Шумэйкер настолько хорошо справился с этой задачей, что ему предложили остаться в Легионе и взять на себя повседневную всеобъемлющую работу, составлявшую существенную часть программы Легиона в области превращения рядовых американцев в Американцев.

Мы провели три часа с Милтоном Кэмпбеллом. Он главным образом старался внушить нам тот факт, что атомная бомба не заменила и не может заменить пехоты. Кэмпбеллу была поручена одна из самых важных задач, входящих в программу Легиона: всеобщее военное обучение.

Мы познакомились в Индианаполисе еще со многими работниками Легиона: с начальником отдела специальных мероприятий Джо Рабиновичем, с директором доходного отдела по распространению легионерских значков Карлом Моррисом, с сотрудником важного финансового отдела Гленном Кроуфордом, с руководителем влиятельного отдела рекламы Легиона Рэем Филдсом, автором радиоинсценировок Легиона Бобом Дроlichem, редактором официозной газеты Легиона Джеком Канном и с руководителем всей издательской деятельностью Легиона Джеймсом Бартоном.

В общем к тому времени, когда я был готов отправиться в Вашингтон, у меня создалась довольно полная картина работы Легиона. Во многих отношениях она была гораздо полнее, чем хотели бы мои учителя.

Все это заставило меня пересмотреть свое отношение к Легиону. С одной стороны, я был платным сотрудником Легиона, обязанным, как и всякий служащий, выполнять указания своих работодателей. В любом обычном коммерческом предприятии ни один хозяин не потерпит отказа подчиненного проводить его деловую политику, какой бы безумной эта политика ни была.

С другой стороны, Легион не был обычным коммерческим предприятием. Неоднократно писалось, что это была организация, не приносящая дохода, организация, посвятившая себя интересам вступивших в нее ветеранов. А ведь я был не только получающим заработную плату служащим Легиона, но и его членом. Как платный служащий я должен был солидаризироваться с политикой моих начальников, но как член Легиона я был полностью солидарен с рядовыми его членами, от имени которых, как предполагалось, действовал Легион.

Для человека, относившегося так серьезно к жизни, как я, это был трудный вопрос. Но мне казалось, что я нашел выход. Национальный штаб, конечно, превратился бы в ад, размышляя я, если бы каждый работник был волен проводить собственную политику и саботировать политику других. Безусловно необходимо, чтобы руководство Легионом осуществлялось при помощи передаточных инстанций, контролируемых Национальным исполнительным комитетом и национальным командором.

Но, думая я, существование «передаточных инстанций» может быть действительно оправдано лишь при условии, если верховное руководство Легиона избирается на не слишком долгий срок и ответственно перед рядовыми членами Легиона. Другими словами, если Легион является действительно демократической организацией, то от сотрудника (который по правилам должен быть одновременно членом Легиона) вполне можно потребовать, чтобы он на некоторое время примирился с существующим положением, так как рано или поздно он сможет участвовать в выборах и поможет отстранить мошенников.

На протяжении всей своей работы в Легионе я изо всех сил старался найти в нем признаки демократии. Вероятно, эти поиски сделали меня более бдительным и заставили меня подходить ко всему более критически, чем было бы в ином случае. Так или иначе, занимаясь этими поисками, я узнал очень многое, чего, очевидно, не должен был знать. То я наталкивался на случайно подшитый не в ту папку, в которую нужно, документ, представлявший определенный интерес, то меня заставляло задумываться какое-нибудь происшествие из истории Легиона или уклончивый ответ на прямой вопрос.

Все это дополняло многочисленные интересные факты, о которых мне рассказали или которые я обнаружил в дальнейшем.

Я работал в Легионе девять месяцев; вначале в должности организатора, а затем в качестве помощника директора Комиссии по вопросам американизма. Меня уволили по личному приказу Пола Гриффита, кандидатура которого на пост нацистского командора должна была быть утверждена съездом Легиона в октябре 1946 г. Как будет показано ниже, мое увольнение не имело никакой прямой связи с тем, как я выполнял свою работу.

Я вернулся на восток США без всякого намерения написать книгу. К этому побудили меня друзья.

«Послушай, Джастин,—сказал один из них,—ты вступил в Легион потому, что верил в его идею и надеялся, что сможешь хоть немного исправить его недостатки. Не так ли?»

«Правильно»,—ответил я.

«Тебе это не удалось?»

«Но ведь я пробыл там недостаточно долго»,—сказал я, пытаюсь оправдаться.

«Причины значения не имеют,—сказал мой товарищ.—Тебе не удалось. Мне кажется, что искупить ошибку своего девятимесячного пребывания там ты можешь только в том случае, если расскажешь своим товарищам, демобилизованным солдатам, обо всем, что ты узнал. Ты же сам говорил, что лишь они могут помочь делу».

«Но мои сведения далеко не полны,—возразил я.—Когда я работал в Легионе, я собирал факты не для книги, а только для своей работы. Это далеко не одно и то же».

«Существуют библиотеки, архивы, учебники истории, протоколы конгресса,—резонно ответил мой приятель.—Вокруг тебя есть люди, которые знают кое-что и смогут рассказать об этом. Ты можешь восполнить пробелы».

Так я и поступил. В последующих главах изложены мои изыскания, на которые потребовался почти целый год, в сочетании с личными наблюдениями, сделанными во время моей девятимесячной работы в Легионе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАК ВОЗНИК ЛЕГИОН

Наше «приобщение к доктрине» в Индианаполисе началось с того, что нам рассказали историю возникновения Легиона. Я без особого интереса прочел рекомендованную мне по этому вопросу литературу. В ней лишь вкратце излагалась общеизвестная история возникновения Легиона, слышанная мною ранее и слово в слово повторяемая по всей стране, где бы и когда бы об этом ни заходила речь.

Однако существуют интересные романтические дополнения к официальной версии, о которых стоит рассказать. В краткой истории Легиона, которая целыми вагонами рассылается из Индианаполиса легионерам и ветеранам по всем Соединенным Штатам, рассказывается, что мысль о создании организации возникла в одном американском госпитале во Франции в 1918 г.

Эта мысль была якобы высказана случайно в беседе между покойным Тедди Рузвельтом младшим, бывшим в то время подполковником, и сержантом Уильямом Паттерсоном, находившимися на излечении в госпитале после ранений, полученных в сражении между реками Эн и Марна. Автор краткой истории пишет:

«Они [Рузвельт и Паттерсон] сошлись на том, что надо как можно скорее вернуться в свои части, чтобы «покончить со всем этим делом», а затем «вернуться домой и создать для блага родины ассоциацию ветеранов войны». Паттерсон впоследствии погиб в бою».

Рузвельт, указано далее в краткой истории, вынашивал эту мысль до февраля 1919 г., когда ему удалось изложить свою идею девятнадцати офицерам на историческом обеде в Клубе офицеров союзных войск в Париже.

Начиная с этого обеда, повествуется дальше, план Тедди Рузвельта начал претворяться в жизнь. Был подготовлен созыв организационного совещания в Париже, состоявшегося в марте того же года. На нем присутствовало около тысячи офицеров и солдат Американской экспедиционной армии. После собрания в Париже состоялось собрание в Сент-Луисе, на котором был утвержден временный устав организации и намечен план созыва первого национального съезда, который состоялся в ноябре 1919 г. в Миннеаполисе.

Более пространные истории возникновения Легиона, например полуофициальная история, написанная в 1923 г. Маркисом Джеймсом, содержат некоторые подробности, но ничего не меняют по существу. Джеймс, например, указывает, что, находясь в госпитале, Тедди Рузвельт поделился своей мыслью со многими, и ссылается на разговор на эту же тему, состоявшийся позже между Тедди Рузвельтом и находившимся при генеральном штабе Американской экспедиционной армии Джорджем Уайтом. Джеймс отмечает, что собрание двух десятков офицеров в Париже было далеко не случайным: оно было специально организовано генеральным штабом для того, чтобы наметить план борьбы с моральным разложением в Американской экспедиционной армии.

Вся эта история была весьма привлекательной, особенно в сокращенном изложении. Приятно было представить себе двух героев войны, залечивающих в госпитале раны и осененных вместе идеей создания легиона ветеранов, где не будет различия чинов и званий. Еще приятнее представить себе при этом, что одним из них был офицер, носящий громкое в Америке имя Рузвельт, а другим—неизвестный сержант. Один принадлежал к высокопоставленным чинам американской армии, а другой был простым американским солдатом. И оба они трудились вместе на благо родины.

Я запомнил все эти приятные сведения и продолжал свою работу.

Через несколько дней во время обсуждения какого-то вопроса Чак Вилсон приказал своему секретарю принести несколько папок из архива на четвертом этаже. Перелистывая эти папки, я натолкнулся на документ, который явно был положен туда по ошибке. Он пролил

новый свет на версию о возникновении Легиона, распространяемую официальными историками.

Документ свидетельствовал о том, что еще за три года до обсуждения вопроса о создании Американского легиона Тедди Рузвельтом и его другом сержантом Паттерсоном и за четыре года до «представления» Тедди Рузвельтом своего плана офицерам на обеде в Париже, его имя стояло в списке учредителей и руководителей организации под названием: Корпорация «Американский легион».

Точнее говоря, 5 марта 1915 г., то-есть за два года без одного месяца до вступления США в первую мировую войну и почти за четыре с половиной года до того, как организация нынешнего Легиона была утверждена постановлением конгресса, муниципальные власти Нью-Йорка выдали удостоверение о регистрации организации под названием «Американский легион», что было утверждено верховным судьей Эдуардом Гейвгеном. Рузвельт значился в списке из пяти человек, намеченных в качестве временных руководителей до первого ежегодного собрания организации.

Первые два параграфа удостоверения о регистрации организации гласили:

«1. Предлагаемая организация будет носить название: Корпорация «Американский легион».

2. Корпорация создается в целях поощрения патриотизма и охвата американских граждан, не находящихся в рядах армии или военно-морского флота Соединенных Штатов или какого-либо из штатов и способных служить родине в случае войны или при ее угрозе».

В представлении легионеров и широкой публики возникновение Легиона неразрывно связано с ветеранами первой мировой войны. Но, оказывается, Американский легион существовал до появления ветеранов первой мировой войны и даже до того—поскольку дело касается Соединенных Штатов—как для США началась первая мировая война!

Мне невольно вспомнилась шутка, разыгранная студентами Принстонского университета в 1936 г. Студенты создали организацию «Ветераны будущих войн», в программу которой входило требование о немедленной выплате пособия, которое, по расчетам студентов, страна

должна была им выдать после очередной войны. В 1915 г. Легион безусловно был организацией ветеранов будущих войн. Но какой она должна была служить цели? •

В Принстоне была разыграна шутка. Но безусловно не шуточное дело затевалось с Легионом в 1915 г. Все это привело меня в смущение. Факт создания Легиона в 1915 г. не мог быть секретом. В свое время его создание было окружено большой рекламой. Далее, документы о создании корпорации хранились в официальных архивах и могли быть потребованы для просмотра в архивах города или штата. Ясно также, что существующий ныне Легион не желал, чтобы его связывали с носящей то же название первоначальной организацией. Мне не следовало видеть документ, свидетельствовавший о ее существовании. Литература, которую мне давали читать, не упоминала об этой организации. Ни Гласкофф, ни Вилсон, ни кто-либо другой из наших наставников в Национальном штабе ни слова не проронили о существовании первого Легиона.

Просмотрев документ, я немедленно обратился к Вилсону за разъяснением. Его ответ пролил свет на многое, хотя и не содержал никаких сведений.

«Забудьте о нем»,—сказал он выразительно.

Но забыть я не мог. Я хотел знать, для чего был создан в 1915 г. первый Легион. Еще больше мне хотелось знать, почему нынешний Легион предпочитает замалчивать существование Легиона в прошлом, словно это была семейная тайна.

Последующие изыскания, продолженные мною после ухода из Легиона, показали, что заговор молчания успешно хранился (за исключением трех недавно имевших место случаев) с момента возникновения нынешнего Легиона. Во время совещания в Париже в 1919 г. специальный комитет обсуждал вопрос о том, как наименовать предполагаемую организацию ветеранов, и, наконец, согласился на название «Американский легион». Но ни в Париже, ни в Сент-Луисе, ни в Миннеаполисе широкие слои его членов не знали, что Американский легион был зарегистрирован еще в 1915 г. Не было объявлено также и о том, что, помимо Тедди Рузвельта, не менее четырех руководителей Легиона, организовав-

ного в 1919 г., значились в списке руководителей Легиона, основанного в 1915 г.

Краткая история Легиона, о которой я говорил в начале настоящей главы, об этом не упоминает. Об этом не упоминается ни в «Справочнике фактов», изданном отделом печати Американского легиона, ни в полуофициальной истории Джеймса, ни в книге «Король Легион», написанной в 1931 г. Маркусом Дэффилдом, в распоряжение которого Легион, очевидно, предоставил лишь часть архивов.

Я просмотрел все существующие издания Легиона. Впервые на упоминание о Легионе 1915 г. я натолкнулся в номере журнала «Америкэн лиджен мансли» за 1943 г. Прочитав из него следующую выдержку:

«Можно назвать случайным совпадением, что имя Теодора Рузвельта младшего, которому приписывают первую попытку создания нынешнего Американского легиона, включено в официальный список членов правления организации 1914 г. ... Таким образом, одинаковое название и участие одних и тех же людей в обеих организациях создают между двумя Американскими легионами родственную связь».

1914 год указан, конечно, по ошибке. Правильная дата—1915 год. Затем, осенью 1945 г. несколько газет подхватило сообщение, впервые появившееся 24 сентября 1945 г. в воинственном еженедельнике Джорджа Сельдеса «Ин фэкт», повествовавшее о возникновении Легиона 1915 г. и о связи с ним Тедди Рузвельта.

Легион, очевидно, считал, что, поскольку семейная тайна раскрыта, надо как можно скорее дать ей какое-то приличное объяснение. Последняя полуофициальная история организации, опубликованная в 1946 г., отводит немало места событиям 1915 г. Книга написана бывшим сотрудником Легиона Ричардом С. Джонсоном, и на обложке красуется официальная печать Легиона.

Автор пишет о первом Легионе:

«В 1915—1916 гг. в Штатах существовал Американский легион, в который вступили Донован, Гудрич, Миллс, Дрейн, Хэнсон и, вероятно, некоторые другие из офицеров, присутствовавших на совещании [в Париже]. Руководителем Легиона был Тедди Рузвельт младший. Идея заключалась в том, чтобы

дать возможность всем бывшим солдатам, морякам и бойцам морской пехоты США организовать и быть готовыми служить своей стране, когда это понадобится».

В эту организацию, по словам автора, вступило от 25 до 50 тысяч человек, указавших свою «военную и техническую квалификацию». В создании и утверждении организации участвовали Тедди Рузвельт старший, бывший президент Тафт и «семь бывших министров по делам армии и военно-морского флота». В конце 1916 г. организация «прекратила работу» в связи с тем, что «правительство затребовало списки Американского легиона для использования их Советом национальной обороны».

Автор не делает никаких выводов из краткого изложения этих фактов и не подчеркивает связи между первым и вторым Легионами. Например, он не упоминает, что принадлежавшие к первому Легиону Уильям Donovan (начальник секретного Управления стратегических служб во время второй мировой войны), Гудрич и Миллс не только присутствовали на организационном собрании второго Легиона в Париже, но, что гораздо важнее, находились в числе двух десятков офицеров на обеде, во время которого Тедди Рузвельт, как предполагалось, впервые выдвинул идею создания Легиона. Он не указывает, что Дрейн, также являвшийся одним из руководителей первого Легиона, был в 1924 г. избран национальным командором нынешнего Легиона.

Относительно целей организации Легиона 1915 г. высказывалось много различных предположений. Выдвигались обвинения, что в тот период Легион был просто «интервенционистской» организацией—группой, стремившейся ввергнуть США в первую мировую войну. Говорили, что организация была создана для того, чтобы заметить Вудро Вильсона президентом-республиканцем. Болтали даже, что Тедди Рузвельт младший, следуя примеру отца, стремился создать собственную частную армию.

Я не могу доказать или опровергнуть правильность какого-либо из этих утверждений. Сделанное открытие относительно существования первого Легиона было для меня важно лишь потому, что оно пролиvalo свет на историю возникновения второго Легиона. Я больше не мог смотреть на организацию, в которой работал, как на то,

чем ее представляли официальные версии. Я не мог больше верить романтическим рассказам о беседах в госпитале, о преисполненном энтузиазма Тедди Рузвельте младшем, преподносящем свою идею группе зачарованных услышанным офицеров, о «стихийной» поддержке нового Легиона Американской экспедиционной армией и солдатами, возвратившимися на родину.

Я понял, что истина заключалась в ином. Истина заключалась в том, что Легион был обязан своим возникновением не американским солдатам—участникам первой мировой войны, как было бы естественно, а был задуман и создан кучкой людей, хорошо знавших, чего они хотят и как добиться своих целей. Истина заключалась в том, что, когда Тедди Рузвельт младший поднялся со своего места, чтобы произнести речь перед девятнадцатью офицерами в Париже, человек шесть из его слушателей, а может быть и более, прекрасно понимали, о чем идет речь, ибо они вместе с ним состояли в первом Легионе. Истина заключалась в том, что какие бы факторы ни были замешаны в создании нынешнего Легиона, в них не было ничего *случайного*.

Возникновение Легиона было не более стихийным, чем созыв республиканского или демократического национального съезда. Чем больше я вникал в подробности, относившиеся к 1919 г., тем яснее становилась для меня планомерная подготовка. Почему среди двух десятков офицеров, направленных генеральным штабом в Париж для участия в совещании по вопросу об укреплении морального состояния армии, шесть или даже более оказались руководителями Легиона 1915 г.? Почему прикрепленный к генеральному штабу подполковник Джордж Уайт, присутствовавший на совещании, после его закрытия сразу получил возможность объехать части Американской экспедиционной армии в автомобиле генерального штаба для распространения доброй вести о предстоящем съезде в Париже? Почему после совещания подполковнику Рузвельту удалось так быстро попасть на родину, что еще до окончания съезда в Париже он занялся организацией Легиона в США и открыл бюро Легиона в Нью-Йорке?

Историки Легиона объясняют странствования подполковника Уайта, с хитрой усмешкой намекая на то, что

отважный офицер, вероятно, достал подложный пропуск, а военные полицейские, благоговей перед выведенной на боках машины белой краской надписью «Генеральный штаб», не решались взглянуть повнимательнее. Конечно, это возможно. Я сам не раз пользовался подложными пропусками, находясь в районе Тихого океана. Забавно представить, как далеко бы я смог уехать, имея документы полковника генерального штаба.

Все же я не уверен, что Уайт оказался столь предпримчивым. В Индианаполисе в архивах «Америкэн лиджен манслис» я натолкнулся на статью первого национального командора Легиона Франклина Д'Олье, также присутствовавшего на совещании «Большой двадцатки» в Париже. В статье, написанной через десять лет после этого события, Д'Олье вспоминает, как генеральный штаб приказал ему присутствовать на совещании в Париже, организованном для обсуждения «морального состояния армии». Д'Олье беззаботно пишет, очевидно, не понимая всей серьезности своих слов:

«Лишь впоследствии я узнал, что родоначальником идеи, которая привела к созыву совещания [«Большой двадцатки» в Париже], был Рузвельт и что он давно думал о создании организации ветеранов».

Итак, идею созыва совещания для обсуждения «морального состояния армии» подал генеральному штабу Тедди Рузвельт. Подал ли он одновременно генеральному штабу мысль о создании организации ветеранов, о которой «давно думал»? И не этим ли объяснялось, что Тедди было так легко в критический момент вернуться в Соединенные Штаты, а Уайт мог свободно разъезжать и распространять идею о создании Легиона, пользуясь принадлежавшим армии бензином? Если высшее командование армии и не было фактическим отцом Легиона, оно безусловно было необыкновенно заботливым отчимом.

Статья Д'Олье проливает яркий свет не только на то, как был создан Легион, но и на то, почему он был создан.

Можно было ожидать, что бывший национальный командор Д'Олье в статье, опубликованной в специальном издании Легиона, пустится в связи с этим в высокопарные рассуждения. Можно было ожидать от него заявления, что люди, выдвинувшие идею создания

Легиона, заботились о благе ветеранов, что они думали об организации, которая предоставит ветерану пособие, если он окажется в нужде, поместит его в хороший госпиталь, если он заболет, обеспечит ему работу, если он останется безработным. Можно было ожидать, что он будет говорить о благородных идеях справедливости, свободы, демократии, товарищества, взаимопомощи, сохранившихся во вступлении к уставу Легиона.

Но Д'Олье, очевидно, был попросту откровенным парнем, а отнюдь не дипломатом, комиссионером или вообще лицемером. Возможно, он не видел оснований скрывать факты и, объясняя, почему «Большая двадцатка» подерживала Легион, откровенно писал:

«Вспомните положение вещей после перемирия. Нервы во всем мире были напряжены до крайности. Царил страх перед большевизмом. Социальный переворот в России совершили недовольные солдаты, а на земном шаре было очень много солдат, занятых только помыслами о своих невзгодах».

Для выяснения вопроса о том, почему был создан Легион, можно обратиться не только к Д'Олье. В полуофициальной истории Легиона, написанной в 1946 г., Ричард Джонс повествует о настроениях лидеров Легиона в 1919 г.:

«Всех очень тревожил вопрос, какую позицию займет после войны рядовой солдат по отношению к крайнему политическому радикализму... Из Америки доходили слухи, поступали сообщения о радикальных, коммунистических движениях, о создании солдатских и матросских советов солдатами и матросами, демобилизованными вскоре после перемирия. В Виннипеге (Канада) произошло нечто вроде восстания, во многих местах вспыхивали стачки и демонстрации... При обсуждении всех этих вопросов в Американской экспедиционной армии во Франции все это называлось «большевизмом».

Даже беспокойные настроения и падение дисциплины в Американской экспедиционной армии некоторые приписывали влиянию советских идей. Здоровая и прочная организация ветеранов могла бы лучше всего противодействовать их распространению. В период создания Легиона часто высказывался страх

перед положением, которое тогда обычно называли «большевизмом».

При чтении всего этого материала у меня создалось впечатление, что ветераны 1919 г. были втянуты в Легион при помощи нечестных уловок. В торжественном вступлении к уставу Легиона, написанном Хэмом Фишем, не было ни слова о беспокойстве командования по поводу «недовольных» солдат. Ничего не упоминалось о «стачках» и «радикализме». Кое-что говорилось лишь о «сто-процентном американизме». Однако и Джефферсона, Джексона и Линкольна в свое время обвиняли в радикализме, хотя вряд ли можно усумниться в том, что они не были настоящими патриотами.

В конце концов, если человек верил в демократию типа джефферсоновской, это было его личное дело. Республиканец мог назвать его «радикалом»; это входило в американскую политическую игру, при которой принято наклеивать ярлыки. Но Легион, который согласно своему уставу не должен был заниматься политикой, не имел права наклеивать ярлыки или контролировать чьи бы то ни было мысли.

Однако все это произошло очень давно, и я подумал вначале, что есть немало людей, которые плохо зарекомендовали себя в детстве, а потом превратились в достойных граждан.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КТО ФИНАНСИРОВАЛ ЛЕГИОН

Вторая часть программы «приобщения к доктрине» в Индианаполисе была связана с финансовыми делами Легиона.

Я познакомился с мозгом финансового механизма Легиона—национальным казначеем Нилом Грайдером и ревизором Гленном Кроуфордом—в переполненной посетителями конторе последнего на третьем этаже. Письменный стол Кроуфорда стоял в конце большой продолговатой комнаты, где работало много людей и велась вся бухгалтерия организации, ежегодный бюджет которой достигал пяти с половиной миллионов долларов.

В конце коридора в крошечной комнате сидел один из бухгалтеров Легиона Пол Мэтьюс, который вел специальный учет капиталовложений Легиона и пожертвований в его пользу.

Номинально ответственным за приход и расход Легиона был добродушный человек небольшого роста по фамилии Грайдер. Как и у многих старых служащих третьего этажа, остатки волос у него на голове были седы. Фактически он выполнял главным образом обязанности консультанта, так как одновременно являлся вице-президентом и главным кассиром государственного банка в Индианаполисе.

По существу вся работа лежала на ревизоре Кроуфорде. Как говорят в Легионе, Кроуфорд «дважды прошел по той же дорожке», иными словами, служил в армии во время обеих мировых войн. Во время второй мировой войны Кроуфорд был полковником и находился в Баварии при военной администрации.

Кроуфорд прежде всего рассказал нам о том, как в первое время своего существования финансировался Легион. Находившейся в зачаточном состоянии органи-

зации, чтобы просуществовать до съезда в Миннеаполисе в ноябре 1919 г., требовалось около 300 тысяч долларов.

«Поэтому мы взяли деньги взаймы и впоследствии вернули их с 6-процентной надбавкой»,—сказал Кроуфорд.

Я подумал, что 300 тысяч долларов—это крупная сумма (тогда на эти деньги можно было сделать больше, чем сейчас) и ее нелегко было получить армейской организации, не приносящей дохода и еще не имевшей определенных перспектив. Я задал совершенно естественный вопрос:

«У кого вы заняли деньги?»

«У друзей Легиона, конечно»,—ответил Кроуфорд.

К моему удивлению, он не стал распространяться на эту тему. А ведь люди, предоставившие Легиону деньги, были не только его друзьями, а настоящими ангелами-хранителями. Их имена следовало бы выгравировать на мемориальной доске в каждом посту Легиона, высечь на фасаде здания, в котором мы сидели. Без них не было бы ни постов, ни Национального штаба.

Но Кроуфорд не захотел сообщить имена. Эти имена не упоминались также и в литературе, выпускаемой Легионом. Подобно вопросу о Легионе 1915 г., здесь также существовал какой-то заговор молчания, раскрыть который мне не удалось за все время моего пребывания в Легионе.

При последующих изысканиях я выяснил, что не у меня первого возник вопрос о том, кто же дал взаймы деньги.

Легион еще не вышел из младенческого состояния, когда в одном из ранних послевоенных (я говорю о первой мировой войне) изданий газеты «Старс энд страйпс» появилась следующая заметка:

«Американский легион начал свою деятельность с того, что занял 257 тысяч долларов из неизвестных его членам источников. Иными словами, Легион получает субсидии, а его члены не знают, кто и для каких целей его субсидирует».

Летом 1920 г. распространился слух, что Легион занял деньги у «четырёхсот друзей». 4 августа того же года в газете «Старс энд страйпс» было помещено открытое письмо редактора одной газеты штата Миссури, адресованное Франклину Д'Олье, который был в то время

национальным командором. Автор письма спрашивал прямо:

«Кто эти четыреста «друзей Легиона», предоставившие Легиону взаймы 257 тысяч долларов на его организацию? Был ли в их числе Колмэн Дюпон из порохового треста? Или мясопромышленники из Чикаго, или Дэвид Гудрич из каучукового треста, или, быть может, «Стандард ойл компани»?

В следующем году Легион рядовых солдат и матросов обратился к конгрессу с петицией об аннулировании прав, предоставленных конгрессом Американскому легиону в сентябре 1920 г., на том основании, что эти права позволяют организации получать «фактически неограниченные средства» из «источников, которые скрываются». Сенатор Бора от штата Айдахо доложил о петиции сенату. Депутат Микаэлсон поддержал ее в палате представителей. В петиции говорилось:

«Организаторы и нынешние руководители Американского легиона создали его на грязные деньги, чтобы дать возможность ставшим во главе его людям искажать желания и стремления бывших солдат в тех случаях, когда эти желания и стремления расходятся с интересами неизвестных, предоставивших Легиону деньги и захвативших в нем фактическую власть».

Это, конечно, серьезное обвинение. Легион заявил, что вся эта критика вдохновлена «радикализмом». Но интересно отметить, что по существу вопроса Легион предпочел не отвечать. Люди, критиковавшие Легион в газете «Старс энд страйпс», в конгрессе и в других местах, так и не узнали имен, назвать которые они требовали.

В 1923 г. Легион сделал попытку переменить курс. Маркис Джеймс, бывший в то время членом редакционной коллегии официозного журнала Легиона, написал книгу под названием «История Американского легиона». Автором предисловия к ней был национальный командор Элвин Оусли. Джеймс пояснил в своей книге, что Легион собрал первоначальные средства путем займа у своих друзей и добавил:

«Имена людей, предоставивших Легиону первый заем, не составляют никакой тайны. Список их, так же как и суммы, предоставленные каждым из этих людей, имеются в архивах Национального штаба

в Индианаполисе. Список можно запросить письменно у национального казначея Роберта Тиндолла».

Отсюда следовало, что список этих имен был доступен всякому, желающему с ним ознакомиться. Но было ли это действительно так? Я обнаружил, что тринадцатью годами позже преподаватель педагогического колледжа Уильям Геллермэн, писавший работу о Легионе, обратился в Индианаполис с просьбой выслать ему список, который, по словам Джеймса, мог получить каждый. Национальный адъютант ответил, что Легион «не может знать, кто находился в числе многих лиц, гарантировавших или предоставивших Легиону основной заем», и выразил сомнение в том, что эти имена вообще когда-нибудь были зарегистрированы.

Не смущаясь столь ясным заявлением адъютанта (а быть может, не зная о нем), историк Джонс вернулся через десять лет после этого заявления к версии Джеймса. Он снова утверждал:

«Полный список был заботливо сохранен после погашения займа и находится в Национальном штабе. Всякий, кто верит лживым измышлениям о том, что «Уолл-стрит финансировал Легион», может ознакомиться с этим списком».

С историками Джеймсом и Джонсом было трудно спорить. Может быть, они были правы, а национальный адъютант Легиона Фрэнк Семюэл неправ. Может быть, список действительно существовал. 20 февраля 1947 г., через четыре месяца после того, как я перестал считаться служащим Легиона, я обратился к национальному адъютанту Дону Гласкофу со следующим письмом:

«Вопрос о том, кто были люди, первоначально предоставившие средства Американскому легиону, возбуждает много споров. В книге «История Американского легиона» Маркис Джеймс указывает, что 213 членов Легиона собрали 257 тысяч долларов, которые были им впоследствии возвращены с 6-процентной надбавкой. Однако мне не удалось найти никаких ссылок на людей, которые внесли эти первые суммы. Можете ли вы сообщить мне фамилии этих 213 членов Легиона?»

Через неделю я получил ответ, в котором национальный адъютант предлагал мне обратиться—подумайте

только!—к книге Джонса, как содержащей наиболее достоверный материал по вопросу о первоначальном финансировании Легиона. Гласкоф был настолько щедр, что вместе с письмом прислал мне бесплатно экземпляр книги.

Это был образец доведенного в наше время до высокой степени совершенства старинного искусства сваливать ответственность на другого. Джонс предлагал мне обратиться в Индианаполис, а Индианаполис направил меня к Джонсу. Не нужно было обладать особой интуицией, чтобы прийти к выводу, что непроницаемая завеса оставалась опущенной.

Не только имена первых благодетелей Легиона продолжали храниться в тайне: мои изыскания показали, что Легион, очевидно, не знал даже, сколько их было и сколько денег они собрали. В «Справочнике фактов», изданном Легионом в 1921 г., указано, что 400 человек из 13 штатов собрали 257 тысяч долларов. А через два года Джеймс писал, что эту сумму собрали «213 членов Легиона». В 1946 г. Джонс заявляет, будто заем в сумме 305 255 долларов был предоставлен 93 и гарантирован 146 лицами.

Если этого недостаточно, чтобы окончательно запутаться, можно еще более усложнить вопрос. Джеймс, указавший сумму займа в 257 тысяч долларов, в другой части книги пишет, что фактические расходы Легиона за 8 месяцев, прошедшие между совещанием в Париже в марте и первым национальным съездом в ноябре 1919 г., составили 365 512 долларов и 32 цента. Откуда поступили дополнительные 108 тысяч долларов, он не объясняет.

Я говорил о непроницаемой завесе. Однако кое-какие звуки через нее проходили. Людям, обладающим деньгами, очень трудно удержаться от того, чтобы время от времени ими не звякать. Я хочу перейти от того, чего я не смог узнать по поводу первоначального финансирования Легиона, к тому, что мне удалось выяснить.

В своих поисках я прежде всего обнаружил письмо, посланное в 1919 г. агентом по закупке мяса одной из крупнейших американских мясоконсервных фирм—компании «Свифт»—различным поставщикам мяса в Чикаго. Письмо было впервые опубликовано в журнале «Нэйшн» в 1921 г., и никто не отрицал его подлинности. Оно было помечено

26 декабря 1919 г. и написано на бланке компании «Свифт». Вот его текст:

«На совещании, состоявшемся 23 декабря 1919 г. под председательством г-на Томаса Вилсона, присутствовали представители различных биржевых кругов и было принято решение пожертвовать 10 тысяч долларов на кампанию по сбору средств для Американского легиона.

Национальная кампания по сбору средств в пользу Легиона должна быть проведена по всей стране; штат Иллинойс должен собрать 100 тысяч долларов. Казначеем, распоряжающимся суммой от штата Иллинойс, назначается председатель правления «Ферст нэйшнл бэнк» г-н Джеймс Форген.

По сравнению с другими штатами число желающих вступить в Легион в штате Иллинойс гораздо меньше, чем следует. Все мы интересуемся Легионом, результатами, которых он добьется, осуществлением им своей конечной цели—подавления радикализма.

Чрезвычайно важно, чтобы мы оказали помощь этой достойной деятельности. Председатель совещания предложил мне обратиться к различным биржевым кругам за пожертвованием.

При разверстке суммы было предложено взять за основу произвольный процент; Вас просят внести 100 долларов. Не откажите в любезности выписать на эту сумму чек на имя председателя г-на Томаса Вилсона и направить мне копию Вашего письма г-ну Вилсону.

Искренне преданный Натан Хигби».

Это письмо заинтересовало меня во многих отношениях. Прежде всего меня заинтересовал тот факт, что одна мясозаготовительная промышленность должна была дать десять процентов всей «квоты» от штата Иллинойс. Достаточно десяти крупных предприятий, чтобы квота штата Иллинойс была выполнена. Было ясно, что Легион обращается за деньгами к крупному капиталу.

Вторым любопытным моментом было объяснение в письме причин того интереса, который мясозаготовительная промышленность проявляла к Легиону. Диктовался ли он желанием помочь ветеранам? Двигали ли господами Хигби, Вилсоном и прочими добрые побуждения и чувство

благодарности к людям, сражавшимся во время войны? Судя по письму—нисколько. «Все мы интересуемся Легионом, результатами, которых он добьется, осуществлением им своей конечной цели—подавления радикализма».

Разумеется, «радикализм» может означать все, что угодно. Для предпринимателя он часто означает все, связанное с увеличением заработной платы или уменьшением его прибыли. Не всегда, но часто.

Третьим любопытным моментом в письме была его дата. Оно было написано в декабре 1919 г.—*после* первого Национального съезда. Но, насколько мне удалось выяснить, первые займы Легиона—безразлично в сумме 257 или 305 тысяч долларов—были получены Легионом в самом начале его существования, в период между совещанием в Париже и первым съездом.

Не означало ли в таком случае, что «национальная кампания», упомянутая в письме, была предпринята для сбора *дополнительных* средств? Или для уплаты по ранее предоставленным займам? Существующие книги по истории Легиона об этом умалчивают. В этих книгах даже не упоминается о том, что такая национальная кампания проводилась. Мои учителя в Индианаполисе никогда мне об этом ничего не говорили.

Я просмотрел номера журнала «Америкэн лиджен уикли» за первый год его издания в поисках сообщений, которые могли бы пролить свет на первоначальное финансирование Легиона. Кое-что я нашел, но не в статьях, а в рекламных объявлениях. Если заглянуть в помещавшиеся в тот период объявления в обычных журналах, в них можно лишь увидеть заурядные рекламы автомобилей, велосипедов, мыла, заменителей сливочного масла. Но журнал «Америкэн лиджен уикли» не был обыкновенным периодическим изданием. Печатавшиеся в нем объявления тоже носят необычный характер. Так, например, там рекламировались: «Хорнблоуэр энд Уикс»—капиталовложения; «Лимэн бразерс»—банкиры; «Дюпон де Немур энд компани»—химические и взрывчатые вещества; «Карл Пфорцхеймер энд компани»—акции нефтяных компаний; «Гаранти траст компани оф Нью-Йорк»; «Чэйз нэйшнл бэнк»; «Корн иксчейндж бэнк»; «Либерти нэйшнл бэнк»; «Талбот, Бард энд компани, инкорпорейтед»—компания страхования судов в море.

Конечно, не исключена возможность, что недавно вернувшийся из Франции солдат настолько сохранит интерес к взрывчатым веществам, что закажет у фирмы Дюпона десять вагонов этого товара, но, несомненно, Дюпон не мог на это рассчитывать. Рекламы банков могли сыграть некоторую роль в больших городах, где у этих банков почти на каждом углу есть отделения, но сомневаюсь, чтобы у «Либерти нэйшнл бэнк» или даже у «Чэйз бэнк» имелись отделения в Бэгли (штат Миннесота) или в Лорисе (штат Южная Каролина). Что касается биржевых маклеров и акций нефтяных компаний Пфорцхеймера, а также компаний страхования судов в море, то можно представить себе, как интересно было читать эти объявления демобилизованным солдатам, сидящим вокруг пивной бочки где-нибудь в Уэйкроссе (штат Джорджия).

Эти рекламные объявления, конечно, не предназначались для того, чтобы расширить клиентуру. Это были объявления, помещаемые «в знак доброжелательства», вроде тех, которые вывешиваются в угловой аптеке и рекламируют программу средней школы или повестку дня очередного собрания районного клуба любителей отварной рыбы. Аптекарь делает это потому, что хочет поддержать общественное дело, или заботится о своем районе, или просто боится от этого уклониться. Но у «Чэйз нэйшнл бэнк» или «Хорнблоуэр энд Уикс» вряд ли были основания бояться Легиона. Значит, они поместили объявления потому, что «заботились о своем районе». Какой-нибудь ловкач из Легиона прошелся по Уолл-стриту, рассказывая, направо и налево, как полезен Легион для каждого района.

Еще одно доказательство связи Легиона с Уолл-стритом я, как ни странно, нашел в показаниях, дававшихся перед Комиссией конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Правда, это было в 1934 г., еще до времен Томаса и Дайса. Тогда комиссия была известна под названием комиссии Маккормака — Дикштейна. Покойный командующий морской пехотой США генерал Батлер выступил перед комиссией и заявил под присягой, что ему сказали, будто Уолл-стрит собрал 125 тысяч долларов для организации Легиона. Батлер заявил, что узнал об этом от агента по продаже акций Джералда Макгайра,

который был прежде командором Легиона в штате Коннектикут. Макгайр рассказал Батлеру, что деньги были собраны биржевым маклером Мерфи, связанным с финансовой группой Дж. П. Моргана.

Мерфи был и сам достаточно видным лицом. Он умер, будучи директором таких крупных фирм, как «Бетлхем стил», «Гаранти траст» и «Гудйир тайр». Показания Батлера по поводу Мерфи, естественно, широко комментировались печатью. У меня не было возможности их проверить, но мне хорошо известно, что Легион снова предпочел не опровергать обвинений, хотя он мог бы с успехом это сделать, поведав миру, откуда фактически были получены деньги.

Тут меня заинтересовал вопрос, пришлось ли Легиону, добиваясь поддержки Уолл-стрита, послать туда «постороннего», или первоначальные организаторы Легиона принадлежали к нему сами.

Прежде всего я обратился к списку «Большой двадцатки», которой Тедди Рузвельт младший впервые подал в Париже мысль о создании Легиона. Не могу сказать, чтобы все эти двадцать человек были основными деятелями Уолл-стрита, однако фактически каждый из них принадлежал или впоследствии присоединился к кругам, в которые обычно входят крупные предприниматели. Изложу вкратце сведения о шести участниках парижского совещания двадцати.

Теодор Рузвельт младший—вице-председатель издательской фирмы «Даблдэй, Доран»; директор «Америкэн экспресс компани», связанной с группой Рокфеллера посредством «Чэйз нэйшнл бэнк».

Франклин Д'Олье (первый национальный командор Легиона)—председатель и директор страховой компании «Прюденшл лайф», входящей в группу предприятий Моргана; директор рокфеллеровского «Чэйз нэйшнл бэнк»; директор железнодорожной компании «Пенсильвания рейлрод», «Нэйшнл бискит компани», «Америкэн бэнк компани» и т. д.

Дэвид Мервин Гудрич—председатель правления «Б. Ф. Гудрич компани», принадлежащей к «Большой четверке» в американской резиновой промышленности; дважды был членом исполнительного комитета Национального промышленного совета, представлявшего собой руко-

водящую группу, определявшую политику Национальной ассоциации промышленников.

Де Лэси Каунти—председатель правления компании «Де Во энд Рейнолдс»; директор оперного театра «Метрополитэн» и «Риал истейт компани».

Эдуард Бакстон—председатель правления «Файв тек-стайл миллс»; директор текстильной компании «Теодор Фостер энд бразерс».

Франсис Эплтон—директор «Уолтхем уотч компани», «Маунт Моррис бэнк» и «Нэйшнл парк бэнк»; совладелец фирмы «Эплтон, Райс энд Перрин».

Как я указал, сведения о положении этих шести лиц в общем относятся и к остальным четырнадцати, хотя, конечно, не все они были такими крупными тузами, как Гудрич и Д'Олье.

Просмотрев список «Большой двадцатки», я заинтересовался, не принадлежали ли к этому же кругу первые руководители Легиона. Я прочел истории Джонса и Джеймса, официальную краткую историю Легиона и остальной вышедший в свет материал и составил список лиц, которые, как было указано в этих источниках, играли видную роль в организации Легиона.

Я убедился, что картина была одна и та же. Не желая утомлять читателя скучным перечислением всех финансовых связей первых руководителей Легиона, я привожу лишь взятые наугад примеры из общего списка:

Эйбл Дэвис — председатель правления компании «Чикаго тайтл энд траст»; Джон Генри Шербурн—председатель компании «Дженерл инвесторс траст»; Генри Ферфилд Осборн младший—крупный акционер в «Фелпс-Додж»; Девро Милберн—игрок в поло международного масштаба и сын Джона Милберна, который является представителем фирмы «Уитнейс»; Лоуренс Харли Уайтинг—основатель и председатель правления банкирского дома «Уайтинг энд компани»; Корнелиус Уикершем—участник юридической фирмы «Кэдуолейдер, Уикершем энд Тафт», ведущей значительную часть дел Дж. П. Моргана.

Таковы типичные представители группы, игравшей наиболее активную роль в создании Легиона.

С моей точки зрения, было бы нелепо говорить, что человек не может заботиться о благе своей страны только

потому, что он занимает видное положение в деловых кругах. Но, я думаю, законно спросить, соответствует ли представление крупного дельца о «благее» страны представлению о том же миллионов простых людей, составляющих главную опору Америки.

Я думаю, что все это было ясно первым руководителям Легиона. Они знали, что рядовой американец со страхом и недоверием относится к тому, что собирательно называют «Уолл-стрит». Полагаю, что именно поэтому они так старались сохранить в тайне тот факт, что Легион был создан узким кругом людей и что план его организации был тщательно продуман заранее, а потому и прилагали все усилия, чтобы скрыть список лиц, финансировавших Легион. Должно быть, они понимали, что если им не удастся убедить людей в том, что Легион опирается на низы и представляет интересы *всех*, то никакого Легиона вообще не будет.

Это все, что мне удалось установить в связи с историей возникновения Легиона. Дальше я буду главным образом касаться того, каков Легион сейчас. Между прочим, коснусь и того, почему «заботившиеся о своем районе» представители Уолл-стрита, сделавшие на него ставку в самом начале, не имели оснований сожалеть об этом впоследствии.

**Я УЗНАЮ О НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ**

На съезде Легиона, состоявшемся в 1946 г. в Сан-Франциско, я впервые по-настоящему понял, каковы в действительности отношения между руководителями Легиона и Национальной ассоциацией промышленников (НАП). Однажды у себя в номере в гостинице я нашел следующую записку:

«Заходил, чтобы снова Вас приветствовать. Моя фирма разрешила мне присутствовать на съезде, и я очень доволен, что попал сюда. Надеюсь скоро с Вами встретиться.

Билл Кендрик (НАП)».

Я познакомился с Биллом в Индианаполисе, куда он часто приезжал. Билл был лоббистом¹ НАП. Он этого и не скрывал. Ему было поручено «обрабатывать» руководителей Легиона и пропагандировать среди них «идеи» Ассоциации.

Его «фирма» любезно «разрешила» ему присутствовать на съезде. Мне казалось, что вообще вся его «фирма» присутствует на съезде. У служащих Легиона сложилось представление, что из каждых четырех присутствующих на съезде трое представляли НАП. Мы заключали между собой пари, кто следующий из представителей Ассоциации пригласит нас завтракать.

Председателем НАП был тогда Роберт Уотсон. Одним из наиболее значительных выступлений на съезде была его речь. Уотсон заявил, что Национальное бюро

¹ От слова «*lobby*» (кулуары, передняя) пошло название «лоббистов» — агентов крупнейших монополий и других влиятельных групп, действующих в интересах своих хозяев за кулисами конгресса и других политических организаций США. (Прим. ред.)

трудового арбитража¹ «сделано в Москве», а Управление по контролю над ценами «сделано в Германии». Уотсон настаивал на принятии законопроекта Кейза, который по существу привел бы к ликвидации в Америке профсоюзного движения.

Уотсону шумно зааплодировали в зале, и особенно бурно в президиуме.

Выступление на съездах Легиона одного из руководителей Национальной ассоциации промышленников не представляет ничего необычайного. Точно так же, как нет ничего необычайного в выступлении одного из руководителей Легиона на важных собраниях НАП. Через два месяца после выступления Уотсона в Сан-Франциско вновь избранный национальный командор Легиона Пол Гриффит выступил на 51-м Конгрессе американской промышленности—так НАП именуется свою ежегодную конференцию. Гриффит сказал:

«Человек—это осел, и чтобы заставить его двигаться, нужно либо поманить его спереди морковкой, либо подтолкнуть сзади палкой. Морковка—средство поощрения. Палка—средство принуждения. В Америке мы всегда пользовались морковкой».

Гриффита приветствовали на конференции НАП также бурными аплодисментами. Он диктовал Ассоциации ее же программу: никакого «принуждения» со стороны правительства; в виде поощрения—доходы; свободное предпринимательство.

Может быть, некоторым легионерам не понравилось, что их национальный командор сравнил их с ослами. Другие могли бы с полным основанием указать, что при проповедуемой НАП «системе свободного предпринимательства» цена даже на морковь стала очень высокой. Но людей из НАП это не интересовало: пока у них была морковь, им было безразлично, как их называют.

Что такое Национальная ассоциация промышленников? Какова ее политика? Во время работы в Легионе я узнал, что любой ветеран, вступивший или предпола-

¹ Организация, созданная Ф. Рузвельтом в соответствии с законом Вагнера, принятым в 1935 г. конгрессом США. В ее задачи входил разбор трудовых конфликтов между предпринимателями и рабочими. (Прим. ред.)

гающий вступить в Легион, не будет знать, что ему предстоит, если не сможет ответить на эти вопросы.

Национальная ассоциация промышленников—это организация, объединяющая восемь тысяч промышленных ассоциаций, представляющих все отрасли промышленности США. Эти ассоциации, в свою очередь, объединяют более пятидесяти тысяч входящих в них промышленных компаний. Отнюдь не все из них настолько велики, чтобы их можно было отождествлять с «большим бизнесом». Однако все гигантские индустриальные концерны Америки фактически состоят членами НАП, а неоднократные расследования конгресса с несомненностью доказали, что в Ассоциации хозяйничают крупные концерны.

Аллен Бернارد, много лет изучавший деятельность НАП, осветил ее в статье, напечатанной в журнале «Дзис манс» за апрель 1947 г. Результаты трех проведенных конгрессом в разное время расследований деятельности Ассоциации он охарактеризовал так:

«Комиссия Гаррета (1913 г.) обнаружила, что ставленники НАП давали взятки государственным служащим, платили некоторым членам конгресса «за оказанные услуги», влияли на назначение членов в наиболее важные комиссии конгресса и активно вмешивались в выборы в штатах и во всеобщие выборы.

Расследование, проведенное Ла Фоллетом (1937 г.), показало, что «большой бизнес» занимает в НАП господствующее положение, что ее члены пользуются в борьбе с профсоюзным движением шпионами, провокаторами и всякого рода военными средствами, что гигантская пропагандистская машина Ассоциации захватила все органы информации.

Временная национальная экономическая комиссия (1940 г.) разоблачила попытки Национальной ассоциации промышленников изобразить себя в роли борца за свободное предпринимательство, основанное на конкуренции, показав, что Ассоциация, действуя посредством связанных с ней промышленных объединений, является основной силой, уничтожающей мелкие предприятия».

В 1945 г. председателем НАП был избран Айра Мошер, директор-распорядитель «Америкэн оптикал компани». Эта фирма неоднократно обвинялась в нарушении

антистретовских законов¹, которые, как предполагается, должны охранять в Америке свободное предпринимательство, и была даже несколько раз оштрафована на крупные суммы. Правительство обвинило фирму Мошера в том, что она установила следующие продажные цены на оправу для очков: оптовым фирмам—2,5 доллара, розничным торговцам—3 доллара, а потребителям—10 долларов.

Таким образом, руководить нападением Ассоциации на программу правительственного контроля над ценами, направленную к их снижению, должен был человек, обвинявшийся в том, что он в своей отрасли промышленности организовал такую систему контроля цен, которая стремилась удерживать их на высоком уровне.

Вот какова Национальная ассоциация промышленников. Что касается той политики, которую Ассоциация проводила из года в год, то ее дела говорят сами за себя. НАП выступала против закона Вагнера², против правительственного контроля над Уолл-стритом, против контроля над ценами, против выдачи пособий ветеранам, против государственной программы жилищного строительства, фактически против всех социальных реформ, направленных к облегчению положения неимущих. НАП выступала за «антирабочее» законодательство (законопроект Кейза, закон Тафта—Хартли³), за снижение налогов

¹ Законы, принятые конгрессом США, начиная с 1890 г. (закон Шермана), под давлением мелкой и средней буржуазии, разоряемой монополиями. Тресты были объявлены организациями, противоречащими американской конституции, но практическое значение антистретовских законов оказалось ничтожным. (*Прим. ред.*)

² Закон Вагнера, принятый конгрессом в 1935 г., обязывал промышленников заключать коллективные договоры с профсоюзами и давал право рабочим организовываться в профсоюзы, в частности, давал право иметь единый профсоюз на каждом предприятии, а также право бастовать, допуская и забастовки солидарности. (*Прим. ред.*)

³ Законопроект Кейза предоставлял судебным органам полномочия запрещать любую стачку под предлогом, что она наносит кому-либо материальный ущерб. Закон Тафта—Хартли, принятый конгрессом в 1947 г., запрещает забастовки солидарности, создание фондов профсоюзных средств для помощи больным и безработным, систему «закрытых мастерских», при которой наем рабочих осуществлялся через посредство профсоюза, а также лишает прав на заключение коллективных договоров любой профсоюз, отдельные руководители которого подозреваются в «коммунистических настроениях». (*Прим. ред.*)

на корпорации, за частную собственность на национальные ресурсы (например, проект гидростанции на реке св. Лаврентия)—фактически за все мероприятия, способствующие повышению цен и прибылей и снижению заработной платы.

Национальная ассоциация промышленников, конечно, могла отстаивать интересы своих членов. Но другое дело, если осуществлению этих «интересов» содействует Легион. В уставе Легиона нет никаких указаний на то, что он должен работать в интересах какой-либо группы. Наоборот, во вступительной части устава сказано, что Легион должен бороться против «автократии как отдельных классов, так и масс». Параграф 2 второй статьи еще более уточняет вопрос, предупреждая, что Легион «не должен быть использован для распространения партийных принципов».

Однако, как мне удалось установить, Легион, вопреки своему уставу, сотрудничал с Ассоциацией в созданной в 1940 г. новой комиссии НАП по распространению принципов американизма. Эта комиссия должна была осуществлять связь между обеими организациями в вопросах воспитательной работы. Председателем комиссии был назначен видный легионер, глава «Кэнада драй корпорэйшн» Рой Мур, который, кстати сказать, был раньше вице-председателем Ассоциации. Заместителем председателя был назначен другой видный легионер и представитель «большого бизнеса», бывший членом правления «Америкэн зарлайнс»,—Эдуард Сизэй.

Я узнал, что через посредство этой комиссии Ассоциация вмешивалась в такую область деятельности Легиона, как конкурс на лучший доклад, организуемый Национальной высшей школой. Этот конкурс устраивается каждый год якобы по инициативе Легиона, но расходы по его устройству несет НАП. Занявший первое место участник конкурса получает особую стипендию Ассоциации в сумме 4 тысяч долларов. Во время конкурса студентов не занимают явной пропагандой, хотя тема доклада обычно касается таких вопросов, как американская конституция и билль о правах человека. Однако я весьма сомневаюсь, чтобы премии удостоился человек, который попытался бы выступить с докладом на тему о том, какое зло приносит «большой бизнес» Америке.

Во всяком случае, такая программа действий преподносит в выгодном свете Легион и попутно Национальную ассоциацию промышленников.

Я говорю «попутно» потому, что рекламирующие конкурсы агенты обеих организаций обычно стараются затушевать связь Ассоциации с организацией конкурса, хотя в Индианаполисе о ней широко известно. Впрочем, об этой связи знают всюду, так как о ней дважды писали в газетах. Газета «Нью-Йорк таймс» 27 июня 1942 г. поместила снимок Гомера Шайо, бывшего в то время директором Комиссии по вопросам американизма, вручающего своему двойнику в НАП Рою Муру почетную грамоту Легиона. Через несколько месяцев журнал «Нэйшнл лидженер» поместил снимок председателя Комиссии по распространению принципов американизма при НАП Мура, вручающего тогдашнему председателю Комиссии по вопросам американизма при Легионе Джеймсу О'Нейлу чек на 4 тысячи долларов в качестве премии за лучший доклад, которую Легион выдает на ежегодном конкурсе.

Расследуя далее историю этого финансового сотрудничества, я обнаружил, что в 1943 г. люди, связанные с Ассоциацией, предложили Легиону чек на еще более крупную сумму—20 миллионов долларов. 6 мая 1943 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщила об этом событии как об «исходившем от деловых кругов предложении собирать и тратить 20 миллионов долларов в год на распространение в Америке принципов американизма».

Это предложение было выдвинуто вице-председателем «Оуэнс-Иллинойс гласс компани» Р. Х. Барнардом, который, по словам «Нью-Йорк таймс», заверил своих слушателей, что «собрать средства будет нетрудно». Барнард пояснил, что этот план возник «у группы людей, заинтересованных в будущем процветании свободного предпринимательства и американской инициативы», собравшихся в Вашингтоне по приглашению Спенсера Шора из «Дженерл тайр компани» и председателя правления «Оуэнс-Иллинойс гласс компани» У. Э. Левиса.

После этого сообщения в утреннем выпуске «Нью-Йорк таймс» был напечатан текст, в который, очевидно, вкрадась опечатка. Он гласил:

«Промышленники не могут сами заняться реализацией этого предложения, ибо,—сказал г-н Бар-

нард,—это может быть превратно понято, а Торговая палата или Ассоциация промышленников не могут его поддержать, ибо это может быть понято [sic!].

В следующем выпуске «Нью-Йорк таймс» приведенный абзац был полностью опущен.

Далее Барнард объяснил, что инициаторы этого плана тщательно изучили возможности создания организации, способной справиться с широкой кампанией и способной заняться «воспитательной работой среди масс, пользуясь всеми рупорами общественного мнения». В конце концов, сказал он, выбор остановился на двух организациях: на Американском легионе и Совете борьбы за демократию. Последняя организация была создана в начале войны и частично финансировалась издателем журналов «Лайф», «Тайм» и «Форчэн»—Генри Люсом.

Хотя Легион и не получил еще обещанные 20 миллионов долларов, но идею он подхватил.

Национальный съезд Легиона в 1943 г. вынес решение о создании Фонда распространения принципов американизма, и впоследствии был основан комитет, которому было поручено собрать не менее 10 миллионов долларов.

Передо мной лежит выпущенная Национальным штабом Американского легиона брошюра под заглавием: «Легион думает о Будущем во имя Бога и Родины. Факты о Фонде распространения принципов американизма». Один из фактов, связанных с созданием фонда, как ясно указывает брошюра, состоит в том, что этот фонд будет частично использован на «проведение программы воспитательных мероприятий, направленной к укреплению американской системы предпринимательства на основе конкуренции». Разве это заявление не напоминает нам слова Барнарда и его друзей из Национальной ассоциации промышленников?

Однако наиболее значительным фактом из всех был тот, что фонд предназначался «для распространения принципов американизма». В брошюре определение принципов американизма занимает целый раздел, состоящий из четырех пространных пунктов. Три из них касаются лояльности Соединенным Штатам, уважения к их традициям и признания того, что общее благо должно стоять выше личных интересов. В четвертом пункте говорится

о «готовности защищать нашу форму правления против всех, кто пожелал бы ее изменить или *неверно истолковать* ее принципы» (курсив мой.—Д. Г.).

Что это означает? Предположим, что мой сосед считает, что богатых нужно облагать большими налогами, чем бедных, что людям, нуждающимся в работе, всегда должна быть обеспечена работа, что отношение к неграм в Америке должно быть таким же, как к остальным американцам, и что правительство обязано вмешаться, если частная промышленность не может обеспечить детей молоком, а ветеранов—жилищами. Означает ли это, что мой сосед «неверно толкует» принципы американизма, что он настроен антиамерикански, и поэтому я должен «защищать» против него родину?

Меня заинтересовало, чьей же обязанностью будет истолкование принципов американизма в связи с основанием фонда пожертвований при Легионе, и я полюбпытствовал, какое положение занимают распорядители средствами фонда, под контролем которых будут расходоваться деньги. Укажу деловые связи десяти из них:

Элвин Оусли (председатель)—бывший национальный командор; зять Фрэнка Болла из Манси (штат Индиана), бывший вице-председатель НАП, имевший капиталовложения в фирмах «Болл бразерс», «Мерчант траст компани», «Кюнер пэкинг компани», «Бэннер ферничэр компани», «Манси энд Уэстерн рейлрод», а также в железнодорожных компаниях Нью-Йорка, Чикаго и Сент-Луиса.

Рой У. Мур (вице-председатель)—председатель «Кэнада драй корпорэйшн», бывший вице-председатель НАП; в момент назначения членом комиссии, ведающей фондом пожертвований, состоял одновременно председателем Комиссии по распространению принципов американизма и вице-председателем комитета докладчиков.

Р. Х. Барнард (казначей)—вице-председатель фирмы «Оуэнс-Иллинойс», которая является активным членом НАП и, кроме того, принадлежит к восьми стекольным фирмам, обвиненным правительством во время войны в монополистических действиях.

Луис Джонсон—председатель «Дженерл дайстафс корпорэйшн» и директор «Дженерл энилайн энд филм кор-

порэйшн», дочерним предприятием которого является «Дженерл дайстафс».

Тэрмэнд Чатэм—бывший областной вице-председатель НАП; председатель и директор «Чатэм компани»; директор «Хейнс дай энд финишинг компани» (находится под контролем семьи Хейнс, являющейся одной из самых мощных финансовых династий Юга и возглавившей возрождение НАП после 1933 г.).

Гарри М. Мозес—председатель «Х. С. Фрик компани», филиала контролируемой Морганом «Юнайтед Стейтс стил корпорэйшн».

Роберт Х. Сторц—председатель правления «Сторц бруинг компани».

Генерал *Роберт У. Джонс*—председатель правления фирмы «Джонсон энд Джонсон» (крупнейший в Америке поставщик хирургических инструментов).

Чарлз Р. Мэйби—председатель и директор «Билдерс фэйнэнс корпорэйшн» и «Баунтифул стейт бэнк».

Фрэнк Л. Пинола—председатель и директор «Либерти нэйшнл бэнк»; казначей и директор «Бэк рэн колиери компани» и «Индепендент эксплозивс компани»; директор «Коал оперейторс кэзуалти компани».

Я хочу лишь мимоходом отметить такое явление, как «переплетение директоратов» Легиона и Национальной ассоциации промышленников. Значительное число членов Ассоциации работает в комиссии, ведающей фондом жертвователей Легиона, а работники Легиона участвуют в Комиссии по вопросам американизма НАП.

Но дело не только в «переплетающихся директоратах» и денежных жертвованиях со стороны Ассоциации или лиц, сочувствующих ей. В 1946 г. бюджет НАП на пропаганду и рекламу составлял 3,6 миллиона долларов; в 1947 г.—4,7 миллиона. Часть этой суммы расходуется моим знакомым Биллом Кендриком, осуществляющим программу мероприятий Ассоциации по отношению к ветеранам и занятым популяризацией ее «философии» среди членов Легиона и при его посредстве.

Во время моего пребывания в Индианаполисе Билл проявлял большую активность, стараясь продвинуть проект приема в Ассоциацию ветеранов в качестве неофициальных членов. Билл был автором этого проекта и очень им гордился. Его план заключался в том, чтобы

в НАП допускались—конечно, «без права голоса или какого-либо влияния на политику организации»—все ветераны, открывшие собственные небольшие предприятия, согласно биллю о правах американского солдата. Ветераны не будут иметь права голоса, но зато смогут воспользоваться советами и опытом руководителей Ассоциации и ее аппарата, изучающего вопросы свободного предпринимательства. Билл надеялся, что руководство Легиона поможет ему привлечь ветеранов второй мировой войны.

Приблизительно в это же время Билл предпринял другой ловкий трюк. В начале 1945 г., во время боев на острове Иводзима, погиб старший лейтенант морской пехоты Бенджамин Рэш Толанд. Он оставил странное завещание. Свое небольшое состояние Толанд разделил между учебными заведениями, где он учился (колледж Сент-Пол и Йэльский университет), конгрессом США, своей церковью, благотворительным отделом газеты «Нью-Йорк таймс» и, кроме того, по 10 процентов капитала он оставил Конгрессу производственных профсоюзов и Американской федерации труда и 20 процентов—Национальной ассоциации промышленников. В объяснении к последним двум пунктам завещания Толанд указал, что он хочет, чтобы трудящиеся использовали эти деньги на то, чтобы научиться понимать предпринимателей, а предприниматели—понимать рабочих.

Как ни наивно было это завещание, Ассоциация ухватилась за возможность использовать его в своих интересах. Завещанная Толандом сумма—около 1200 долларов—была использована Ассоциацией для «двух ежегодных исследований по вопросу о путях и способах, посредством которых предприниматели могут помочь трудящимся при разрешении одной из особо важных текущих задач». Кроме того, НАП затратила 16 тысяч долларов на издание небольшой, но эффективной брошюры под названием «Вера», в которой с благословения Ассоциации излагалась вся история завещания Толанда.

Билл сказал мне, что национальный адъютант Дон Гласкоф «оказал ему большое содействие», и с помощью Легиона ему удалось распространить среди легионеров сотни тысяч экземпляров брошюры, на которой стоял гриф НАП.

Я знал Легион достаточно хорошо, чтобы понять, какую большую работу проделал Билл. Самые разнообразные организации ежедневно добиваются от Легиона санкции для распространения своей пропаганды и получают отказ. Для полной ясности следует указать, что если бы на той же брошюре вместо «НАП» стоял гриф «КПП»¹, Дон Гласкофф несомненно бросил бы ее в корзину для бумаг, или—что, пожалуй, более вероятно—тщательно спрятал бы ее в папку Комиссии по вопросам американизма, помеченную: «Подрывная деятельность».

Иногда, как я убедился, средства, предоставляемые Национальной ассоциацией промышленников на пропаганду, тратятся на то, чтобы скрыть ее имя, а не рекламировать его.

Сенатская комиссия Томаса—Ла Фоллета по вопросам просвещения и труда обнаружила интересный меморандум Национального комитета промышленной информации, который в то время был официальной пропагандистской организацией НАП.

Документ был составлен в самый разгар борьбы Ассоциации против социальных реформ Нового курса (1936 г.). Меморандум содержал план организации по всей стране митингов. В предисловии было сказано, что «цель плана—руководить организацией и проведением митингов по вопросам гражданского прогресса и снабдить полезными советами лиц, ответственных за успех этих митингов. Общая схема может быть легко приспособлена к местным условиям».

В разделе меморандума, озаглавленном «Инициатива», говорится:

«Митинги должны быть организованы целиком по инициативе местных властей, а не под руководством Национальной ассоциации промышленников... Митинги должны носить строго местный и гражданский характер, и инициатива должна исходить от обще-

¹ КПП—Конгресс производственных профсоюзов—организация, долгое время пользовавшаяся репутацией прогрессивного профсоюзного центра. За последнее время все дальше отходит от провозглашенных ею принципов и солидаризируется в своих действиях с реакционной Американской федерацией труда. (Прим. ред.)

ственности. Желательно, чтобы инициативу взяла на себя группа ведущих гражданских организаций, таких, как... *Американский легион* и другие подобные группы».

Приведу еще один параграф из того же раздела:

«Мы не стремимся привлекать при помощи этих митингов новых членов в Национальную ассоциацию промышленников... поэтому мы не считаем необходимым оглашать тот факт, что докладчика предоставляем мы. Полагаем, что удастся привлечь большую аудиторию, если вы представите его под именем доктора такого-то из такого-то университета или под любым другим именем, под которым он может быть назван».

Одним из важных уроков, которые я извлек, работая в Легионе, было то, что влияние Национальной ассоциации промышленников или какого-либо местного крупного капиталиста, независимо от того, является ли он членом НАП или нет, сильнее в местных отделениях Легиона, чем в Национальном штабе. Тот факт, что влияние деловых кругов на Легион существует, эти круги, естественно, стараются использовать в своих интересах, а не в интересах ветеранов войны или всего народа.

Впервые связь между местными деловыми кругами и Легионом стала мне ясна во время моего двухнедельного пребывания в Нью-Хемпшире, где мне было поручено организовать новые посты. Работа привела меня на известный лыжный курорт Норт-Конвей, который казался подходящим для организации нового поста Легиона. Ближайший от курорта пост находился на расстоянии 10—15 миль, слишком далеко для посещения еженедельных собраний, в особенности в этой холмистой местности Нью-Хемпшира, которая зимой утопает в снежных сугробах.

В местной тюрьме было устроено собрание, на котором присутствовало около 35 ветеранов второй мировой войны, помощник адъютанта нью-хемпширского отделения Легиона Боб Твичелл и я. Ни мне, ни Твичеллу не удалось заинтересовать ветеранов организацией районного поста, пока не вмешался местный «лесной король», заявивший, что он построит для легионеров зал. Тогда ветераны начали проявлять интерес к организации поста.

Вернувшись в Индианаполис, я обнаружил, что большая часть постов в стране была в финансовом, а в некоторых случаях в моральном «долгу» перед местными дельцами, построившими для них помещения. В городе Хамилтон (штат Огайо) председатель правления крупной бумажной компании предоставил часть средств для строительства местного отделения Легиона и возглавил комитет по сбору недостающих средств. В городе Мидлтаун (штат Огайо) здание Легиона было построено главным образом усилиями председателя фирмы «Америкэн роллинг миллс» Джорджа Хука, который одно время был председателем НАП. В Чикаго пост «Розлэнд № 419» получил от банка Пулмэн участок земли стоимостью в 25 тысяч долларов.

В журнале «Америкэн лиджен мансли» за октябрь 1933 г. был помещен снимок здания нового клуба Легиона в Джонсон-Сити. Под снимком было написано:

«Клуб поста имени Фрэнка А. Джонсона в Джонсон-Сити (штат Нью-Йорк). Одно из трех зданий, дарованных Легиону фабрикантом обуви Джорджем Ф. Джонсоном. Другие здания находятся в Бингемтоне и Эндикотте».

Однако о том, что у фирмы «Эндикотт-Джонсон» во всех трех городах имеются фабрики, не упоминалось ни слова.

Мне кажется, что этот момент следует подчеркнуть. Я не хочу сказать, что каждый местный богач, дающий деньги на постройку какого-либо здания для Легиона, делает это с коварными намерениями. Я просто пытаюсь изобразить Американский легион таким, каким я его видел—снизу доверху тесно связанным с людьми, которых Франклин Рузвельт назвал однажды «американскими экономическими роялистами».

Выражением «снизу доверху» я пользуюсь не в виде метафоры. Я изучил деятельность всех двадцати девяти национальных командоров Легиона, начиная с 1919 г., и обнаружил, что каждый из них был непосредственно связан с крупным капиталом. Либо это руководители и директора крупных промышленных или финансовых предприятий, либо адвокаты, представляющие интересы подобных предприятий. В нижеследующем списке, содержащем 29 фамилий, я нашел лишь три исключения из этого общего правила.

Франклин Д'Олье (1919/20 г.)—первый национальный командор; как уже указывалось выше, был председателем и директором контролируемой Морганом страховой фирмы «Прюденшил лайф иншуэрэнс компани» и директором рокфеллеровского «Чэйз нэйшнл бэнк».

Фредерик У. Гэйлбрейт младший (1920/21 г.)—«весьма необычайно успешную деловую деятельность» в качестве казначея корпорации; преемником Гэйлбрейта после его внезапной смерти был *Джон Дж. Эмери*, банкир из Детройта и «председатель четырех корпораций по продаже недвижимого имущества, строительству и займам» (цитируется по книге Уильяма Геллермэна «Американский легион как воспитатель»).

Хэнфорд Макнайдер (1921/22 г.)—председатель правления «Норт уэстерн стейтс портленд симент компани» и «Уэстерн гросери компани»; председатель правления «Ферст нэйшнл бэнк» в Мэсон-сити (штат Айова).

Элвин Оусли (1922/23 г.)—женат на наследнице чрезвычайно богатой семьи Болл.

Джон Р. Квинн (1923/24 г.)—вице-председатель правления «Сибоард нэйшнл бэнк» в Калифорнии.

Джеймс Э. Дрейн (1924/25 г.)—адвокат, «специалист по банковским законам, владелец доходной юридической фирмы в Вашингтоне» (цит. по Геллермэну).

Джон Ри Макквиг (1925/26 г.)—председатель и главный советник «Уиндемир сейвингс энд лоан компани»; вице-председатель «Америкэн риалти компани», директор «Дербишайр риалти компани».

Говард Ф. Сэвидж (1926/27 г.)—инженер; перешел на административную работу и стал помощником управляющего «Норт шор электрик лайнс» в Чикаго.

Эдвард Э. Спафффорд (1927/28 г.)—широко известен своими симпатиями к нацистам; был «связан с крупной фирмой «Нью-Йорк риал истейт корпорэйшн» и с рядом других корпораций» (цит. по Геллермэну).

Пол В. Макнатт (1928/29 г.)—ловкий политикан. Был одно время верховным комиссаром Филиппинских островов, а во время войны—председателем Комиссии по мобилизации рабочей силы. Один из трех командоров Легиона, не принадлежавших к деловым кругам.

Оси Ли Боденхаммер (1929/30 г.)—председатель правления «Арканзас фэйнэнс компани»; председатель «Арканзас

риал истейт ассошиэйшн»; разбогател благодаря эксплуатации нефтяных источников в южной части Арканзаса.

Ралф О'Нейл (1930/31 г.)—директор и генеральный советник «Виктори лайф иншуэренс компани»; генеральный советник «Приферред риск иншуэренс компани»; директор «Ситизнс стейт бэнк», «Пирамид лайф иншуэренс компани» и «Космополитэн лайф иншуэренс компани».

Генри Л. Стивенс (1931/32 г.)—член верховного суда штата Северной Каролины. Еще один из не принадлежавших к деловым кругам национальных командоров.

Луис Джонсон (1932/33 г.)—председатель и директор «Дженерл дайстафс корпорэйшн» и директор «Дженерл энилайн энд филм корпорэйшн»; также директор «Консолидейтед заркрафт корпорэйшн», которая в военное время выпускала бомбардировщики «В-24».

Эдуард Артур Хэйс (1933/34 г.)—в 1946 г. был назначен председателем организации «Американское действие», которую, по словам члена палаты представителей Пэтмена, поддерживали «богатые промышленники, стремившиеся добиться поражения членов конгресса, которыми они не могут руководить». В числе лиц, пожертвовавших средства для создания организации «Американское действие», были Ламмот Дюпон, Эрнест Вейр и Джон Дж. Раскоб—все активные члены НАП.

Фрэнк Н. Белграно (1934/35 г.)—представляет влиятельный «Джаннини бэнк», в котором участвует американский капитал. Он является председателем и директором «Сентрал бэнк», «Пасифик нэйшнл фэйр иншуэренс компани», «Америка энд сикьюрити иншуэренс компани», «Интерамерикэн корпорэйшн»; вице-председатель и директор «Эксидент лайф иншуэренс компани» и «Оксидентл лайф иншуэренс компани»; вице-председатель «Бэнк оф Америка» и «Бэнк оф Америка нэйшнл траст энд сейвингс ассошиэйшн».

Рэй Мэрфи (1935/36 г.)—помощник управляющего «Ассошиэйшн оф кэзуалти энд шуати икзекьютивс»—торговой ассоциации, представляющей группу самых крупных фирм в Америке.

Гарри Колмери (1936/37 г.)—юрисконсульт корпорации, представляющий в районс Канзас-Сити такие фирмы, как «Лэмберменс мьючуал кэзуалти компани», «Метрополитэн лайф иншуэренс компани», «Уэстерн юнион»

телеграф компани», «Чикаго, Рок айленд энд Пеория рейлрод», «Грейт атлантик энд пасифик компани», «С. Х. Кресс энд компани», «Дж. С. Пенни компани» и «Тексас компани».

Даниэл Дж. Догерти (1937/38 г.)—третий и на сегодня последний из командоров Легиона, не принадлежавших к «дельцам», кроме того, это единственный национальный командор Легиона, не имевший офицерского звания во время пребывания на военной службе.

Стэфен Фоулер Чэдуик (1938/39 г.)—с 1931 г. уполномоченный Сиэттлской торговой палаты; в 1936—1938 гг.— вице-председатель той же палаты.

Реймонд Дж. Келли (1939/40 г.)—главный консультант «Детройт стрит рейлуэй» в 1930—1933 гг.; с 1933 по 1939 г.—консультант муниципалитета в Детройте; в настоящее время—помощник Хэйса в организации «Американское действие».

Майло Уорнер (1940/41 г.)—юрисконсульт «Нью-Йорк сентрал рейлрод», «Мичиган сентрал», «Электрик отодайт компани», «Грейхаундлайнс» и агентства Ассошиэйтед Пресс.

Линн Ю. Стамбо (1941/42 г.)—юрист корпорации, представляющий в штате Северная Дакота такие фирмы, как «Сирс, Робак энд компани», «Свифт энд компани» и «Сент-Антони энд Дакота эливейтор компани»; с 1945 г.— директор Экспортно-импортного банка.

Роан Уоринг (1942/43 г.)—председатель и директор «Мемфис стрит рейлуэй», которая является звеном в цепи организаций коммунального обслуживания Дж. П. Моргана.

Уоррен Аертон (1943/44 г.)—адвокат; будучи национальным командором Легиона, одновременно являлся членом комитета докладчиков Национальной ассоциации промышленников, несмотря на то, что юристы в члены НАП не допускались.

Эдвард Шиберлинг (1944/45 г.)—адвокат, имевший большие финансовые интересы в Олбани, штат Нью-Йорк.

Джон Стелл (1945/46 г.)—председатель «Аркетекс керамик корпорэйшн», которая является крупнейшим поставщиком строительных изразцов в Америке; один из самых состоятельных национальных командоров,

Пол Гриффит (1946/47 г.)—бывший вице-президент «Конолон электрик корпорэйшн» в Бруклине (штат Балтимор) и Вашингтоне. Недавно организовал новое предприятие. Является консультантом и деловым советником в Вашингтоне, где в качестве руководителя Легиона располагал большими возможностями помочь клиентам, желавшим проникнуть в правительственные круги.

Закончив изучение деятельности национальных командиров, я проделал подобное же обследование характера деятельности членов наиболее влиятельных постоянных комиссий Легиона.

В Комиссии послевоенной Америки, одной из наиболее значительных комиссий, возникших за время войны с целью изучения проблем послевоенного устройства, обосновались такие деятели, как покойный генерал Леонард П. Айрес, бывший в свое время главным руководителем так называемой Кливлендской финансовой группы—одной из восьми ведущих финансовых групп в Америке; С. Туф Браун—директор «Мемфис стрит рейлуэй компани», контролируемой Морганом; доктор Виллард Х. Доу—председатель и директор «Доу кемикал компани»—корпорации, имевшей картельное соглашение с «И. Г. Фарбениндустри»; Уолтер Ховинг—бывший председатель и директор моргановской дочерней компании «Ассошиэйтед драй гудс корпорэйшн»; Дж. Р. Партен—председатель нефтяной компании «Индепендент продьюсерс ассошиэйшн»; Эдди Рикенбекер—председатель и главный управляющий авиационной компании «Истерн ээр лайнс», контролируемой совместно У. Р. Грейсом, банкирским домом «Кун энд Леб» и Рокфеллером; Джуэн Трипп—председатель и главный управляющий «Панамерикэн эаруэйс», директор «Крайслер корпорэйшн», «Уолдорф-Астория корпорэйшн» и «Метрополитэн лайф иншуэренс компани».

Состав Комиссии послевоенной Америки типичен и для других комиссий, которыми я интересовался.

Когда я читал эти списки, я невольно думал о моих боевых товарищах, которые составляют основную массу ветеранов: о продавце обуви, шофёре грузовика, механике гаража, члене объединенного профсоюза электриков или котельщиков, о рядовом студенте колледжа, фермере с участком земли в 40 акров, издольщике-негре, сельском

враче. Почему они не фигурировали в этом списке? Можно ли сказать, положив руку на сердце, что выложенные руководители Легиона, заимствующие свой лоск у НАП, действительно представляют их интересы?

Мне вспомнилась шутка, распространенная среди служащих Легиона в Индианаполисе: «Если мы здесь добьемся успеха, нас могут перевести в высшую команду— НАП». Одному из моих сослуживцев действительно удалось совершить такой прыжок.

Но рядовой ветеран не принадлежит даже к низшей команде. Фактически он находится в рядах противников их обеих.

КТО ВЛИЯЕТ НА ЗАКУЛИСНУЮ ПОЛИТИКУ ЛЕГИОНА

После трех недель «приобщения к доктрине» в Индианаполисе меня направили в столицу США для изучения деятельности Легиона в законодательной области и в области помощи ветеранам после войны.

Пост Легиона в Вашингтоне, именуемый «Командный пост», помещается на Кэй-стрит, напротив гостиницы Стэтлер в особняке из 23 комнат. Насколько сильно закулисное влияние Легиона, можно судить хотя бы по тому, что дом освобожден от налогов.

Со всемогущим лоббистом Легиона Джоном Томасом Тэйлором я познакомился в его необычайно скромном кабинете на верхнем этаже этого дома. Он сидел за письменным столом в обставленной с деловой строгостью комнате, которую украшали только ковер на полу, камин и этажерка, уставленная всякими предметами, собранными Тэйлором во время последней войны, в которой он участвовал в качестве офицера. На этажерке также стояла вставленная в рамку газетная вырезка со статьей, перечислявшей успехи Тэйлора в конгрессе США.

Отец Тэйлора был начальником полиции в Филадельфии. Тэйлор начал свою деятельность в Вашингтоне в качестве адвоката и изучил искусство политики под руководством такого знатока, как Бойс Пенроз, который был руководителем мощной организации республиканской партии штата Пенсильвания. Демобилизовавшись после первой мировой войны, Тэйлор немедленно присоединился к группе лоббистов Легиона, во главе которой в то время стояли полковник Люк Ли и компаньон Тэйлора по юридической конторе подполковник Томас Миллер. Главным образом Ли и Миллер провели через конгресс устав Легиона в 1919 г. Впоследствии оба совершили ряд злоупотреблений, которые в конце концов привели

в тюрьму их обоих, но в разное время и по обвинениям в разных мошеннических проделках.

По сообщению журнала «Тайм» от 21 января 1935 г., Тэйлор продолжал действовать и завоевал репутацию «самого крупного лоббиста в Вашингтоне». Он получает 10 тысяч долларов в год; это не так много во времена инфляции, однако, если учесть его «прибыльную юридическую практику на стороне», как называет ее «Тайм», Тэйлору экономить не приходится.

Тэйлор представляет истинную силу на вашингтонской политической арене. Его влияние объясняется не столько его яркой личностью или большими способностями, сколько весом и мощью организации, которую он представляет. Каждый раз, когда Тэйлор открывает рот, конгрессу кажется, будто он слышит рев трех с половиной миллионов избирателей.

Часто это действительно так. За Тэйлором стоит превосходно работающая машина Отдела по делам печати Легиона, могущая почти мгновенно мобилизовать членов Легиона на поддержку его законодательной программы. Отдел по делам печати при Национальном штабе возглавляет старый член Легиона, энергичный Рэй Филдс, который много лет стремился стать национальным командором, но так этого и не добился. Этот отдел пользуется всеми находящимися в его распоряжении средствами—изданиями Легиона, радио, коммерческой печатью,—чтобы сплотить легионеров всякий раз, когда руководство считает это необходимым.

Легион издает для распространения по всей стране ежемесячный журнал и выходящую два раза в месяц газету. Кроме того, Филдс еженедельно рассылает газетным синдикатам информационный бюллетень и бюллетень фотоинформации, которые дают руководящие политические указания почти тремстам газетам, выпускаемым местными организациями Легиона в отдельных штатах, округах, сельских местностях и постах. Часть этих газет выходит довольно большим тиражом и пользуется большим влиянием, чем издания общеамериканского значения.

Филдс раз в неделю рассылает ежедневным и еженедельным газетам в небольших городах вкладку, содержащую не только сообщения о законодательных мероприятиях, но и редакционные статьи, призывающие

«низы» к действию для поддержки этих мероприятий. Радиосекция отдела организует еженедельно передачу пятнадцатиминутных программ, которые передаются более чем по 700 радиостанциям.

Руководители Легиона ожесточенно борются против Комитета политического действия Конгресса производственных профсоюзов; однако они не прочь позаимствовать кое-что из техники работы профсоюзных организаций. Так, если Тэйлору нужны письма и телеграммы рядовых солдат, чтобы поддержать его в борьбе за или против какого-либо законодательного проекта, газета Легиона любезно печатает на первой странице такие призывы (напечатан летом 1946 г.):

ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ

Необходимо немедленно действовать
в связи с законопроектом
о выплате пособий при демобилизации
(H. R. 4051)

* * *

11 июня палата представителей
единогласно утвердила законопроект
379 голосами

* * *

Телеграфируйте, пишите авиапочтой
вашему сенатору по адресу:
Сенат, Вашингтон

* * *

Требуйте, чтобы он голосовал за этот законопроект

* * *

Не медлите. Сделайте это сегодня... Сейчас!

Джон Стелл,
Национальный командор.

Такие письма и телеграммы оказывают действие.

Большей частью один легионер адресует их другому. В 80-м конгрессе из 96 сенаторов было 44 легионера, а из 435 членов палаты представителей—195 легионеров. Членами Легиона являлись пять министров, три верховных судьи, генеральный прокурор и сам президент

Трумэн. Легионерами были также 26 губернаторов штатов и, как сказал мне гордо Тэйлор, столько представителей законодательной власти штатов, что во многих столицах штатов они составляли большинство.

Тэйлор сказал мне и еще кое-что. «Не забывайте о женщинах,—предупредил он меня.—Служившие во Вспомогательном корпусе 800 тысяч женщин стоят 3500 тысяч мужчин в Легионе. Когда мне действительно необходимо оказать воздействие, я всегда могу рассчитывать на женщин из Вспомогательного корпуса».

По многим соображениям, а также потому, что я, как рядовой легионер, естественно, интересовался всем тем, что для меня делает моя организация, я особенно тщательно изучал историю закулисной деятельности Легиона в конгрессе. Вначале эта деятельность произвела на меня большое впечатление. Разумеется, при официальном моем приобщении к доктрине Тэйлор и другие нарисовали передо мной весьма «положительную» картину деятельности Легиона. Но несколько позже, вне Легиона, мне удалось увидеть ее в другом освещении.

Например, Тэйлор никогда не рассказывал мне о том, как в 1937 г. он руководил закулисной борьбой Легиона против утверждения конгрессом предложений Женевской конференции по разоружению, в числе которых была резолюция, требовавшая запрещения во всех странах применения отравляющих веществ во время войны. На первый взгляд противодействие Легиона принятию этой резолюции кажется поразительным. Казалось бы, что именно бывшие солдаты должны испытывать отвращение к применению такого ужасного оружия.

Я не сомневаюсь, что в 1937 г. большинство ветеранов испытывало к применению отравляющих веществ такое же отвращение, какое они испытывают к ним теперь, и голосовало бы за запрещение. Я не могу этого, конечно, доказать, ибо рядовых членов Легиона никто об этом не спрашивал. Но Тэйлор продолжал выступать против запрещения и в конце концов победил. Сорок четыре нации согласились объявить применение отравляющих веществ вне закона; среди крупных держав отказались подписать соглашение только Соединенные Штаты и Япония.

Лишь после окончания всего этого дела стало широко известно, что Тэйлор, всячески воздействовавший на чле-

нов конгресса и убеждавший их не соглашаться на запрещение применения отравляющих веществ, был назначен национальной ассоциацией химической промышленности, известной под названием «Нэйшнл ассошиэйшн оф кемикал дифенс»¹.

Тэйлор не рассказал мне также о 26-м национальном командоре Уоррене Атертоне и о его связи с широко рекламировавшейся Легионом программой регистрации могил.

Эта программа была выдвинута после первой мировой войны и ставила себе цель «перевезти на родину останки», то-есть содействовать родственникам погибших за океаном солдат перевезти на родину их останки. Будучи национальным командором в 1943/44 г., Атертон принимал непосредственное участие в мероприятиях, направленных к тому, чтобы приспособить программу к возможностям, существовавшим во время второй мировой войны.

Менее чем через месяц после того, как закончился срок службы Атертона в качестве национального командора, он предстал перед подкомиссией военной комиссии палаты представителей в роли лоббиста объединения «Уэстерн семетри альянс». Атертон выступил против законопроекта о создании 79 новых национальных кладбищ для бесплатного погребения перевезенных останков погибших солдат, ввиду того что «Уэстерн семетри альянс» являлся объединением компаний, извлекающих прибыли из эксплуатации частных кладбищ.

Тэйлор также не рассказал мне об обстоятельствах, сопутствовавших утверждению национальным съездом Легиона в Чикаго в 1933 г. резолюции «об оздоровлении денежной системы», требовавшей возвращения к золотому паритету. (В начале того же года, по настоянию Франклина Рузвельта, конгресс принял решение об отказе от золотого паритета.) В газетных сообщениях того периода указывалось, что многие делегаты съезда не имели никакого представления, почему им предлагают утвердить эту резолюцию. Лишь немногие пытались понять, почему

¹ В опубликованной журналом «Нью рипаблик» в 1948 г. серии статей на ту же тему Грей писал, что, судя по выступлениям в конгрессе, эта ассоциация была тесно связана с определенными деловыми группами, «поставлявшими снаряжение для химической войны». (*Прим. ред.*)

вообще резолюция была поставлена на обсуждение, ибо этот вопрос совершенно не касался ветеранов.

Впоследствии комиссия палаты представителей выявила некоторые потрясающие факты. По сообщению газеты «Нью-Йорк пост» от 29 декабря 1934 г., три видных легионера поделили между собой 105 тысяч долларов, предоставленных «на расходы» нью-йоркским банкиром Робертом Стерлингом Кларком для того, чтобы Легион «поддерживал оздоровление денежной системы и реакцию». Эти три легионера: Уильям Х. Дойл, бывший в течение многих лет признанным политическим «боссом» Легиона и до своей смерти в 1948 г. занимавший пост председателя законодательной комиссии Легиона в Вашингтоне; национальный командор Легиона в 1931/32 г. Генри Л. Стивенс и руководитель Легиона в Пенсильвании Винсент А. Кэррол.

Показаниями было установлено, что Кларк передал деньги маклеру Уолл-стрита Джералду Макгайру, который распределил их среди руководителей Легиона по таким статьям расхода, как «поездки», «приемы» и другие точно не обусловленные цели.

Расследование комиссии палаты представителей показало также, что Дойл одно время получал от Кларка жалование в размере 100 долларов в день. Впоследствии было доказано, что за шесть месяцев Дойл получил от Кларка 9100 долларов.

В интервью с корреспондентом газеты «Бостон глоб» Дойл объяснил это следующим образом:

«Действительно, — сказал Дойл, — я получил 9100 долларов и не считаю нужным скрывать это.

Я служил в организации, зарегистрированной согласно существующим в штате Делавар законам. Она называлась «Комиссией оздоровления денежного обращения и валюты». Почему бы мне в ней не служить? Я настаиваю на своем праве продавать свои услуги любой легальной организации».

Так или иначе, национальный съезд 1933 г. утвердил резолюцию об оздоровлении денежной системы.

Эти события, в которых были замешаны видные работники Легиона, заставили несколько поблекнуть достижения, связанные с «обработкой» членов конгресса, кото-

рые описал мне Тэйлор. Особенно тяжелое впечатление произвел на меня инцидент с «фондом расходов». Конечно, Легион многого достиг в области мероприятий, направленных на устройство демобилизованных, обеспечение детей ветеранов, распределение остатков военного имущества. Нужно иметь большую наглость, чтобы, будучи членом конгресса или даже легионером, связанным с НАП, открыто бороться против безногого ветерана или шестилетнего ребенка, нуждающегося в молоке. Но какую политику проводил Легион, когда игра шла в открытую, когда интересы ветеранов прямо сталкивались с интересами людей, требовавших «оздоровления денежной системы», с партией Уолл-стрита, с Национальной ассоциацией промышленников?

Некоторое понятие об этом дала мне история борьбы за денежное пособие военнослужащим. Я не хочу рассуждать здесь о том, следует ли или не следует выдавать пособие. Я хочу привести лишь некоторые факты: 1) НАП и представители крупного капитала всегда выступали против пособия, а рядовые ветераны всегда за него боролись; 2) когда ветераны, наконец, добились получения пособия, руководители Легиона приписали это достижение себе, изображая дело так, будто бы они все время боролись против интересов финансовых кругов.

С моей стороны было бы преуменьшением сказать лишь, что «руководители Легиона приписали эту заслугу себе». В Индианаполисе эта победа в вопросе о пособии расценивается как блестящий законодательный подвиг Легиона.

В изданной недавно полуофициальной истории Легиона Дик Джонс пишет:

«Сражение за пособие превратилось в прославленный подвиг в истории Американского легиона... Легион почти двадцать лет сражался и одерживал победы. Он побеждал в борьбе с четырьмя президентами США, с министром финансов Эндрю Меллоном, банковскими кругами, с Торговой палатой и Национальной ассоциацией промышленников...»

Этому сейчас верит большинство народа—и легионеры, и не-легионеры. Победу в вопросе о пособии используют как неотразимый довод при вовлечении ветеранов в Легион.

Каковы же были факты? Мне пришлось проделать большую работу, чтобы их выяснить.

Сражение за пособие разыгрывалось дважды.

Первое началось в 1919 г. и кончилось в 1924 г., когда конгресс принял закон о выдаче ветеранам денежного пособия в виде «сертификатов», которые государство обязывалось погасить в 1945 г. Второе началось в 1930 г., в связи с надвигающейся депрессией, и закончилось через шесть лет, когда ветераны, наконец, получили то, чего многие из них хотели с самого начала, — наличные деньги.

Участники первой мировой войны заговорили о пособии, находясь еще за океаном. Вернувшись, они подняли этот вопрос на родине. В 1919 г. конгресс поручил рассмотреть этот вопрос первому съезду Легиона в Миннеаполисе. Съезд вновь переложил ответственность на конгресс, приняв резолюцию, заключительная часть которой гласила:

«...Американский легион не считает себя вправе требовать принятия законов, преследующих его личные интересы, и с доверием предоставляет решение этого вопроса на усмотрение конгресса».

Таково было решение съезда, на котором руководители Легиона имеют возможность максимально использовать свое влияние. Однако несколькими месяцами позже рядовые члены Легиона показали, что они доверяют конгрессу меньше, чем съезд. Через три месяца после съезда в Миннеаполисе была созвана сессия Национального исполнительного комитета Легиона. На сессии была принята резолюция, рекомендовавшая выплатить пособие посредством выпуска облигаций или сертификатов сроком на 20 лет.

Джонс, которого никак нельзя было обвинить в неприязни к руководству Легиона, пишет:

«Можно с некоторым основанием сказать, что давление рядовых членов Легиона, желавших получить пособие, вынудило Исполнительный комитет действовать...»

На съезде 1920 г. подавляющее большинство делегатов Легиона, вопреки решению, принятому годом раньше, потребовало выплаты пособия. Началось «движение низов»; возбуждение рядовых членов Легиона в разбросанных по всей стране постах дошло до крайности. Руково-

дители Легиона не могли открыто бороться против закона о пособии. Группа их лоббистов в Вашингтоне формально приступила к действиям. Наконец в 1924 г., несмотря на вето президента Кулиджа, закон о выплате пособия при демобилизации был окончательно утвержден.

Но была ли искренней борьба руководителей Легиона и их закулисной группы в конгрессе? Начав писать эту книгу, я обратился к Гаролду Россу, ныне редактору газеты «Нью-Йоркер». В то время в качестве редактора «Америкэн лиджен уикли» Росс имел возможность видеть «изнанку» борьбы вокруг вопроса о пособии в первые ее годы. Он рассказал мне следующее:

«На всех съездах из года в год члены Легиона единогласно голосовали за выплату пособия, но руководство не желало этому подчиниться. Руководители Легиона, возвращаясь вместе со мной в поезде со съездов, никогда прямо не предлагали мне умолчать о требованиях членов Легиона относительно предоставления пособия, но давали мне понять, что работники журнала должны эти требования «замариновать».

Из отчета о съезде 1924 г., в котором национальный командор Джон Квинн официально объявил о победе по вопросу о пособии, видно, что руководство Легиона в то время отнюдь не считало принятие закона о выплате пособия «прославленным подвигом». Командор Квинн сказал:

«Теперь, когда мы одержали победу, закон о выплате пособий при демобилизации интересует нас не более любого другого закона».

Я установил, что такое отсутствие особого интереса длилось очень долго. Это продолжалось в 1929 г., в начале кризиса, и в 1930 г., когда очереди за хлебом все возрастали и голодные ветераны начали требовать досрочной выплаты пособия и предоставления права немедленно получить деньги по сертификатам. Отголоски их требований были слышны в залах во время съезда Легиона. Но их заглушила двухдневная борьба в законодательной комиссии съезда, мнение которой, по словам Джонса, «разделилось по этому вопросу» и которая так и не поставила на голосование съезда вопрос о досрочной выплате пособия.

Бездействие съезда снова, как и в 1919 г., вызвало возмущение рядовых ветеранов. «Сотни постов Легиона обсуждали этот вопрос,—пишет Джонс,—и обычно высказывались за немедленную выплату». Это заставило Национальный исполнительный комитет вновь созвать сессию и принять резолюцию, одобряющую немедленную выплату пособия; было решено приступить к воздействию на членов конгресса в этом направлении.

«Обработка» продолжалась недолго. Председатель фирмы «Дженерл электрик» Оуэн Д. Янг предложил конгрессу вместо немедленной выплаты пособия увеличить на 50 процентов «сумму займа», на которую ветеранам были выданы сертификаты. Группа лоббистов Легиона тотчас же перестала защищать резолюцию о немедленной выплате пособия и начала поддерживать план Янга, не обеспечивавший требований ветеранов.

Руководство Легиона раскрыло свои карты на съезде 1931 г. Три прежних национальных командора и один будущий, а также Тедди Рузвельт младший, который был самой крупной фигурой в Легионе, и другие видные деятели Легиона начали ожесточенную борьбу за провал резолюции, предусматривавшей немедленную выплату пособия. Несмотря на множество выступлений делегатов с мест, отражавших общее стремление рядовых членов, их голоса потерялись в сокрушительном реве заранее подготовленных выступлений руководства.

Все же руководители Легиона не могли вечно держать в подчинении рядовых легионеров или даже делегатов съезда. Очереди за хлебом были слишком велики, слишком усилился голод; тысячи легионеров, несмотря на противодействие своих лидеров, присоединились к внушительному и трагическому «походу за пособием в Вашингтон» в марте 1932 г. Правда, перед самым съездом Легиона в 1932 г. национальный командор Генри Стивенс вызывающе заявил корреспондентам, что «из 10 тысяч постов лишь 23 выступали за выплату пособия при демобилизации», но и он сам, и остальное руководство Легиона, и его прогнозы были сметены голосованием съезда, одобрявшего выплату пособия 1167 голосами против 107.

Остается отметить, что даже после принятой в 1932 г. резолюции, требующей выплаты пособия (повторенной съездами Легиона в 1933 и 1934 гг.), ни руководство

Легиона, ни группа лоббистов, два года «обрабатывавшая» членов конгресса, ничего не сделали, чтобы выполнить волю большинства. «В связи с экономическими мероприятиями, направленными к улучшению положения ветеранов войны,—пишет Джонс,—законодательные усилия Легиона были сосредоточены на борьбе иного характера. В течение двух лет немедленная выплата пособия оставалась второстепенным вопросом».

Окончательная победа была достигнута лишь в 1936 г. Была ли это действительно, как утверждает Джонс, «победа Легиона» над «банковскими кругами, Торговой палатой и Национальной ассоциацией промышленников»? В некотором смысле—да. Это была победа Легиона *над своим собственным руководством*, которое все время, пока велась борьба, активно или пассивно действовало на стороне той же Торговой палаты и Национальной ассоциации промышленников.

В настоящее время, когда я пишу эти строки, борьба за пособие возобновилась; на этот раз ее ведут участники второй мировой войны. В связи с непомерно вздутыми ценами и возрастающей неуверенностью в обеспечении работой молодые ветераны, проникнутые сознанием, что на них был осуществлен нажим в таких вопросах, как жилищное строительство, не видят иного выхода из создавшегося положения, кроме получения денежного пособия.

Вплоть до весны 1948 г. руководство Легиона не занимало какой-либо определенной позиции в вопросе о выплате пособия после второй мировой войны. Точнее говоря, оно не делало этого открыто. Но я помню свой конфиденциальный разговор с некоторыми высокооплачиваемыми работниками Легиона, когда я впервые приехал в Индианаполис для переговоров о работе. Сидя за чашкой кофе после завтрака в гостинице Энтлерс, я спросил:

«Какова позиция Легиона в вопросе о выплате пособия после второй мировой войны?»

«Никакой позиции пока нет,—последовал ответ.—Мы собираемся выяснить, хотят ли этого рядовые члены Легиона».

Ответ был любопытный. В 1933 г. руководство Легиона не поинтересовалось мнением рядовых членов перед тем,

как приняло резолюцию об «оздоровлении денежной системы». В 1946 г., через несколько недель после состоявшегося разговора, национальный командор Стелл не заинтересовался мнением рядовых членов перед тем, как он от имени Легиона потребовал отстранения руководителя Администрации по делам ветеранов.

В действительности мои собеседники в гостинице Энтлерс утаили от меня истину, сказав, что Легион не занял еще определенной позиции в вопросе о выплате пособия. Еще в 1943 г., когда американские солдаты находились в таких отдаленных местах, как Северная Африка и Гвадалканар, влиятельная группа в руководстве Легионом заняла весьма твердую, хотя и строго секретную позицию по данному вопросу.

Этой «влиятельной группой» был назначенный в 1943 г. командором Уорингом Подкомитет по вопросам демобилизации и мирного устройства, входивший в Комиссию послевоенной Америки (состоявшую из представителей крупного капитала, о которых я говорил в одной из предыдущих глав). Доклад этого подкомитета никогда не был опубликован, хотя он был, очевидно, составлен людьми, вершившими политику Легиона. Доклад рекомендует утвердить билль о правах американского солдата и другие законодательные постановления в пользу ветеранов, но заявляет, что этих мероприятий достаточно и не следует пытаться впоследствии предоставить ветеранам пособие.

Для ветеранов второй мировой войны до весны 1948 г. жилищный вопрос стоял более остро, чем вопрос о денежном пособии. После победы в Японии наибольшую трудность представляла задача, где найти кров. Мы не могли поверить, что Соединенные Штаты, давшие американскому солдату кров на острове Гуам, не могли построить ему дом в городе Эфрат в штате Пенсильвания.

Радиообозреватель и фельетонист Дрю Пирсон следующим образом изложил положение вещей в одной из своих статей:

«Провал программы обеспечения жилищами ветеранов можно считать одной из самых трагических неудач. Когда американские солдаты шли с боями на Берлин и Токио, политиканы обещали им рай, обернутый в целлофановую бумагу. Ничто не было

достаточно хорошо для «наших ребят». Но очень скоро жадная шайка политиканов (дома которых они защищали) отмахнулась от требований ветеранов обеспечить им кров».

Мне довольно много известно о трагическом провале программы обеспечения жилищами ветеранов. Большая часть этой трагедии разыгрывалась у меня на глазах, когда я работал в Легионе. Насколько мне известно, до сих пор никто не рассказывал этой истории.

Ее начало относится к первым месяцам 1944 г., когда руководство Легиона составило проект, превратившийся впоследствии в закон 1944 г. об устройстве демобилизованных—билль о правах американского солдата. Один из разделов этого закона предусматривал кредитование ветеранов, желавших купить или построить дом. Естественно, что владельцы недвижимого имущества (в основном входившие в состав Совета промышленников, представляющего корпорации строительных материалов, Национальную ассоциацию владельцев недвижимого имущества, Национальную ассоциацию жилищного строительства) были во всем этом заинтересованы и пустили в ход своих лоббистов для обработки членов конгресса.

Прежде всего возник вопрос о том, кто должен руководить отделом жилищного финансирования—Администрация по делам ветеранов или Федеральное управление по делам жилищного строительства. У последнего имелась необходимая для этой работы организация, включавшая местный аппарат агентов по страхованию. Передача этой работы Администрации по делам ветеранов означала бы дублирование аппарата.

Владельцы недвижимого имущества, противодействовавшие государственному жилищному строительству, находились в резкой оппозиции к Федеральному управлению по делам жилищного строительства и предпочитали передать эту работу Администрации по делам ветеранов. Как мне удалось обнаружить, Легион придерживался того же мнения. Отмечу мимоходом, что Администрация по делам ветеранов, которую в то время возглавлял генерал Хайнс, была тесно связана с Легионом.

Второй вопрос возник во время обсуждения законопроекта Комиссией палаты представителей по делам ветеранов. Были выдвинуты предложения о предоставлении

всех кредитов правительством по низкой 3-процентной ставке. Владельцы недвижимого имущества настаивали на предоставлении им права кредитования на своих условиях. *Группа лоббистов Легиона в конгрессе поддерживала владельцев недвижимого имущества.* В конце концов, был принят законопроект, передавший право предоставления кредитов частным банкам и частным группам владельцев недвижимого имущества.

В результате по существующему закону о правах американского солдата рядовой легионер и ветеран в настоящее время платят более высокие проценты, чем потребовало бы правительство.

Я уже указывал, что руководство Американского легиона ставит себе в заслугу принятие билля о правах американского солдата. С этим можно согласиться лишь с некоторыми оговорками. Нет надобности говорить о том, что руководители Легиона, желавшие быть в центре внимания в связи с тем, что они «задумали, сформулировали и провели через конгресс билль о правах американского солдата», совсем не хотят оказаться в центре внимания в связи с тем, что они способствовали повышению процентной ставки, которую приходится платить рядовому легионеру по займу, предоставленному ему на покупку дома.

Жилищное финансирование, согласно биллю о правах американского солдата, даже в его первоначальной редакции, не предусматривало строительства новых домов. Оно было лишь направлено к оказанию ветерану денежной помощи, если он сможет найти жилище. Когда жилищный кризис приобрел острый характер, все связанные с ним споры вертелись вокруг закона о чрезвычайной программе жилищного строительства для ветеранов, известного под названием законопроекта Уайатта—Пэтмена.

Законопроект Уайатта—Пэтмена вошел в силу 22 мая 1946 г. Через несколько недель после этого информационный бюллетень Легиона «Ньюс сервис» (№ 32) назвал утверждение законопроекта «новым выдающимся успехом Легиона в области законодательства в 1946 г.».

Через несколько месяцев в бюллетене по вопросам законодательства, выпускаемом лоббистом Легиона Тэйлором, Легиону снова воздавалась хвала за утверждение законопроекта.

Каковы же факты?

Жилищный кризис, в особенности в промышленных центрах, существовал в течение всей войны. Об этом все знали. В центрах судостроительной промышленности, расположенных на побережье Мексиканского залива, на койках и в меблированных комнатах спали в три смены в течение 24 часов. Десятки тысяч рабочих авиационных заводов в Калифорнии жили в автомобильных прицепах. В таких городах, как Нью-Йорк и Вашингтон, люди платили 100 долларов в месяц за комнатуху величиной с чулан.

Ветераны, вернувшиеся на родину в 1945 г., были вынуждены ночевать на скамейках в парках, в лачугах, сделанных из пустых консервных ящиков, в автомобильных прицепах или в ночлежках. Они обратились за помощью к Легиону, но ничего не добились. Не было случая за весь 1945 г., чтобы руководство Легиона поддержало какое-либо из выдвинутых ранее предложений по массовому строительству домов для ветеранов; собственных предложений оно также не выдвигало.

В начале 1946 г. газеты поместили под крупными заголовками сообщение о предложениях Уайатта—Пэтмена. Я начал работать в Легионе с 1 февраля 1946 г. Никто в Индианаполисе не сказал мне ни слова о позиции Легиона по отношению к этому законопроекту, поддерживает ли он его, или выступает против. С тех пор как я начал работать в низовых организациях, я ни разу не получил директивы Национального штаба относительно политики Легиона по вопросу о законопроекте.

В течение месяца я неоднократно запрашивал указаний. В марте 1946 г. я занимался организацией новых постов в Нью-Йорке и обратился в Индианаполис со следующим письмом:

«Вопрос, с которым я обращаюсь, вероятно, наиболее важный из всех, обсуждавшихся до сих пор. ...Речь идет о позиции Легиона по жилищному вопросу. Откровенно говоря, я хочу получить ответ на этот вопрос...

Каждый раз, когда я выступаю перед какой-либо группой ветеранов, меня спрашивают: «Что предпринимает Легион по жилищному вопросу?» Затем почти неизменно добавляют: «Почему Легион

не поддерживает законопроекта по жилищному строительству Уайатта—Пэтмена?» Я не в состоянии удовлетворительно ответить на эти вопросы.

Положение еще более усугубляется в связи с опубликованным 28 марта 1946 г. сообщением о том, что национальный командор Джон Стелл «поддержал авторитетом Американского легиона кампанию за возобновление выплаты страховых премий и за установление предельных цен по жилищному законопроекту Пэтмена». Все нью-йоркские газеты напечатали это сообщение. Однако сегодня я получил от Отдела по делам печати письмо с указанием, что первоначально переданное для печати сообщение было неправильным...

В заключение я хочу сказать по этому поводу, что, на мой взгляд, для ветерана, который может стать рядовым легионером, жилищный вопрос является наиболее важным. Если мы хотим убедить рядового ветерана в том, что для него Легион самая лучшая и наиболее боевая организация, то у нас должна быть положительная политика в этом вопросе».

Я так и не получил директивы, о которой просил в письме.

1 апреля я написал снова, в мае—опять, причем описал «жилищную кампанию», которую провел мой пост совместно со всеми остальными постами города. Я писал:

«В заключение хочу заявить, что, как убедила меня «жилищная кампания», если Американский легион прямо взглянет в лицо стоящим перед рядовым ветераном жизненно важным задачам, у нас не будет решительно никаких трудностей при увеличении числа членов и дальнейшем укреплении Легиона».

Это было написано всего за три дня до окончательного утверждения закона Уайатта—Пэтмена. Легион все еще не занял определенной позиции.

Хочу вернуться к сообщениям газет о том, что национальный командор Стелл привлек Легион на сторону законопроекта, предусматривавшего строительство 2700 тысяч новых домов для ветеранов в течение 21 месяца. В сообщениях указывалось, что Стелл совершит по штатам Юга и Новой Англии поездку, во время которой будет выступать в пользу законопроекта.

Эта новость меня удивила и обрадовала. Хотя и поздно, но, может быть, еще не слишком поздно, руководство Легиона как будто было готово занять позицию против кулуарной группы владельцев недвижимого имущества, борющейся по всей линии против государственного жилищного строительства. Через несколько дней было получено опровержение этого сообщения. Я привожу текст этого опровержения в том виде, в каком оно было получено сотнями редакторов газет по всей стране:

Исправление

На странице 2-й «Еженедельного краткого перечня информации Легиона», высланного вам из Индианаполиса 28 марта 1946 г., было напечатано следующее сообщение:

«Национальный командор Стелл начал кампанию выступлений в двадцати штатах в пользу восстановления выплаты страховых премий и установления предельных цен, предусмотренных законопроектом Пэтмена».

Просим снять это сообщение!

Оно послано по ошибке до того, как было обнаружено, что первоначальная информация, на которой оно основывалось, была неправильной.

Национальный отдел по делам печати Американского легиона.

Я не знаю, кто разослал первоначальную информацию. Впоследствии мне стало известно, что Стелл боролся против законопроекта. Мне стало также известно, что Стелл является владельцем крупнейшей в стране фирмы по производству строительных изразцов «Аркетекс керамик корпорэйшн». Законопроект Уайатта—Пэтмена в первоначально утвержденной редакции устанавливал предельные цены на строительные материалы и стремился направить эти материалы на нужды жизненно необходимого государственного жилищного строительства вместо более выгодного для предпринимателей частного строительства.

Все это показывает, что Легион не имел никакого права ставить себе в заслугу план строительства новых

домов, выдвинутый Вилсоном Уайаттом в законопроекте, названном его именем.

История жилищного строительства этим далеко не кончается. Я был свидетелем последующего ее развертывания на съезде Легиона в Сан-Франциско осенью 1946 г. Программа Уайатта—Пэтмена стала к тому времени законом.

Национальный командор назначил Национальную жилищную комиссию для обследования жилищного вопроса и представления доклада Национальному исполнительному комитету после окончания съезда. Во время заседаний съезда все вызывавшие разногласия вопросы передавались в комиссию.

Состав членов жилищной комиссии, назначенной национальным командором, говорит о многом. Я был лично знаком с большинством из них.

Председателем комиссии был заместитель национального командора из штата Луизиана Ричард Кэдуоллейдер, следующим образом высказавшийся по жилищному вопросу: «Мы отнюдь не стремимся к коммунальному жилищному строительству...»

Неизвестный ранее в Легионе Ричард Вейл был включен в состав комиссии. Незадолго до назначения в комиссию Вейл сказал мне, что он является участником частновладельческой строительной фирмы в г. Фресно (штат Калифорния) с капиталом в 500 тысяч долларов и что главную конкуренцию для фирмы создает дешевое жилищное строительство, опекаемое правительством.

Деятельность Вейла в области жилищного строительства привела в апреле 1948 г. к привлечению его к суду присяжных штата Лос-Анжелос. Вейл и его два компаньона обвинялись в продаже домов по ценам выше установленного Федеральным управлением по делам жилищного строительства максимума и в строительстве домов, не отвечающих установленным стандартам.

В обвинении против человека, которого Легион назначил в состав Национальной жилищной комиссии, казалось бы предназначенной для защиты права ветеранов приобрести жилище по умеренной цене, перечислялось 53 случая нарушений закона.

Третьим членом комиссии был Дж. Д. Соьер из города Мидлтаун (штат Огайо), однажды рассказавший мне, что он занимается продажей недвижимого имущества.

Членами комиссии были также Хейорд Кливленд, работавший в принадлежавшей его отцу фирме скобяных товаров в Нью-Йорке, и Артур Маркус, служивший в Милуоки в фирме, изготавливающей оборудование для отоплення жилых домов в штате Висконсин.

Кое-какую деятельность комиссии я имел возможность наблюдать в Вашингтоне. Комиссия пыталась в то время помешать назначению на пост уполномоченного Федерального управления по делам жилищного строительства опытного администратора Диллона Мейера, верившего в возможность строительства дешевых домов для ветеранов. Комиссия сената по банковским и валютным вопросам уже утвердила назначение Мейера. Однако Маркусу и его сторонникам с помощью близкого друга руководителей Легиона—сенатора Кейпхарта от штата Индиана—удалось настоять на пересмотре этого постановления. Председатель комиссии по банковским вопросам сенатор Тоби рассказывает об этом происшествии следующим образом:

«В субботу, 25 января, меня посетил сенатор от штата Индиана [Кейпхарт], сопровождаемый девятью видными легионерами из различных районов страны. Они, очевидно, были недовольны некоторыми способами осуществления Национального закона о жилищном строительстве и некоторыми действиями правительственного Управления по делам жилищного строительства США. Они выдвинули очень серьезные обвинения в плохой работе и в неправильном применении принципов закона. Поэтому я заверил их и сенатора от штата Индиана, что я потребую, чтобы назначение было отложено до окончательного рассмотрения этого вопроса в конгрессе».

Конгресс должен был вновь собраться по этому поводу 4 февраля и заслушать представителей комиссии по жилищному строительству Легиона, а также Мейера. Однако в назначенный день оказалось, что легионеры уехали из Вашингтона, а сенатора Кейпхарта не удалось найти. Поскольку «серьезных обвинений» против Федерального управления по делам жилищного строительства никто не поддержал, Мейер выиграл сражение и благодаря отсутствию противодействия его назначение было утверждено.

Все это дело носило весьма таинственный характер. Мне удалось выяснить, что руководители Легиона в Индианаполисе, услышав об этом деле и опасаясь неприятных последствий для Легиона, приказали Маркусу и его коллегам потихоньку скрыться.

Насколько мне известно, неудача комиссии по жилищному строительству была единственной. Закончив «обследование» жилищного положения, комиссия представила Национальному исполнительному комитету Легиона ряд рекомендаций:

1. Увольнение Вилсона Уайатта с должности докладчика по жилищным вопросам.
2. Ликвидация Национального управления по делам жилищного строительства.
3. Немедленное повышение всех видов квартирной платы на 10 процентов.
4. Отмена всех преимуществ в отношении строительных материалов и установленной предельной цены на новые дома в 10 тысяч долларов и т. д.

По поводу этой жилищной, или, лучше сказать, антижилищной, программы информационный бюллетень Национальной ассоциации владельцев недвижимого имущества «Хедлайнс» от 2 декабря 1946 г. писал:

«Многие пункты программы отражали мысли, высказанные исполняющим обязанности вице-председателя Национальной ассоциации владельцев недвижимого имущества Гербертом Нелсоном во время его выступления перед комиссией по жилищному строительству Легиона».

Эти рекомендации имели огромный успех. Они были целиком приняты Национальным исполнительным комитетом Легиона, и группа лоббистов Легиона в Вашингтоне, так же как и группа лоббистов владельцев недвижимого имущества, немедленно принялась добиваться их осуществления.

Эти группы добились успеха. Указ президента Трумэна, аннулирувавший контроль над строительством, лишил законопроект Уайатта — Пэтмена его основы. Ограничения, касавшиеся строительства домов для не-ветеранов, были отменены так же, как и установление максимальной цены на новые дома в сумме 10 тысяч долларов. Отменено было преимущественное право приобретения

дефицитных строительных материалов. Было одобрено расширение коммерческого и промышленного строительства: Вилсону Уайатту ничего не оставалось делать, как подать в отставку с поста докладчика по жилищному вопросу.

Вот что сделало руководство Легиона с законопроектом, утверждение которого оно шесть месяцами раньше изображало как «выдающийся успех Легиона в области законодательства в 1946 г.». Законопроект был настолько выхолощен, что демобилизованный американский солдат лишился малейшей возможности получить жилище по доступной ему цене.

Дрю Пирсон произнес 12 декабря 1946 г. по радио надгробную речь над законопроектом:

«Американский легион под влиянием мощного аппарата лоббистов, обслуживающих владельцев недвижимого имущества, нанес последний смертельный удар законопроекту».

Таким образом, ветеранам остается строить дома из корзин для бумаг, в которые брошены все данные им обещания. Содержимое корзин вполне можно использовать вместо обоев.

Весной 1947 г. мне пришлось быть в Вашингтоне, и я познакомился там с председателем комиссии по жилищному строительству Легиона Кэдуоллейдером и секретарем этого комитета Бобом Постоном. Мы беседовали, сидя в баре гостиницы Стэтлер. Постон сказал: «Знаете, Джастин, вся эта затея с государственным жилищным строительством есть не что иное, как марксистский заговор. Тот, кто держит в своих руках жилищное строительство, управляет народом».

Конечно, подумал я, все, что может помешать богачам разбогатеть еще больше, является марксистским заговором. Все, что направлено к тому, чтобы людям не приходилось спать на скамьях в парке или в лачугах из консервных ящиков, ущемляет добрый старый американский принцип «свободного предпринимательства». Управление народом! А в чьих же, черт возьми, руках находится управление тремя с половиной миллионами членов Американского легиона? Спрашивал ли кто-нибудь эти три с половиной миллиона людей, что думают о государственном жилищном строительстве *они*?

Я напомнил Постону о широком государственном жилищном строительстве Соединенных Штатов во время войны.

«Во время войны,—объяснил Постон,—было особое положение. Мы были вынуждены строить на правительственные средства. Сейчас дело иное. Нынешнее особое положение носит другой характер. Уж не думаете ли вы, что я намерен платить налоги для того, чтобы кто-то, кто не может заработать достаточно денег на покупку дома, прибегал к правительственной помощи? Нет, мы должны вернуться к свободному предпринимательству и позволить частным строительным фирмам заниматься своим делом».

Покинув Постопа и Кэдуоллейдера, я вспомнил заявление для печати, сделанное два месяца назад (26 января 1947 г.) Кэдуоллейдером: «Сообщите всем, что жилищный кризис миновал. Цены немедленно снизятся, и каждый человек сможет получить жилище».

Где же эти жилища? В модных предместьях, вроде некоторых районов Уэстчестера? А снижение цен? Может быть, оно видно парящим над облаками летчикам, но не скромному американскому пехотинцу.

Политика крупных предпринимателей и политика Легиона совпадают не всегда. Но в тех случаях, когда бывают расхождения, одна сторона рано или поздно должна изменить свою линию. Обычно меняет свою политику Легион.

Американские солдаты в 1919 г. были возмущены тем, как наживались на военных поставках предприниматели, оставаясь дома, в то время как солдатам приходилось валяться в грязи Фландрии. Поэтому на первом национальном съезде Легиона делегаты приняли резолюцию о «запрещении военных прибылей». В сущности это было требование мобилизации в случае войны не только людских ресурсов, но и капитала.

Утверждение этой резолюции превратилось в традицию ежегодных съездов. Каждый год ее заново утверждали. Руководители Легиона не возражали против этого, пока на международном небосклоне не наблюдалось приближения военной грозы.

Но, как мне удалось выяснить, иначе обстояло дело на съезде 1941 г. Уже год, как была введена воинская

повинность; в Атлантическом океане подводные лодки топили американские суда; нацисты заняли Францию и уже вторглись в СССР; президент заморозил нацистские активы в США и закрыл германские консульства; на Дальнем Востоке японцы вели себя все более вызывающе. Грозовые тучи войны не только появились на горизонте, но и начали заволакивать полуденное солнце.

На съезде Легиона, состоявшемся в 1941 г., снова была поставлена на повестку дня резолюция о «мобилизации капитала». Один из делегатов крикнул с места: «Пришло время решить, придавал ли Легион действительно серьезное значение повторяемым из года в год словам о мобилизации не только людей, но и собственности». Лидеры Легиона быстро определили, что военная гроза приближается, и ответили делегату отрицательно. Они начали ожесточенную борьбу за провал резолюции — и добились своего. Впервые после 1919 г. съезд Легиона не вынес утвердительного решения о мобилизации капитала.

Руководители Легиона оказались очень предусмотрительными. Через три месяца произошел инцидент в Пирл Харбор. К тому времени между Легионом и крупными предпринимателями уже не было никаких разногласий по вопросу о военных прибылях.

Впоследствии, когда Франклин Рузвельт потребовал установления дохода в военное время в сумме, не превышающей 25 тысяч долларов, национальный командор Роан Уоринг назвал этот план «вполне коммунистическим по замыслу». Он считал, что этот план преследует цель «полностью задушить личные стремления, личное предпринимательство, свободную инициативу, честолюбие».

Тем самым Уоринг открыто порывал с программой Легиона, на протяжении 22 лет требовавшей «во время войны равных жертв от всех».

Руководители Легиона были против мобилизации капитала; иное дело — мобилизация рабочей силы для работы в промышленности. Съезд 1942 г. поддержал законопроект Остина — Уэдворта, предлагавший мобилизацию рабочей силы на время войны. Однако на этот раз Легион зашел слишком далеко. Весной 1943 г., когда национальный командор Уоринг уехал в Северную Африку на фронт, правление Национальной ассоциации промышленников

приняло резолюцию против мобилизации рабочей силы. (Быть может, НАП опасалась, что, утвердив это постановление, она поставит промышленность под угрозу мобилизации капитала.) Уоринг вернулся на родину задолго до съезда 1943 г. Как и следовало ожидать, съезд 1943 г. *не подтвердил* резолюцию о мобилизации рабочей силы.

Вскоре после того, как я оставил работу в Легионе, мне пришлось завтракать с руководителем комиссии помощи ветеранам Национальной ассоциации промышленников—Биллом Кендриком. Мы обсуждали повороты в политике Легиона, а также результаты произведенного недавно опроса, опубликованного Национальным штабом в «Лидженер опинион». При этом Легион не пояснял, каким принципом он руководствовался при выборе опрашиваемых легионеров.

Билл сказал: «Видели ли вы последние опросные листы Легиона? Легион и НАП придерживаются единого мнения по всем вопросам, за исключением того, что Легион поддерживает обязательный арбитраж при разрешении трудовых конфликтов, а НАП против арбитража. Если начать принуждать рабочих обращаться к арбитражу, то следующим шагом будет принуждение администрации».

Подумав, Билл добавил: «Я считаю, что Легион вскоре изменит свою позицию и тоже начнет выступать против обязательного арбитража. Тогда будет достигнуто сто-процентное единодушие».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛЕГИОН И РАБОЧИЙ КЛАСС

Бойня 1919 г. в Сентрейлии (штат Вашингтон) утвердила за Американским легионом славу самой могущественной штрейкбрехерской организации в стране.

Журнал «Тайм», 21 октября 1935 г.

Однажды в середине февраля 1946 г. Чак Вилсон повез меня и другого «новичка» в Легионе Боба Марра в Колумбус (штат Огайо), чтобы показать нам, как ведется кампания по вовлечению новых членов. В автомобиле разговор зашел о происходившей в то время в Нью-Йорке забастовке портовых рабочих, о которой в тот день усиленно писали газеты.

Чак обернулся ко мне и сказал: «Посмотрите, что делают коммунисты из профсоюзов в вашем родном городе. Перестрелять бы их!»

Если бы Чак не был моим начальником, я бы расхотелся. В Нью-Йорке бастовали рабочие, объединяемые интернациональным союзом портовых грузчиков, которым руководил Джозеф Райен и который входил в Американскую федерацию труда. Всю свою деятельность Райен посвятил борьбе с коммунистами. Его с таким же основанием можно было назвать коммунистом, как Уильяма Рандолфа Херста. Я убедился, что легкость, с какой Чак «классифицирует» профсоюзных лидеров и профсоюзы, типична для Индианаполиса.

Через несколько месяцев хозяева Легиона решили обследовать возможности использования коротковолнового радио, считая его потенциально одним из величайших средств пропаганды. Мне было поручено выяснить: 1) значение коротковолнового радио для населения, 2) степень проникновения в эту область подпольных и левых групп и 3) возможность борьбы членов Легиона против влияния подпольных групп.

В своем донесении я указал на попытки обеспечить время для передачи или приобрести коротковолновые

передатчики со стороны таких профсоюзов, как Национальный профсоюз моряков, Федерация профсоюзов Чикаго, интернациональный союз дамских портных и Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности Америки. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы ясно обрисовать различные политические «линии» каждого из упомянутых профсоюзов.

Когда руководители Легиона возвратили мне первый набросок моего доклада, то оказалось что все приведенные мною характеристики отдельных профсоюзов были вычеркнуты. Моих начальников совершенно не интересовало, что Дубинский из профсоюза дамских портных, подобно Райену из профсоюза портовых грузчиков, посвятил всю свою деятельность в профсоюзе борьбе с «красными», что тем же самым за последние несколько лет занимается Каррэн в Национальном профсоюзе моряков. Руководители Легиона считали возможным употреблять по отношению к этим профсоюзам только такие термины, как «ведущие подрывную деятельность» или «левые».

Меня огорчила такая недобросовестность цензуры. Вероятно, я не смог скрыть своих чувств, так как один из дружески расположенных ко мне сослуживцев обнял меня за плечи и посоветовал: «Забудь об этом, Джастин. Всем свойственно ошибаться. Не волнуйся по поводу определений. Ставь просто все профсоюзы под рубрику «красных», тогда всем будет известно, кто наши враги».

Это был полезный совет, поскольку дело касалось моей работы. Такова была традиция Легиона. Ибо я обнаружил, что с 1919 г., когда основатели Легиона сваливали «большевизм», «радикализм» и «забастовки» в одну общую кучу—угрозу американизму, политика Легиона изменилась только в отношении фразеологии, но не в отношении принципов. То, что прежде называли «большевизмом» или «радикализмом», носило теперь название «подрывной деятельности», «левого крыла», «коммунизма» или «красных».

На бумаге Легион занимает нейтральную позицию по отношению к организованным или не организованным в профсоюзы рабочим. Как написано во введении к уставу Легиона, он стоит только за «закон и порядок» и против «автократии как отдельных классов, так и масс». На этом основании он должен в одинаковой степени бороться

и против стачечных пикетов и против нанятых промышленниками головорезов; против профсоюзного вымогателя и посланного в профсоюзы шпиона.

Первый национальный командор Легиона Франклин Д'Олье сказал в первые дни существования Легиона:

«Американский легион занимает по отношению к организованным в профсоюзы рабочим точно такую же позицию, как и ко всем группам американских граждан, заинтересованным в равноправии, соблюдении закона и порядка и охране институтов, завещанных нам нашими предками».

А что мы видим на самом деле?

Не успел еще закрыться первый национальный съезд Легиона, подготовивший назначение Д'Олье на его пост, а в Сентрейлии (штат Вашингтон) уже началась ожесточенная борьба между легионерами и организованными в профсоюз рабочими.

Сентрейлия находится в лесопромышленном районе. Много лет назад здесь появились представители организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) и организовали рабочих лесной промышленности против предпринимателей, так называемых «лесных баронов». Бароны оказались чрезвычайно сильными. Террор и утверждение закона о причислении профсоюзной деятельности к уголовным преступлениям истощили силы профсоюзов. К 1919 г. во всем штате Вашингтон осталось всего два профсоюзных клуба ИРМ. Один из них находился в Сентрейлии.

Местные предприниматели твердо решили смыть это «пятно позора» со своего города. Тайно распространялся призыв: «Посадите радикалов в тюрьму или изгоните их из города... Лишь два города в штате Вашингтон допускают существование отделений ИРМ». Секретаря профсоюза избили. В День памяти павших в гражданской войне хулиганы ворвались в клуб и разгромили его. Слепого продавца газет, помимо обычной литературы продававшего издания ИРМ, избили и выгнали из города. Наконец, в октябре 1919 г. была основана «Ассоциация для защиты г. Сентрейлии», ставившая себе целью рано или поздно добиться закрытия профсоюзного клуба.

Такова была атмосфера в Сентрейлии, когда там появились ветераны и организовали пост Легиона. Атмосфера

накалилась как перед грозой. Это ощущали все жители города.

События разыгрались во время празднования первой годовщины со дня перемирия.

Местный пост Легиона организовал парад. Группы граждан и бывших солдат шли впереди длинной колонны по Тауэр-авеню, мимо клуба ИРМ. Начальник почты Мак-Клири и бывший майор Томсон несли в руках «шутки ради» куски веревки. Но все было спокойно до тех пор, пока легионеры не подошли к клубу.

Тогда, как описывает Ралф Чаплин в своей книге «Трагедия в Сентрейлии», кто-то сигнализировал свистом, раздался крик «Начинай!», и легионеры ворвались в помещение клуба. Вооруженные члены ИРМ оказали им сопротивление. Командор поста Уоррен Гримм и два других легионера были убиты, четверо—ранены.

Сопротивление всех находившихся в клубе членов ИРМ, кроме одного, было подавлено. Уэсли Эверест, бывший фронтовик, член ИРМ, бежал, пытаясь скрыться. Он достиг берега реки Шокумчак, но легионер Дэйл Хаббард бросился за ним в погоню. Эверест убил его во время стычки, но не смог скрыться. Он был захвачен отрядом полиции и посажен в тюрьму.

Ночью в городе «внезапно потух свет». Толпа линчевателей ворвалась в камеру Эвереста, кастрировала его, вытащила из тюрьмы и повесила на железнодорожном мосту. Когда повешенный, но еще живой Эверест пытался ухватиться за край моста, один из линчевателей раздробил его пальцы каблуками, на качавшееся в воздухе тело были направлены лучи прожекторов, и Эвереста изрешетили пулями.

Судья Ливингстон сделал официальное заявление: «Он [Эверест] бежал из тюрьмы, достиг моста через реку Чехали и покончил жизнь самоубийством». Не было приведено никаких доказательств участия членов Легиона в расправе. Закон и не старался их найти. Он не пытался даже установить, кто именно из легионеров совершил нападение на клуб ИРМ и вызвал все эти трагические события.

В существующей ныне официальной истории Легиона говорится, что беспорядки начали члены ИРМ, открывшие стрельбу по легионерам. Во время процесса присяжные

сделали вид, будто они этому верят; арестованные члены ИРМ были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению на сроки от 25 до 40 лет каждый.

Официальная история Легиона, однако, умалчивает, что с тех пор семеро присяжных отказались от вынесенного ими тогда приговора.

Слухи о трагедии в Сентрейлии дошли до участников национального съезда в Миннеаполисе в то время, когда там происходили заседания. Высший орган Легиона мог сразу же пресечь полицейский дух в организации. Отнюдь не поддерживая ИРМ, съезд мог ясно заявить для всеобщего сведения, что Легион был основан не для того, чтобы возлагать на себя ответственность и функции официальных блюстителей закона.

Но съезд молчал. О позиции Легиона говорили только события в Сентрейлии. По крайней мере, был ясно слышен именно *этот* голос. Через месяц после трагедии в Сентрейлии детройтская организация № 127 профсоюза рабочих автомобильного, авиационного и железнодорожного транспорта Америки вынесла резолюцию, запрещающую членам профсоюза вступать в Легион. Эта резолюция была поддержана и другими профсоюзными организациями. Одна за другой исключали легионеров из членов союза местная организация № 275 профсоюза маляров в Чикаго, федерация труда в Детройте, Объединенный профсоюз горняков, федерации профсоюзов в различных штатах.

В мае 1920 г. влиятельный Центральный совет профсоюзов торговых и промышленных рабочих в Нью-Йорке принял такое же решение. Непосредственной причиной, вызвавшей это решение, были уже не события в Сентрейлии. Профсоюзная организация обнаружила, что комиссия Легиона по вопросам американизма, во главе которой стоял богач Лориллард Спендер, помогла организовать Гражданский транспортный комитет для обслуживания штрейкбрехерами грузовиков с целью срыва забастовки шоферов.

В 1922 г. делегаты национального съезда Легиона жаловались на то, что враждебное отношение профсоюзов к Легиону вызывает выход из Легиона значительного числа его членов. Делегат от штата Миннесота заявил, что легионеров исключают из профсоюзов. Делегат от

штата Монтана указал, что в его штате федерация труда не только забаллотировала членов Легиона, но и создала собственную организацию ветеранов.

Действительно, по данным статистики Легиона, число его членов непрерывно падало—с 843 тысяч в 1920 г. до 609 500 в 1925 г. Но для руководителей Легиона на карту было поставлено нечто более важное, чем уменьшение численности организации. В 20-х и 30-х годах политика Легиона все больше и больше начала ассоциироваться в общественном мнении со штрейкбрехерством и насильственным подавлением стачек. Этого никто не скрывал. Наоборот, об этом кричали жирные газетные заголовки, а иногда этим открыто хвастал кое-кто из работников Легиона.

В начале января 1934 г. в Имперской долине в Калифорнии забастовали сборщики латука. Выходящая в городе Калексико газета «Кроникл» 12 января открыто писала, что «Американский легион мобилизовал свои резервы для подавления поднимающегося стачечного движения». Через три дня Чэпин Холл писал в выходящей в Лос-Анжелосе газете «Таймс»: «Это секрет, но против бастующих выступали действительно легионеры».

3 февраля в бюллетене Американского легиона была помещена статья под заголовком «Подоплека забастовки сборщиков латука в Имперской долине», в которой приводилось следующее заявление командора поста Легиона в городе Эль-Сентро (Калифорния):

«Ветераны долины... взяли дело в свои руки и расправились с забастовкой собственными силами. Теперь долина свободна от всяких антиамериканских влияний».

Легион вел совершенно открытую войну против профсоюзов. Он вел ее под лозунгом охраны «закона и порядка» и «принципов американизма». В тайне сохранялось лишь то, что понимание Легионом «принципов американизма» неизменно совпадало с пониманием их крупными капиталистами и предпринимателями вообще; не разглашалось также, в каком тесном контакте с ассоциациями предпринимателей работал Легион для сохранения «закона и порядка».

Наконец и эти секреты были раскрыты. Рассмотрение в 1939 г. дела о высылке уроженца Австралии, руководи-

теля профсоюза грузчиков Западного побережья Гарри Бриджеса вскрыло истинную историю стачки сборщиков латука, а также забастовки портовых рабочих Сан-Франциско в 1934 г. и разоблачило союз Легиона и промышленных предпринимателей против членов профсоюзов в Калифорнии.

Свидетельскими показаниями было установлено, что в 1934 г. организация Легиона в Калифорнии создала специальный Комитет по расследованию подрывной деятельности, который был через два года реорганизован и превращен в комитет Американского легиона по исследованию и изучению радикализма. Руководителем комитета был назначен весьма энергичный человек по имени Харпер Л. Ноулс.

Что же это был за «радикализм» и «подрывная деятельность», которыми так интересовался Легион в Калифорнии? Бывший декан Гарвардского университета Джеймс М. Лэндис, назначенный правительством судьей по делу Бриджеса, в своем заключительном слове сделал следующие выводы:

«Имеется множество доказательств, свидетельствующих о том, что деятельность комитета Ноулса находилась в опасной близости к деятельности тех организаций, единственной целью которых является борьба с активным профсоюзным движением. Рост профсоюзов, и в особенности распространение влияния профсоюзов среди неорганизованных рабочих сельскохозяйственных районов, вызывал опасения... Существовавшие между комитетом Ноулса и могущественными организациями предпринимателей тесные связи заставляют прийти к выводу, что Ноулс, вольно или невольно, часто был орудием в их руках».

Сам Ноулс совершенно определенно заявил, что он пользовался членами комитета Легиона и отдельными легионерами как шпионами, донесения которых о бастующих профсоюзах он передавал ассоциациям предпринимателей. На вопрос о том, допускались ли группы предпринимателей к архивам комитета, Ноулс ответил: «Думаю, что да». Ноулс дал следующие показания:

Ответ: ...Если какой-либо организации требовались сведения... мы были рады предоставить их ей.

Вопрос: Не укажете ли вы нам ассоциацию предпринимателей, скажем в Сан-Франциско, с которой вы обменивались информацией или которой вы представляли сведения, имевшиеся в ваших архивах.

Ответ: Мы обменивались информацией с рядом ассоциаций предпринимателей.

Вопрос: Назовите их.

Ответ: Время от времени с Ассоциацией промышленников.

Вопрос: Еще с какими?

Ответ: С Союзом фермеров.

Ассоциация промышленников и Союз фермеров были двумя наиболее влиятельными группами предпринимателей в Калифорнии, и забастовка портовых рабочих в Сан-Франциско их особенно затронула. Бывший национальный командор Фрэнк Белграно связан с обеими организациями благодаря занимаемой им видной должности в банке Джаннини. Когда легионеры помогали подавить забастовку сборщиков латука в Имперской долине в 1934 г., национальным командором был Белграно. Всего через год после того, как он оставил свой пост национального командора, началась забастовка портовых рабочих.

Забастовка портовых рабочих занимает важное место в истории борьбы Легиона против профсоюзов еще и по другой причине.

До этой забастовки Национальный штаб Легиона выдерживался от вмешательства, по крайней мере открытого, в рабочий вопрос. Правда, имена легионеров, погибших в Сентрейлии, вписаны в историю Легиона как имена мучеников. Правда, ни один работник Легиона никогда не выступал против насильственного подавления забастовок или штрейкбрехерства. Но руководители Легиона в Индианаполисе никогда открыто не поощряли подобных действий. Поэтому существовало широко распространенное мнение, что травля профсоюзов не входила в политическую программу Легиона; считалось, что это были спорадически возникавшие единичные случаи, вызванные чрезмерным рвением некоторых постов или департаментов.

Тем не менее, во время забастовки в Сан-Франциско Национальный штаб устремился в самую гущу рабочих дел. Однажды в газетах Сан-Франциско появилось огромное объявление, имеющее целью сломить забастовку.

Объявление было составлено и подписано не только местными работниками Легиона в Калифорнии, но и директором Комиссии по вопросам американизма Легиона в Индианаполисе Гомером Шайо. Через три года, во время процесса, который вел Лэндис, были представлены доказательства переписки, существовавшей между Ноулсом и Шайо, по вопросу о финансировании объявлений, направленных против профсоюзов. Когда Ноулс давал свидетельские показания, его прямо спросили: «Кто заплатил за объявление?» Свидетель отказался ответить.

Своим молчанием Ноулс мог пытаться выгородить только две группы: ассоциации предпринимателей или Легион.

Мне удалось обнаружить, что в действительности во время забастовки в Сан-Франциско Национальный штаб не впервые принял участие в борьбе против профсоюзов, хотя впервые сделал это открыто. В начале 30-х годов организационный комитет рабочих сталелитейных заводов, положивший начало нынешнему Конгрессу производственных профсоюзов, вовлекал в профсоюз рабочих сталелитейных заводов штата Пенсильвания. В 1933 г. начальник полиции города Аликуиппа Кэйн во главе вооруженного отряда в двести человек, набранных главным образом из числа местных легионеров, подавил стачку рабочих сталелитейных заводов в соседнем городе Эмбридже. Один рабочий был убит, сотни ранены или отравлены газом.

Эта стычка рабочих с легионерами широко известна в истории многострадального забастовочного движения в Пенсильвании.

В 1935 г. в День армии Кэйн вновь появился на арене рабочего движения, на этот раз как глава новой организации, носящей название «Лига защиты конституции».

Политику Лиги по отношению к профсоюзным организаторам исчерпывающим образом определил сам Кэйн. В своем выступлении в годовщину празднования Дня армии он заявил: «С ними нечего спорить, это не тема для споров. Бейте их в морду, вываляйте в перьях, вешайте их, если понадобится!» Позднее Кэйн сообщил корреспонденту «Нэйшн», что Лига «находится в ведении Национальной комиссии по вопросам американизма при Американском легионе», что он получает «инструкции,

помощь и советы» от Гомера Шайо и что он сам и его Лига действуют при полной поддержке Френка Белграно, бывшего в то время национальным командиром Легиона.

Я нигде не встретил каких-либо опровержений Легиона по поводу приведенных заявлений Кэйна.

Летом и в конце 1939 г. в печати сталелитейных центров в штатах Пенсильвания, Огайо и Мичиган появилась серия рекламных текстов, называемых «реклама гармонии».

Иногда эти тексты помещались от имени Американского легиона, иногда от имени местной торговой палаты или какой-либо другой общественной организации, а иногда одновременно от Легиона и других гражданских организаций. Эти рекламные тексты призывали к установлению «гармонии» между предпринимателями и рабочими и доказывали, что уровень зарплаты зависит от общего «просперити». В них подчеркивалось, что там, где царят «подозрение и недоверие», промышленность начинает терпеть урон (в области зарплаты и всего остального).

Нет сомнения, что эти тексты были составлены очень тщательно, тонко продуманы и ловко написаны. Время и место их появления, однако, также без тени сомнения, указывают на их антирабочий характер. Они помещались в тех же самых городах и в то же самое время, когда Конгресс производственных профсоюзов пытался организовать рабочих сталелитейной промышленности и этим самым создавал, согласно заявлениям владельцев стальных компаний, атмосферу «подозрения» и «недоверия», которые так осуждаются в этих рекламных текстах.

Легион подписывал эти тексты, хотя и не оплачивал их. Они оплачивались торговой палатой и прочими коммерческими организациями этих центров сталелитейной промышленности.

Легион не имел также ничего общего с их авторами, которые оставались неизвестными до тех пор, пока в 1938 г. сенатская комиссия Ла Фоллетта по вопросам просвещения и труда не разобралась в этом деле. Расследование показало, что эти тексты являлись детищем С. А. Макдоналда из «Макдоналд—Кук компани оф Саут-Бенд» (штат Индиана)—«консультанта» магнатов тяжелой промышленности. Техника составления и использования этих текстов была почти аналогична той технике, которой

пользовались специалисты Национальной ассоциации промышленников, пропагандирующие идеи НАП на совещаниях организации «Общественный прогресс», которые внешне носили чисто местный характер.

Комиссия Ла Фоллетта обнаружила следующее письмо, написанное Макдоналдом некоему Х. У. Смиту из Торговой палаты Камберленда (штат Мэриленд):

«...Откровенно говоря, нам кажется, что Ваша кампания [по подавлению забастовки] имела бы значительно больший успех, если бы было афишировано участие в ней некоторых влиятельных организаций... Вы понимаете, что Гражданский комитет явно создан с целью содействия борьбе против забастовок... Американский легион и подобные ему организации имеют несомненное влияние на общественную жизнь страны, и мы считаем поэтому, что участие этих организаций в качестве вдохновителей подобных кампаний, направленных к установлению гармонии, значительно увеличит эффективность последних».

Макдоналд доказывает, что нельзя пытаться сломить забастовку при помощи специального Гражданского комитета, который тотчас стал бы широко известен как штрейк-брехерская или полицейская организация. Он утверждает, что эту кампанию можно провести более умело и эффективно при помощи такого «нейтрального» и патриотического органа, как Американский легион.

С помощью Легиона «Макдоналд—Кук компани» провела такую большую работу в сталелитейном районе, что на следующий год «была переведена в высшую команду».

Как видно из приводимого ниже письма, обнаруженного комиссией Ла Фоллетта, Национальная ассоциация промышленников стала постоянным «потребителем» рекламных текстов этой компании.

Национальная ассоциация промышленников
Соединенных Штатов Америки

Нью-Йорк

21 апреля 1937 г.

Дорогой господин Макдоналд! Это письмо подтверждает посланную Вам вчера телеграмму. Мы принимаем Ваше предложение продать Национальной ассоциации промышленников серию Ваших рекламных текстов.

Ознакомившись с этими текстами, мы сразу почувствовали, что Вы преподнесли интересующий нас вопрос в исключительно убедительной и привлекательной форме; я присоединяюсь к Вашему мнению, что мы действительно окажем ценную услугу, по мере наших возможностей поддерживая эту кампанию...

И. о. вице-президента
Уолтер Б. Уэйзенбергер.

Как и следовало ожидать, НАП разослала эти рекламные тексты своим членам и друзьям по всей стране.

Закон Вагнера, гарантирующий право коллективного договора с предпринимателями, был принят в 1935 г. Однако значительное число промышленников обращало на него не больше внимания, чем на «рекламу гармонии», составление текстов для которой они сами же финансировали. Объединения «Литтл стил», «Бетлхем стил», «Рипаблик» и другие не согласились признать Конгресс производственных профсоюзов в качестве представителя интересов рабочих при заключении коллективных договоров. В 1937 г. рабочие, входящие в КПП, начали забастовку. Тотчас у большинства легионеров в сталелитейном районе вновь начался приступ «американизма»: схватив ружья и дубинки, они пошли в наступление на бастующих.

Джесс Фишер, начальник полиции г. Монро (штат Мичиган), в своих показаниях комиссии Ла Фоллетта заявил, что в ответ на вопрос губернатора Фрэнка Мэрфи, достоверны ли сообщения газет о том, что легионеры, «вооруженные гранатами и дубинками», патрулировали улицы, он сказал: «Это верно, парни из Американского легиона взяли на себя заботу о деловом квартале. Когда я уходил из здания магистрата, они мне сказали: не беспокойтесь о деловом квартале, мы сами о нем позаботимся».

В Джонстауне (штат Пенсильвания) мэр сам назначил командора местного поста Легиона специальным полицейским, заявив, что «назначает полицейскими всех членов поста Американского легиона в Джонстауне». Позднее он произвел некоторую легализацию, назначая легионеров в индивидуальном порядке.

В Янгстауне (штат Огайо) во время забастовки на заводах «Янгстаун шит энд тьюб» и «Рипаблик стил

компани» шериф Элсер, согласно показаниям, данным им комиссии Ла Фоллетта, нанял «около 50 легионеров для особой полицейской службы».

Все это регулярно освещалось на страницах печати. И теперь, так же как и во время происходивших ранее забастовок в Калифорнии, Легион изо дня в день официально изображался как огромная дикая орда, проламывающая дубинками черепа американских рабочих.

Куда девалась хваленая политика «нейтралитета» Легиона в отношении трудовых конфликтов! Однако Индианаполис начал все же проявлять беспокойство. Вспомните, что это был период Нового курса, когда во всей стране рабочее движение пользовалось большим сочувствием.

С другой стороны, что сказали бы и сделали Национальная ассоциация промышленников и магнаты объединения «Литтл стил», если бы Национальный штаб приказал легионерам отложить в сторону свои дубинки и предоставить промышленникам возможность самим бороться с рабочим движением?

Национальному командору Гарри Колмери пришла в голову блестящая мысль. Вместо того чтобы приказать легионерам отложить их дубинки, он только сказал, чтобы они сняли и отложили в сторону свои форменные фуражки.

17 июня 1937 г., спустя несколько дней после того как забастовка на предприятиях объединения «Литтл стил» фактически закончилась, Колмери опубликовал следующую телеграмму, которую он разослал организациям Легиона по всей стране:

«Меня весьма беспокоят, как и Вас, я уверен, неоднократные заявления общественных представителей в печати о том, что легионеры мобилизуются в массовом порядке и вооружаются для выполнения полицейских обязанностей в районах, где происходят рабочие беспорядки.

Я только что передал в печать мое заявление, объясняющее политику Легиона, изложенную весьма ясно в 1-м параграфе второй статьи нашего устава. Легионеры, как граждане, имеют право быть избранными на определенные посты, но такое избрание не должно сочетаться с членством в Легионе.

Убедительно прошу вас сообщить всем постам в вашем департаменте, что легионеры, избранные на такой пост, не должны носить форму Легиона, фуражки или другие знаки отличия, а также не должны использовать имя Легиона при исполнении подобных обязанностей.

Продолжение такой практики опасно для соблюдения политики нейтралитета Легиона в рабочем движении и может нанести серьезный вред всей организации».

Согласно 1-му параграфу второй статьи устава Легиона, упомянутому Колмери, Легион является «гражданской организацией» и поэтому «членство в Легионе не затрагивает и не увеличивает обязательств легионеров в отношении военной и полицейской службы».

Как ни странно, общественность приняла эту телеграмму Колмери как доказательство «либерализма» Легиона. Передовицы газет восхваляли «просвещенную» позицию Колмери. Однако мне удалось обнаружить, что в Массиллоне (штат Огайо), где забастовка на предприятиях объединения «Литтл стил» продолжалась несколько дольше, чем где-либо еще, пост Легиона лучше понял смысл этого заявления Колмери. Офицеры просто приказали своим людям «снять фуражки» и продолжать прорывать кордоны профсоюзных пикетов.

Однако в борьбе с рабочими объединения «Литтл стил» Легион выступил во всем блеске своей штрейкбрехерской и скулодробительной доблести в последний раз. Это случилось не потому, что произошли перемены в руководстве Легиона. Перемены произошли во всей стране. Закон Вагнера, утвержденный в 1935 г., начал входить в силу. 12 апреля 1937 г. Верховный суд заявил: «Много времени назад мы изложили причину появления рабочих организаций... Мы говорили, что профсоюзы необходимы для того, чтобы дать рабочим возможность на равных основаниях вести переговоры с нанимателями». Это была не просто точка зрения закона. Рузвельт и его Новый курс успешно популяризировали эту идею среди подавляющего большинства населения страны.

В 1938 г. сенатская комиссия Ла Фоллетта вызвала всеобщее одобрение, квалифицировав подавление забастовок и шпионаж за рабочими как антиамериканскую

деятельность. Теперь уже не имело значения, насколько «красным» считал Легион новый тип производственного профсоюза, представляемого КПП, важно было то, что рабочие сталелитейной промышленности не зря пожертвовали своей жизнью: Конгресс производственных профсоюзов существовал. В течение относительно немногих лет КПП фактически удвоил число организованных рабочих в стране. И когда наступила война, те самые легионеры, которые в 1937 г. громили пикеты стачечников в Монро, оказались на сталелитейных заводах с профсоюзными билетами в карманах. Они, наконец, узнали то, что большинство рабочих давно знало. Они поняли, что профсоюз является «подрывной» организацией только для тех, кто гонится за прибылями, а не для тех, кто честно работает.

Однако все эти перемены не волновали руководство Легиона. Да у них и не было оснований беспокоиться. Люди, жизнь которых зависит от их почасового заработка, не стремятся стать национальными командорами. И заправила Легиона продолжали вести войну против рабочих, приспособив лишь свою тактику к новым условиям.

Мои многочисленные исследования этой новой тактики дали чрезвычайно интересные результаты.

В первый же год вступления Америки в войну национальный командор Линн Стамбо пытался натравить солдат против членов профсоюзов, заявив:

«Профсоюз означает, что герои, возвращающиеся с Коррехидора, Уэйка, Гуама, Мидуэя и других отдаленных фронтов, должны заплатить дань незначительному меньшинству, чтобы вновь получить работу и зарабатывать на пропитание».

Роан Уоринг последовал примеру Стамбо. Он был национальным командором в тот год, когда одна из газет в городе Акрон (штат Огайо) опубликовала сообщение, что члены профсоюза моряков, находившиеся на борту грузового судна в Гвадалканале, отказались выгружать военное снаряжение в воскресный день. Это сообщение было тотчас же опровергнуто как ложное армейскими и флотскими властями; даже газета, которая первая опубликовала его, заявила, что это были только «слухи». Однако все это не удержало Уоринга от неоднократных упоминаний об этом случае.

В 1942 г. национальный съезд, избравший Уоринга на пост командора, одобрил также резолюцию, осуждающую забастовки и ослабление темпов работы «со стороны промышленников, рабочих и эгоистически настроенных индивидуалистов». Эта резолюция требовала, чтобы «ослабление темпов работы в военной промышленности рассматривалось и наказывалось как государственная измена». Уоринг произнес много речей, обвиняющих в «государственной измене» рабочих, но никогда, как правильно указал один бывший командор поста Легиона в Миннеаполисе, не обвинял в измене чиновников крупной медной корпорации, которые были повинны в продаже армии нестандартного кабеля.

За Уорингом последовал Уоррен Атертон, который перед нависшей угрозой забастовки рабочих предприятий общественного назначения в Лос-Анжелосе—центре авиационной промышленности—заявил, что «лица, ответственные за такие подлые саботажнические действия, должны быть посажены на электрический стул».

Руководители Легиона были, конечно, правы, выступая против забастовок в военное время. Лидеры таких организаций, как Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов, сами осудили такие забастовки как нарушение торжественного обещания «не бастовать», данного организованными рабочими в начале войны. С другой стороны, мои расследования показали, что проводимые лидерами Легиона кампании за осуществление принципов «стопроцентного американизма» были всегда направлены против рабочих и никогда против промышленников-монополистов, чьи довоенные связи и патентные соглашения с нацистами и непримиримое отношение к рабочим на их собственных заводах были причиной ослабления темпов работы в военных отраслях промышленности.

Желая вбить клин между солдатами и рабочими, заправили Легиона скрыли тот факт, что за первые три года войны в процессе всех забастовок рабочих, входящих в КПП, на одного рабочего было потеряно всего лишь 2 часа 11 минут производительного времени, то есть около 43 минут в год, или 8 секунд в день, тогда как несчастные случаи на производстве отняли у страны в 108 раз и болезни—в 165 раз больше человекоднев.

Совершенно ясно, что лидеры Легиона даже не пожелали разобраться в вопросе о влиянии забастовок на производственный процесс. Однако, не называя вещи своими именами, руководители Легиона подготавливали новый трюк, направленный против рабочих.

С конца 30-х годов Национальная ассоциация промышленников и группы предпринимателей сообща приняли новую тактику в своей борьбе за осуществление контроля над рабочим движением. Война на линии стачечных пикетов—штрейкбрехерство, шпионаж за рабочими, избивание рабочих—потерпела крах. Этой войне были нанесены сокрушительные удары законом Вагнера и такими сенсационными разоблачениями тактики предательских приемов, используемой предпринимателями, какие произвела комиссия Ла Фоллетта.

Мне стало ясно, что в ответ на это предприниматели должны перенести центр тяжести борьбы против рабочих из области войны с забастовщиками в область законодательства, требуя внесения поправок к закону Вагнера, а также принятия такого антирабочего законодательства, как законопроекты Кейза и Тафта—Хартли.

Новый трюк Легиона соответствовал новой тактике предпринимателей. Более того, он был психологически предназначен для того, чтобы заручиться поддержкой солдат, которые к концу войны уже начали беспокоиться о своей послевоенной деятельности. Солдата, естественно, интересовал вопрос о том, что предпримут профсоюзы, чтобы предоставить ему прежнюю его работу, выполняемую теперь вместо него не-ветераном и, возможно, также членом профсоюза.

Два известных в стране легионера, занимающие высокие посты в правительстве, обострили этот потенциальный конфликт между солдатами и рабочими. Одним из них был генерал Херши, администратор по проведению в жизнь закона о воинской повинности¹, другим—его помощник, полковник Пол Гриффит, ставший позднее (в 1946/47 г.) национальным командором.

Изучая туманную формулировку закона в части обеспечения демобилизованных солдат работой, генерал Херши

¹ Этот закон предусматривал планы национальной обороны, использование вооруженных сил, мобилизацию людских и материальных ресурсов. (Прим. ред.)

и Гриффит в 1944 г. выпустили меморандум «190-А», придающий следующее толкование этому акту:

«Демобилизованный ветеран имеет право быть восстановленным на прежней работе или аналогичной ей, не меньшей по масштабу, занимаемому положению и заработку, *если даже* такое восстановление вызовет необходимость увольнения не-ветерана, имеющего больший стаж».

Подобное толкование закона вызвало восхищение у заправил Легиона. Национальная ассоциация промышленников и все предприниматели вообще также восторженно приветствовали этот меморандум. Сверхстаршинство для ветеранов! Какой великолепный, патриотический способ для уничтожения профсоюзной системы старшинства, а вместе с системой и самих профсоюзов.

Я очень много и долго спорил с некоторыми из моих коллег по Легиону о значении сверхстаршинства. Они видели в нем только катастрофу для новых членов. Я же видел в нем только катастрофу для американского рабочего.

Профсоюзная система старшинства проста: «Кто раньше других поступил на работу, увольняется позже других». Но эта простая система имеет огромное значение для профсоюзов. Без нее предприниматель под предлогом «экономии» мог бы уволить со своего предприятия любого рабочего, если ему не понравился цвет его кожи, его политические убеждения, религиозная принадлежность или профсоюзная деятельность. В конце концов, он мог таким образом уничтожить профсоюз или сократить его функции до полной бездеятельности.

Вот почему принцип старшинства является основным условием, которое большинство профсоюзов выставляет в договорах с предпринимателями. Вот почему президент Рузвельт назвал систему старшинства «институтом американской промышленности».

Закон о воинской повинности предусматривал охрану прав ветеранов и обязывал причислять срок службы в армии к общему стажу в порядке обычного старшинства.

Принцип сверхстаршинства нарушал эту систему. Он означал, что участник войны, демобилизовавшись, мог получить работу человека, не участвовавшего в войне, независимо от того, как долго работал последний и как мало работал ветеран. Это означало, что предприниматель

мог вышвырнуть рабочего-члена профсоюза и заменить его ветераном, не входящим в профсоюз.

Против принципа сверхстаршинства я привел моим коллегам несколько общих аргументов, основанных на справедливости. Я спросил их, насколько мы, ветераны, имеем право считаться «привилегированным классом» в отличие от рядового американца? Справедливо ли для молодого солдата, даже учитывая все то, что испытал он, служа в армии, отнимать работу у седовласого рабочего, слишком пожилого, чтобы вновь переквалифицироваться? Справедливо ли для ветерана, по причинам эгоистичного порядка, ослаблять профсоюзное движение, которое помогало многим американцам по всей стране в течение столь длительного периода?

Кроме того, зачем выбрасывать на улицу человека, живущего только на свой заработок, чтобы освободить место для ветерана? Почему бы не принять меморандум «190-Б», который обязал бы владельца магазина, промышленника, врача уступить ветерану свое место. Бесспорно, ветеран-работник умственного труда имеет право пользоваться такими же привилегиями, как и ветеран-металлург или электрик.

Против принципа сверхстаршинства я приводил также аргументы чисто практического характера. За тот короткий промежуток времени, когда применялся этот принцип, он не только не помог ветеранам, а, наоборот, принес им ущерб. Ветеран, конечно, мог заполучить себе работу не-ветерана, но, как предусмотрено законом о воинской повинности, *только в течение одного года после демобилизации*. По истечении этого срока ветеран терял все свои преимущества и должен был конкурировать с не-ветераном в поисках работы. В конечном счете принцип сверхстаршинства означал нарушение принципа обычного старшинства.

Более того, принцип сверхстаршинства гарантировал предоставление прежней работы *только тому ветерану, который в течение периода войны первым был мобилизован в армию* с этого участка работы (эта оговорка тщательно скрывалась Легионом). В военный период на одном каком-либо участке работы могли, например, работать семь человек, каждого из которых в различное время мобилизовали на войну. Однако предприниматель обязывался принять на работу в порядке принципа сверхстаршин-

ства только первого из мобилизованных; другие шесть рассматривались как работавшие в порядке замены ушедших на фронт и поэтому потеряли право не только на сверхстаршинство, предлагаемое генералом Херши, но и на обычное старшинство, обеспечиваемое профсоюзом или законом о воинской повинности.

Учтя все эти оговорки, подсчитали, что принцип сверхстаринства был рассчитан на предоставление работ не больше чем 20% из ветеранов, претендующих на ее получение. В качестве аргумента против принципа сверхстаринства я приводил моим коллегам то, что профсоюзы предлагали демобилизующимся ветеранам вполне приемлемые условия. Всем демобилизованным солдатам гарантировалось сохранение обычного принципа старшинства, причем годы, проведенные в армии, включались в общий стаж. Таким образом, Билл Джонс, который проработал перед войной три года на каком-либо предприятии компании «Дженерл электрик» и затем прослужил четыре года в армии, по возвращении на работу приобретал семилетний стаж профсоюзного старшинства. Или, например, Джо Смит, который также прослужил четыре года в армии, но до ухода на войну совсем не работал, поступив на завод компании «Дженерл электрик», автоматически получал четырехлетний стаж старшинства.

Верховный суд США объявил принцип сверхстаринства неконституционным. Однако борьба за него все еще продолжается. Как Легион, так и различные группы предпринимателей добивались в конгрессе 80-го созыва принятия мер по изысканию такой формы принципа сверхстаринства, которая могла бы оказаться конституционной.

Руководство Легиона пошло еще дальше. В ноябре 1946 г., спустя месяц после того как я оставил Легион, Национальный исполнительный комитет одобрил резолюцию, в которой говорится:

«Постановлено, что ни один ветеран не обязан платить вступительный взнос при поступлении на работу, как условие принятия на работу или получения права заниматься каким-либо ремеслом... Также не может быть отказано ветерану в работе на основании какого-либо установления или правила, не имеющего отношения к его пригодности для предпринимателя».

Приняв эту резолюцию, которая повторяет заявление национального командора Стамбо, сделанное им в 1941 г., «нейтральный» Легион утратил всякую видимость своего нейтралитета в рабочем вопросе. Этой резолюцией верхушка Легиона открыто присоединилась к борьбе, проводимой в течение многих лет Национальной ассоциацией промышленников и всеми крупными организациями предпринимателей против «профсоюзного», или «закрытого», цеха.

«Профсоюзному», или «закрытому», цеху противопоставляется «открытый» цех. Введение законодательным порядком «открытого» цеха будет означать конец профсоюзного движения. Предприниматель будет иметь право удушить профсоюз, принимая на работу неорганизованных рабочих. Противники профсоюзного движения воспользуются всем тем, что создано профсоюзом—более высокой заработной платой, большей уверенностью в завтрашнем дне, лучшими условиями труда—и все это без уплаты членских взносов, с помощью которых все это создавалось. Национальная ассоциация промышленников получит право постепенно привести страну назад, к дням потогонного труда.

Я думаю, что приведенные мною факты достаточно ясно свидетельствуют о том, что руководство Легиона оставалось верным ранее сделанному заявлению национального командора Франклина Д'Олье, который посвятил Легион «охране институтов, завещанных нам нашими предками». Единственное, что остается неясным: какого рода «институты» имел в виду Франклин Д'Олье. Приведенные мною материалы показывают, что ведущее место среди этих «институтов» занимают Национальная ассоциация промышленников, Союз фермеров, «Рипаблик стил», Уолл-стрит и тому подобные.

Руководство Легиона вело длительную и ожесточенную борьбу против организованных рабочих, особенно против Конгресса производственных профсоюзов. Эта борьба никогда не имела успеха, а тем более в последнее время. Рядовые легионеры больше не сочувствуют борьбе заправил Легиона с рабочими, да и вряд ли они когда-либо действительно сочувствовали ей.

Я вспоминаю признание одного легионера, рабочего-водопроводчика, который был вовлечен в кампанию по нападению Легиона на бастующих рабочих плантаций

латука в Калифорнии. «Мне не нравится это занятие— избивание людей,—сказал он,—но если я не буду принимать в нем участия, я должен лишиться работы и искать ее где-либо еще, а я не знаю, где бы я мог ее найти. Я должен содержать жену и троих детей школьного возраста».

Сегодня этот водопроводчик нашел бы в Легионе многих, которым также не нравится принимать участие в избивании людей, и мог бы позволить себе послать к чорту руководителей Легиона.

В настоящее время Легион насчитывает два с половиной миллиона ветеранов второй мировой войны, которые воспитывались во времена Нового курса и большинство которых не отождествляет уже автоматически профсоюзное движение с «большевизмом». Они привыкли видеть в профсоюзах неотъемлемую часть американской жизни. Десятки тысяч их самих являются членами профсоюзов.

Примерно в то время, когда я впервые начал работать в Индианаполисе, многие крупные профсоюзы вели переговоры с предпринимателями о заключении новых договоров. Некоторые из них начали забастовки. Как же реагировали на это рядовые легионеры?

В г. Линн (штат Массачусетс) майор Алберт Коул, участник войны на Филиппинах, писал президенту «Дженерл электрик»: «Требования бастующих на предприятиях компании «Дженерл электрик» разумны и справедливы». Пост № 6 Легиона в Коннери провел сбор добровольных взносов в помощь бастующим на предприятиях «Дженерл электрик».

Но и это еще не все. В Блумфилде (штат Нью-Джерси) оркестр местного поста Легиона возглавил шествие бастующих рабочих, а командор местного поста Легиона, Эдуард Харрингтон, назвал бастующих солдатами, но «не убивающими друг друга, а сражающимися в борьбе за новое». Он с гордостью добавил: «Местный пост Легиона не выступает против рабочего движения».

Новые веяния появились в Легионе; они еще не распространились повсеместно, но с ними уже нельзя не считаться. Я заметил, что руководство Легиона, всегда занимающее непримиримую позицию в рабочем вопросе, вынуждено считаться с этими веяниями, о чем я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ПОИСКАХ ДЕМОКРАТИИ

«Легион—самая демократическая организация в мире», — сказал мне Чак Вилсон в первый же день моей работы. То же самое он повторял мне изо дня в день. Это стало ежедневной рутинной в течение всего периода моего «приобщения к доктрине», чем-то похожим на выслушивание утреннего сигнала в армейском лагере или на обмен любезностями за столом.

Он изменил тему только однажды для того, чтобы сказать мне, что национальный командор всегда прав, даже в том случае, если большинство легионеров не согласно с ним.

Повидимому, Чаку Вилсону никогда не приходило в голову, что в его одновременных утверждениях о «демократии» Легиона и «верности» своему командору, вне зависимости от того, прав он или нет, было явное противоречие.

Неограниченная диктатура командора в Легионе крайне поразила меня. Я никогда не представлял себе ранее, что этой организацией руководит воля одного человека или небольшой кучки людей. Несмотря на заверения Чака Вилсона, я был глубоко убежден, что это не так. Вся внутренняя сторона структуры Легиона, как она представлялась мне, казалось, создавала веру в демократичность процедуры. Устав Легиона и его законодательные акты предусматривают регулярные выборы руководящих органов по принципу большинства, парламентские дебаты и «управление» по представительству.

Более того, наличие трех с половиной миллионов членов, казалось, должно было само по себе гарантировать демократические порядки внутри этой организации, хотя и нельзя утверждать, что это огромное число членов Легиона представляет в равной мере все слои американ-

цев. (Изучение этого вопроса Геллермэном из Педагогического колледжа, сделанное перед второй мировой войной, показало, что среди ветеранов Легиона преобладают мелкие лавочники, лица свободных профессий и т. п. Есть надежда, однако, что демобилизация двух с половиной миллионов ветеранов второй мировой войны изменила это соотношение.)

Однако вещи в действительности редко бывают такими, какими они нам представляются. И «демократия» Легиона не является на сей раз исключением.

Действительно, чем больше я пытался убедиться в существовании демократии в Легионе, тем меньше находил ее в действительности. Вместо этого за тщательно разукрашенным фасадом «демократии» я обнаружил два фактора, присущих диктаторству: сильную исполнительную власть и тщательно разработанную технику подавления любого сопротивления рядовых легионеров проводимой политике.

Эти факторы не случайны. Частично они подразумевались в уставе Легиона и приказах его руководителей, частично они были развиты в выступлениях отдельных лиц, продолжавших политику кучки людей, основавшей Легион; они также проявлялись в традициях, процедуре и повседневной практике руководства Легионом.

Внутренняя структура Легиона в основном проста. Составной частью Легиона является легионер. Первичной организацией легионеров является пост, или местное подразделение, Легиона. Посты в пределах каждого штата образуют департамент, или организацию Легиона в штате. Департаменты образуют общенациональную организацию—Американский легион.

Теоретически политика Легиона формируется таким же путем—снизу вверх. В теории легионер вносит свои предложения о деятельности Легиона на собрание поста; они доходят, в конце концов, до общенациональной организации, пройдя через исполнительный комитет или национальный съезд. Однако в Легионе имеется несколько «сверхкозырей», обусловленных уставом или чем-либо иным, которые препятствуют осуществлению подобной демократической процедуры. Одной из таких преград является Национальный исполнительный комитет, состоящий из семи офицеров высших рангов и одного представителя от каждого департамента Легиона. Все бывшие

национальные командоры также по положению являются членами этого комитета, хотя и без права голоса.

Помимо Национального исполнительного комитета в Легионе имеется еще много аналогичных органов, которые также выполняют определенные функции в период между съездами. Однако разница между ними и комитетом состоит в том, что последний не только осуществляет политику Легиона, но и стремится определять ее. Более того, хотя по уставу Легиона «высшей» законодательной властью является национальный съезд, комитет время от времени отменяет решения съезда и поступает по своему собственному усмотрению.

В качестве примера, ярко иллюстрирующего подобную деятельность Национального исполнительного комитета, можно привести случай с резолюцией, принятой делегатами национального съезда в 1944 г. Эта резолюция осуждала члена палаты представителей Гамильтона Фиша, который разрешил использовать свою подпись для бесплатной рассылки изоляционистской литературы. Однако на следующем же заседании комитет пересмотрел это решение съезда и фактически оправдал Фиша.

Национальный исполнительный комитет представляет собой только одну сторону сильной исполнительной власти Легиона. Другая сосредоточена в руках национального командора.

Я уже писал о том ореоле «божественной справедливости», который окружает национального командора. Я привожу Стелла в качестве примера только потому, что он был командором во время моей службы в Легионе. Однако та же традиция «верности Легиона», которая сделала Стелла королем, определила также и то, что он стал лишь одним из многих в длинном ряду своих предшественников. Как заявил Квинн на заседании исполнительного комитета в июне 1946 г., каждый национальный командор Легиона может рассчитывать на верность своего «двора», независимо от того, представляет он интересы легионеров или нет.

Однако, возрадите вы, национальный командор, ведь, избирается. Как же он может называться королем или диктатором? Ведь избиратели всегда могут лишить его власти, сместить и заменить его другим, который будет представлять их интересы.

Припомните, однако, то, что я уже ранее говорил вам о технике подавления какого бы то ни было сопротивления и недовольства со стороны рядовых членов Легиона. Одним из средств такого подавления сопротивления является сама избирательная система. Согласно этой системе выборы национального командора многостепенны. Отдельный легионер избирает от своего поста лишь делегата на окружной съезд. В некоторых штатах, как, например, в Иллинойсе, легионер может также голосовать непосредственно за офицеров своего департамента. Но в подавляющем большинстве штатов сначала избираются делегаты на окружной съезд, который, в свою очередь, избирает делегатов в избирательный орган штата, последний избирает делегатов на национальный съезд; и те уже избирают национального командора.

Таким образом, ко времени окончательного баллотирования кандидатуры на пост национального командора воля основной массы легионеров превращается в ничто.

Но и это не все, что стоит между избирателями и избираемыми. Мои последние изыскания в этой области показали, что «короли» избираются даже не национальным съездом. Эта честь принадлежит так называемым «делателям королей».

Это понятие—живая реальность, а не пустая фраза. Когда легионеры собираются вместе потолковать о политике Легиона, они всегда используют это слово по отношению к той клике, в чьих руках находятся бразды правления Легиона. «Делатели королей»—это небольшая группа людей, которая, сидя в прокуренной комнате, решает, иногда на пять лет вперед, кто будет королем Легиона; это политические хозяева Легиона, которые прекрасно знают, какую политику они должны проводить, чтобы угодить кучке миллионеров.

Так как эта группа существует неофициально и состав ее из года в год имеет тенденцию изменяться, очень трудно назвать ее членов. Однако нет сомнения, что ее самым влиятельным членом во время моей службы в Индианаполисе был покойный Уильям Х. Дойл из штата Массачусетс—тот самый Дойл, который в 1933 г. за куш в 9100 долларов протолкнул через национальный съезд резолюцию об «оздоровлении денежной системы». Другими членами, по общему мнению, являлись: бывший национальный

командор Гарри Колмери, пользующийся не меньшим влиянием, чем Дойл; Уильям Мак-Кинли из Нью-Джерси; Бен Доррис из Портленда; Уильям Стерн из штата Северная Дакота, управляющий северо-западной линией воздушного сообщения и имеющий влияние в финансовых кругах штата; Фил Коллинс из Чикаго, владелец страховой компании, являющийся президентом комиссии по налоγοобложению в штате Иллинойс.

Пол Гриффит, избранный национальным командором в 1946 г., являлся типичным представителем командоров, избираемых путем махинаций этих «делателей королей». Мне было известно, что он готовился к своим выборам еще за девять месяцев до открытия национального съезда и задолго до выборов делегатов на съезд. В действительности он был избран на пост командора еще в 1943 г., когда клика, создающая королей, награждала заправил Легиона за их работу в Пенсильвании. Первый кандидат этого штата на пост национального командора умер еще до выборов, а вторым был Гриффит, служивший тогда в чине полковника под начальством генерала Херши в администрации по проведению закона о воинской повинности. Чтобы выполнить обещание, которое они дали штату Пенсильвания, эти «делатели королей» дожидались, пока Гриффит не демобилизуется.

Гриффит был «избран» единогласно, хотя две трети легионеров, командовать которыми он был избран, не только никогда не голосовали за него, прямо или косвенно, но в то время даже не состояли членами Легиона. В 1943 г. ветераны второй мировой войны находились в Северной Африке, Англии, Исландии, Гвадалканале. В настоящее время, несмотря на то, что число участников второй мировой войны более чем в два раза превосходит число участников первой, молодые ветераны не имеют соответствующего представительства в руководящих органах Легиона.

Гарри Мосес, известный легионер и управляющий компанией «Юнайтед Стейтс стил», заявил однажды, как об этом сообщала 26 сентября 1946 г. «Сан-Франциско кроникл»: «В конце концов Легион—это предприятие с миллионным капиталом. Мы не должны бросать этот куш кучке неопытных юнцов».

В 1945 г. «делатели королей» выдвинули двух участников второй мировой войны в число пяти национальных

вице-командоров. Один из них—Фред Ла Бун, добросердечный парень с открытой душой,—был настоящим героем войны. Некоторое время спустя он объяснил мне свое выдвижение следующим образом: «Вы знаете, Джастин,—сказал он,—если бы вы в тот момент вернулись домой и проживали в штате Оклахома, они сделали бы вас вице-командором». Ла Бун пережил смертельный бросок на Батаан, сорок два месяца находился в японских концентрационных лагерях, и его выдвижение не причинило ущерба престижу Легиона.

Вместе с Фредом был выдвинут Х. Дэдди Свим, ветеран военно-морского флота, который демобилизовался в чине помощника капитана 3-го ранга и, получив чин капитана, на следующий день ушел в отставку. Однако этот вежливый, изысканно одетый и достаточно обеспеченный человек, демобилизовавшийся, когда ему исполнилось 30 лет, не был похож на рядового фронтовика.

На следующий год ветераны второй мировой войны получили три поста вице-командоров. Один из них достался Кэдуоллейдеру—бывшему председателю Национальной жилищной комиссии, выступавшему против государственного жилищного строительства, а самый важный пост председателя Комиссии по вопросам американизма был предоставлен Джеймсу Грину—другому молодому ветерану, заменившему своего предшественника Роберта Уэбба.

Председатель Комиссии по вопросам американизма находится в таком же отношении к национальному командору, как, скажем, губернатор штата Нью-Йорк к президенту Соединенных Штатов Америки. Ему не гарантируется эта должность, но также и не ставится никаких препятствий к тому, чтобы он мог сохранить ее за собой. Вот почему получение этой должности было так важно для Грина. Однако более существенным является тот общеизвестный факт, что Грин был компаньоном своего предшественника Уэбба. Таким образом, руководство этим постом не выходило за пределы «семейного круга».

Молодежь, выдвигаемая ныне на руководящие посты, воспитывается в традициях старой школы; их призывают неуклонно следовать за тем, чтобы Легион шел по старой, проторенной его основателями дорожке, с которой он до сих пор никуда не уклонялся.

Прежние руководители Легиона даже открыли школу, предназначенную для подготовки молодых кадров таким образом, чтобы обеспечить неизменность политики Легиона, несмотря на новые веяния. В 1946 г. в Индианаполисе был открыт колледж Американского легиона. Его учебный план представляет собой восхваление того курса, по которому я сам «приобщался к доктрине». В этот колледж студенты принимаются не по конкурсу или жребию, а отбираются верховными руководителями Легиона.

Несколько позже Национальный штаб Легиона организовал по типу обычных школ коммерческой корреспонденции институт усовершенствования знаний с целью подготовки основной массы ветеранов второй мировой войны для работы в Легионе. Примечательно то, что в положении об институте зафиксировано, что некоторая часть окончивших институт направляется на работу в Индианаполис. Но кого же посылают в Индианаполис? Может быть, тех, кто получил наилучшую оценку знаний? О, нет! Официальное объявление администрации института усовершенствования знаний легионеров гласит, что «окончательный отбор студентов от каждого штата для направления на практику по окончании института будет производиться должностными лицами департамента (штата)».

Это объявление свидетельствует об эгоистическом стремлении руководителей Легиона увековечить свою власть.

Однако, помимо махинаций клики, «делающей королей», и заранее сфабрикованных выборов, которые охраняли диктатуру руководителей Легиона в прошлом и которые, как они надеются, обеспечат их господство и в будущем, в их распоряжении имеются и другие средства.

С одной стороны, это огромная пропагандистская машина—газеты, журналы, радио,—которая ежедневно вдалбливает в головы легионеров восхваление «линии», проводимой верхушкой Легиона. Конечно, в самой системе организации пропаганды не содержится ничего предосудительного. Однако следует сказать, что когда такая машина пропаганды находится в руках группы людей, стремящихся увековечить свое господство и пользующихся нечистоплотными методами для пропаганды своих

идей, то она превращается в сокрушительное орудие в борьбе против демократии.

С другой стороны, в распоряжении Легиона имеются всевозможные средства для подавления любого проявления недовольства и превращения сколько-нибудь творческой критики в беспредметную. Иногда эта система подавления инициативы просто отвратительна. Таково, например, установленное как практикой, так и законодательным путем правило о том, что посты Легиона не имеют права публично выражать свое мнение по какому-либо вопросу, иначе как через «официальные каналы» Легиона. В 1946 г. Национальный исполнительный комитет пошел еще дальше, запретив легионеру обращаться в конгресс США или выступать на его заседаниях «в связи с какими-либо законодательными вопросами, затрагивающими интересы Легиона», кроме как через Национальный законодательный комитет Легиона.

Огромная власть лидеров Легиона над рядовыми легионерами объясняется их возможностями оказывать легионерам материальную помощь. В соответствии с законодательным актом, принятым после первой мировой войны и учредившим Администрацию по делам ветеранов, несколько специально созданных организаций уполномочивались представлять интересы легионеров, нуждающихся в помощи вследствие их нетрудоспособности или по каким-либо другим причинам. Для того чтобы получить поддержку одной из этих организаций, ветеран должен подать заявление на специальном бланке Администрации по делам ветеранов по форме «Р-22».

В настоящее время существует несколько таких официально признанных организаций: Американский легион, Американский Красный крест и Комитет американских ветеранов. В какую же из них скорее всего обратится только что вернувшийся с фронта неопытный ветеран?

В течение ряда лет между Американским легионом и Администрацией по делам ветеранов установились чрезвычайно тесные отношения. Многие руководящие работники Администрации являются легионерами. Штаты районных и областных учреждений Администрации в основном состоят из легионеров. Штаты бюро жалоб также часто укомплектованы людьми, носящими значок Легиона. В результате такой тесной связи с Администрацией по

делам ветеранов эксперты Легиона по вопросам послевоенного устройства развернули поразительную активность по срочному удовлетворению претензий ветеранов.

Длительное сотрудничество между Легионом и Администрацией образует собой наихудший вид монополии. Даже организация Красного креста, несмотря на всю ее мощь, временами оказывается вытесненной Легионом. Я знаю ветерана, которому врач и «чиновник связи» из штаба Администрации по делам ветеранов открыто посоветовали взять прошение, составленное по форме «Р-22», из Красного креста и передать в Легион, если он хочет «получить свою пенсию».

Такого рода вещи творятся повсюду. Молодой ветеран, желающий получить пособие, направляет прошение в Американский легион. Руководители Легиона с большим успехом пользовались формой «Р-22» в течение двадцати девяти лет. Ветеран получает пособие; это всегда является его первой заботой. Однако лидеры Легиона также кое-что получают. Они получают не только еще одного плательщика взносов, но и человека, не решающегося противостоять накормившим его людям. Не имеет значения, что его пичкают отравой, не имеет значения и то, что за каждый пенс, который он получает в качестве пособия от Администрации по делам ветеранов, ему приходится переплачивать доллар вследствие поддерживаемых Легионом высокой квартирной платы и высоких цен на питание. Он не может оказаться столь проницательным, чтобы разобраться во всем, особенно когда вокруг так мало людей, которые могут помочь ему установить истину.

Однако было бы глупо отрицать, что многие легионеры оказывают солидную поддержку руководителям Легиона. Возможность получения материальной помощи является только одной из причин. Другой причиной является пропаганда, особенно теперь, когда значительная часть американской прессы разделяет «мнение» Легиона, что каждый, кто осмеливается критиковать систему «свободного предпринимательства», лишаящую людей права и возможности сводить концы с концами, является «красным». Более того, имеется много легионеров, которые сами входят в группу реакционных предпринимателей и вовсе

не нуждаются в пропаганде для того, чтобы благоговейно следовать высокой политике Легиона.

Одним из таких опорных постов Легиона является пост № 1049 в Нью-Йорке. Это давно основанный, зарекомендовавший себя пост, состоящий главным образом из предпринимателей мехообрабатывающей промышленности. После победы над Японией многие ветераны, работавшие в этой отрасли промышленности, стремились стать членами этого поста. Мне приходилось беседовать со многими из этих людей. Все они рассказывали одно и то же. Когда они со своими заявлениями обращались в подкомиссию поста, занимающуюся вопросами членства, им задавали следующие вопросы: *«Являетесь ли Вы членом профсоюза? Принимаете ли Вы активное участие в его деятельности? Если бы профсоюз занял одну позицию, а Американский легион—противоположную, как бы Вы поступили?»*

Последний вопрос был, конечно, предназначен для того, чтобы озадачить человека. Предполагается, что Легион не вмешивается ни в какую политику и занимает нейтральную позицию в рабочем вопросе. Между тем, интересы Легиона и рабочих сталкивались в прошлом и могут столкнуться в будущем во всех случаях, когда Легион отбрасывает свою аполитичность и нейтралитет.

Подкомиссия по вопросам членства поста № 1049, в частности, уже выбросила «отстаиваемую» Легионом политику нейтралитета в мусорный ящик (где, в действительности, она валяется уже в течение почти двадцати девяти лет).

Я располагаю письменными показаниями, данными под присягой одним из жителей города Нью-Йорка, по имени Морис Д'Ласнау, который заявил, что, когда он обратился к руководителям этого поста с просьбой принять его в члены Легиона, перед ним поставили следующие вопросы:

«Приняли ли бы Вы участие в забастовке, если бы профсоюз предложил Вам принять участие в ней?»

Выполнили ли бы Вы приказ Легиона, если бы он приказал Вам сломить эту забастовку?»

Если бы Легион через своих должностных лиц приказал Вам сломить забастовку в какой-либо дру-

гой отрасли промышленности, кроме мехообработывающей, последовали ли бы Вы этому приказу?»

Это звучит подобно вступительному экзамену в школу штрейкбрехеров. Во всяком случае, я располагаю материалами о том, что ни один из ветеранов второй мировой войны, являющийся членом профсоюза рабочих мехообработывающей промышленности, не был допущен в этот пост Легиона. В каждом отдельном случае податель заявления получал без указания причины следующий стереотипный отказ:

«Мы вынуждены поставить Вас в известность, что Ваше заявление о принятии в члены поста № 1049 Американского легиона не может быть удовлетворено.

При сем возвращаем Ваш вступительный взнос».

Конечно всякому известно, что профсоюз работников мехообработывающей промышленности возглавляется коммунистами. Ну, так что же? Я не имею представления о том, сколько из тех, кому было отказано в принятии в члены поста, имели в своих карманах билеты члена коммунистической партии; я знаю лишь то, что каждый из них имел в своем кармане удостоверение о демобилизации из армии, военно-морского флота или морской пехоты Соединенных Штатов. Он служил своей стране, подобно каждому другому солдату, и, как каждый солдат, имел право вступить в Легион.

Более того, вопросы, которые ставились перед желающими вступить в Легион, не имели ничего общего с коммунизмом или какой-либо другой политикой. Эти вопросы относились к профсоюзному движению. Если бы каждый пост ставил перед желающими присоединиться к Легиону ветеранами подобные вопросы, Легион возвратился бы к тому положению, в котором он находился в начале 20-х годов, когда в его составе не было ни одного члена профсоюза. Тогда даже самый консервативный и антикоммунистически настроенный профсоюз Американской федерации труда послал бы Легион ко всем чертям.

В настоящее время Легион едва ли осмелился бы применять политику поголовного отказа членам профсоюзов вступать в Легион, и я сомневаюсь, чтобы Легион

мог осуществлять эту политику легальным путем. Эта политика, несомненно, уничтожила бы Легион как организацию рядовых ветеранов. Однако поскольку лидеры Легиона не могут официально запретить прием в Легион организованных рабочих, то многие из них пытаются дезорганизовать этих рабочих, ослабить их волю и подчинить своему влиянию.

Для этого у верхушки Легиона имеется достаточно причин. Организованные рабочие представляют самую мощную группу сопротивления внутри Легиона. Несмотря на пропаганду, несмотря на материальную помощь, несмотря на явный и скрытый нажим, легионеры-рабочие часто препятствуют проведению политики Легиона, и не только в области рабочего движения. Легионеры-рабочие поддерживают всякое проявление прогрессивного законодательства, направленного на улучшение благосостояния ветеранов, против которого выступает верхушка Легиона. Легионеры-рабочие последовательно и со всей страстью работают над демократизацией Легиона, но — увы! — пока безуспешно.

История легионеров-рабочих является предметом, достойным изучения для того, чтобы получить представление о «демократии» Легиона.

В 1938 г. пост в Дауне и рабочий пост в Лос-Анжелесе, состоящие из членов профсоюзов, созвали конференцию легионеров-членов профсоюзов. Из этого первоначального собрания выросла Национальная конференция легионеров-членов профсоюзов. Эта организация неуклонно росла. Она является общенациональной организацией со штабом в Чикаго, в нее входят 147 постов Легиона, объединяющих около 130 тысяч легионеров.

В 1940 г. на национальном съезде Легиона Национальная конференция легионеров-членов профсоюзов предложила создать Комитет трудовых отношений, который должен был «служить связующим звеном между рабочими и Легионом для установления лучшего взаимопонимания между ними». Предполагалось, что комитет трудовых отношений будет иметь право рецензировать все официальные речи по рабочим вопросам, не отражающие интересов рабочих; короче говоря, Комитет должен был стать официальным органом, выражающим точку зрения рабочих членов Легиона. Вследствие ожесточен-

ной оппозиции со стороны верхушки Легиона это предложение было отклонено прежде, чем оно было поставлено на голосование.

Однако на следующий год эта идея получила такую большую поддержку со стороны постов, не входящих в Национальную конференцию, что это предложение было принято. Все же национальный командор Стамбо, придерживаясь обычной тактики лидеров Легиона—задерживать разрешение вопроса, когда его нельзя открыто отклонить,—решил истолковать эту резолюцию скорее как рекомендацию, чем как окончательное решение, и передал этот вопрос для «изучения» в Национальный исполнительный комитет.

В 1943 г., когда был созван съезд Легиона, Комитета трудовых отношений все еще не существовало. Национальная конференция легионеров-членов профсоюзов опять пыталась протолкнуть свое предложение через Внутренний организационный комитет, но на этот раз резолюция была буквально потеряна где-то между помещением, занимаемым комитетом, и президиумом съезда. Только лишь после съезда 1943 г., когда вновь был поставлен вопрос о создании Комитета трудовых отношений, лидерам Легиона, в конце концов, пришлось уступить этим требованиям, и в декабре 1943 г. была созвана первая сессия комитета.

Это была крупная победа Национальной конференции легионеров-членов профсоюзов. Первый раз в истории Легиона представители рабочих приняли участие в работе постоянного национального комитета. Национальная конференция расширяла свою деятельность. Она боролась против принципа сверхстаршинства, проводя разъяснительную работу среди членов Легиона. В 1947 г. ее борьба против составленной Национальным исполнительным комитетом резолюции № 41—нового варианта принципа сверхстаршинства—получила такую широкую поддержку, что Ларри Фенлон, председатель Национального комитета Легиона по найму рабочей силы, был вынужден публично выступить с защитой антирабочей деятельности Национального исполнительного комитета.

Борясь за демократизацию Легиона, Национальная конференция потребовала, чтобы кандидатуры ветеранов на занятие командных постов выдвигались открыто,

с трибуны национального съезда, а выборы их происходили путем прямого голосования в порядке референдума. Она потребовала открыть двери для негров, желающих вступить в Легион. Она выступала против всеобщего военного обучения (излюбленный план Легиона), а также против традиционного отрицательного отношения Легиона к иммиграции.

В начале 1948 г. исполнительный комитет Национальной конференции развернул широкую кампанию за отмену закона Тафта—Хартли и нанесение поражения тем членам конгресса, которые были ответственны за его принятие.

Однако пока Национальная конференция развивала активную деятельность в рамках Легиона, добиваясь демократическими методами целей, которые она считала демократическими, руководство Легиона также не теряло время попусту. Хотя легионеры-рабочие, входящие в Национальную конференцию, составляли менее одного процента от числа всех членов Легиона, они имели огромное влияние в Легионе.

В 1944 г. Национальный исполнительный комитет учредил специальный подкомитет, который должен был заниматься всеми организациями, созданными внутри Легиона без разрешения высших органов. Этот подкомитет возглавлялся бывшим национальным командором Гарри Колмери—тем самым Колмери, который в 1937 г. дал понять легионерам, что у них все будет в порядке, если они, громя забастовки, предусмотрительно не будут иметь на себе знаков отличия Легиона. Этот подкомитет сделал доклад на закрытом заседании исполнительного комитета, состоявшемся 14 декабря 1945 г. Согласно заявлениям лидеров Национальной конференции, которым удалось получить и обнародовать копию этого доклада, существо вопроса выражается в следующем предложении:

«В соответствии с уставом Американского легиона и его структурой Национальная конференция легионеров—членов профсоюзов не может иметь и не имеет какого-либо законного полномочия или права на существование в рамках Легиона».

Всего лишь год назад национальный командор Атертон, отклонив приглашение присутствовать на собрании

конференции, тем не менее писал этой организации: «До тех пор пока мы держим наше знамя, вы и все американцы обеспечены правом собраний. Желаю успеха в вашей работе». О том, насколько обоснован «законный» аргумент, выдвинутый против конференции, лучше всего можно судить в связи с тем фактом, что ни Национальный исполнительный комитет, ни какой-либо другой высший орган Легиона никогда не показывали ни малейшей заинтересованности в роспуске Федеральной ассоциации гражданской службы ветеранов, которая подобно Национальной конференции легионеров-членов профсоюзов является организацией постов в рамках Легиона. Все дело в том, что ветераны гражданской службы, которые входят в Федеральную ассоциацию, не проявляли склонности всей группой противостоять Легиону.

В тот момент, когда я пишу эти строки, Легион еще не предпринял каких-либо открытых действий, направленных к роспуску Национальной конференции легионеров-членов профсоюзов. Однако в этом внешне безмятежном Национальном штабе подготавливаются закулисные махинации, каждый день принимаются решения, которые имеют своей целью надеть смирительную рубашку на Национальную конференцию и помешать росту рабочего движения внутри Легиона.

Действие этих закулисных махинаций я наблюдал в течение двух месяцев, которые я провел, организуя новые посты Легиона на побережье Атлантического океана. У меня были специальные указания не создавать так называемые «классовые посты», которые учреждаются скорее по профессиональному принципу, чем по территориальному. За этими указаниями скрывалось молчаливое согласие с тем, что «классовые посты» на практике приемлемы лишь до тех пор, пока они не примыкают к какой-либо группе организованного рабочего класса.

Действительно, когда я работал над организацией «классовых постов» в Нью-Йорке на предприятиях «Лорд энд Тэйлор», «Нью-Йорк сан», «Нью-Йорк телефон компании» и других, в каждом отдельном случае просьба об организации поста исходила от предпринимателей, а не от рабочих организаций. И в каждом случае я получал полную поддержку со стороны моих «боссов» из Легиона,

С другой стороны, все попытки рабочих групп получить право на организацию поста регулярно отклонялись. В 1944 г. около пятидесяти членов местного профсоюза № 65 работников оптовых торговых и складских предприятий добивались разрешения образовать пост, который бы носил имя Пола Холленбека—члена профсоюза, убитого в Пирл Харбор. В этой просьбе им было отказано.

В 1945 г. Совету промышленных профсоюзов в Канзас-Сити было дважды отказано в праве на образование поста без указания какой-либо причины. В том же самом году Легион заявил Американской федерации труда в Буффало (штат Нью-Йорк), что легион не разрешит больше организовывать там новые посты.

В 1946 г. в праве на создание поста было отказано также Совету профсоюзов в г. Талса (штат Оклахома), входящему в АФТ. Причиной была, как объяснил оклахомский отдел исполнительного комитета Легиона, «резолюция, принятая Национальным исполнительным комитетом Американского легиона, в которой запрещалось образование каких-либо дополнительных постов Легиона, объединяющих рабочих и служащих».

Совсем недавно в праве на образование постоянного поста было отказано временному посту «Пасифик Рассел Дж. Бартон» в Сан-Франциско, объединявшему представителей четырнадцати профсоюзов Американской федерации труда, после того как входящие в него легионеры публично заявили о своем отрицательном отношении к резолюции Национального исполнительного комитета, поддерживающей принцип сверхстаршинства.

Такое понимание «демократии» не ограничивается для Легиона общенациональным или окружным масштабом. В 1946 г. на окружном съезде в штате Нью-Йорк группа «инакомыслящих» легионеров из Нью-Йорка выдвинула три следующих предложения, направленных на то, чтобы «сделать Легион либеральным и покончить с системой «делателей королей»:

1. Прямые выборы делегатов на съезд штата непосредственно от поста, а не от окружного съезда.

2. Предоставление любому посту по его просьбе списков окружных постов и их должностных лиц. (Эти списки засекречены якобы для того, чтобы помешать

газетам, помещающим объявления, использовать эти материалы в качестве справочника адресов. Засекреченность этих материалов чрезвычайно затрудняет обмен мнениями и информацией между отдельными подразделениями.)

3. Ликвидация в Легионе правила «затыкать рот» которое запрещает всем постам делать заявления, противоречащие «линии», проводимой хозяевами Легиона.

Незначительное меньшинство, руководящее окружным съездом, избавилось от этих трех предложений, направив их в самый последний момент в окружной комитет; прошло более года, а предложения все еще находятся в комитете.

Именно это правило «затыкать рот» и привело к ликвидации моего собственного поста «Дункан-Париж» и в конечном счете лишило меня работы в Легионе.

Я уже приводил данные об истории организации поста «Дункан-Париж».

Этот пост был создан зимой 1945/46 г. в Нью-Йорке бывшими корреспондентами журналов «Янк» и «Старс энд страйпс» вместе с влиятельной группой работников печати, театра, кино и радио. Мы все верили в Легион, как в самую крупную и самую эффективную организацию ветеранов; мы также непоколебимо были уверены в том, что руководители Легиона должны, в конце концов, выполнить волю легионеров. Мы надеялись, что лидеры Легиона смело встретят такие трудные проблемы, как обеспечение ветеранов жилищами, защита их прав, обеспечение им работы, а также проблему поддержания мира. Нами было твердо решено, при любых обстоятельствах, сделать все, от нас зависящее, чтобы самим принять участие в разрешении этих проблем.

Разрешение на образование нашего поста мы получили в марте. В этом же месяце мы развернули широкую кампанию, посвященную массовому жилищному строительству для ветеранов в Нью-Йорке. Мы назвали ее «жилищной кампанией». Нам потребовалось несколько недель подготовительной работы. Наш пост и 43 других, сотрудничавших с нами, широко рекламировались газетами и радио.

Для того чтобы показать всю остроту жилищной проблемы для ветеранов, один из наших парней смело

забрался в предоставленную ему универмагом Людвиг Бауманна витрину, где на виду у всех прохожих обосновался со своим домашним хозяйством. С этой же целью двое лишенных крова из нашего поста нашли себе приют на сцене одного из театров на Бродвее; они спали там каждую ночь после окончания представления.

Вся эта кампания имела целью поддержать законопроект Уайатта—Пэтмена о чрезвычайной программе жилищного строительства для ветеранов—тот самый законопроект, который хозяева Легиона с успехом провалили, хотя для отвода глаз настойчиво требовали его одобрения общественностью для проведения в конгрессе. Эта кампания достигла кульминационного пункта на массовом митинге в арсенале Нью-Йорка, состоявшемся примерно неделю спустя после того, как Национальный штаб опубликовал, а затем немедленно опроверг сообщение о том, что национальный командор Стелл совершает турне, выступая за поддержку законопроекта.

1 августа 1946 г. отделение Американского легиона в Нью-Йорке издало постановление о временном прекращении деятельности поста «Дункан-Париж». В постановлении не давалось никаких объяснений по поводу этого акта, не было также предъявлено никаких обвинений посту в неправильных действиях. Более того, хотя устав Легиона и предусматривает тридцатидневный срок для обжалования такого рода постановлений, пост «Дункан-Париж» не мог воспользоваться этим положением, потому что официальное уведомление было получено постом лишь 3 или 4 сентября, хотя на нем стояла дата 29 августа, то-есть более чем через месяц после принятия отделением данного решения и приостановки деятельности поста «Дункан-Париж». Заправилы нью-йоркского департамента Легиона подстроили все таким образом, чтобы условие об апелляции потеряло силу, даже раньше, чем мы узнали о прекращении деятельности нашего поста.

Я подчеркиваю, что департамент Легиона не предъявил нам никаких официальных обвинений. Однако неофициально в прессе, занимающейся травлей «красных», против нас была выставлена масса обвинений. В них говорилось, что пост «Дункан-Париж» был «коммунистической группой», а его программа обеспечения ветеранов

жилищами—«красным заговором», имеющим целью навязать американским ветеранам «коммунистические жилища».

Постановление нью-йоркского департамента Легиона о временном прекращении деятельности поста «Дункан-Париж» вынудило нас поставить этот вопрос перед национальным съездом Легиона в Сан-Франциско в 1946 г.

Каков же был результат?

Посту не предъявили никаких обвинений по этому делу, не вызвали ни одного свидетеля, ни у кого не снимали никаких показаний. Пост «Дункан-Париж» был просто включен в список постов, которые ежегодно автоматически ликвидировались Национальным исполнительным комитетом как нежизнеспособные. Это—обычная практика Легиона ликвидировать все те подразделения, которые вследствие инертности или по другим причинам становились бездеятельными.

Однако на этот раз заправилы Легиона действовали несколько опрометчиво. Наш пост не был бездеятельным; он являлся активной боевой единицей в Легионе с солидным капиталом и имел в своем составе прославленных ветеранов, готовых защищать интересы поста. Когда я сообщил по телефону о решении съезда, командор поста Харгров, Уолтер Бернштейн и Артур О'Коннелл поспешно выехали в Сан-Франциско. Мы сообщили этот факт газетам, которые быстро его подхватили и представили лидеров Легиона в таком неприглядном свете, что Национальный исполнительный комитет был вынужден пересмотреть свое решение.

Однако это не означало, что пост был восстановлен в своих правах. Все свелось к тому, что дело о временном прекращении деятельности поста вернули обратно в департамент, который возбудил этот вопрос. В момент написания этих строк вопрос о статуте поста все еще не был разрешен. Пост продолжает отстаивать свои права в судебных инстанциях.

Что касается меня самого, то Пол Гриффит накануне своего избрания на пост национального командора, которое состоялось в Сан-Франциско, приказал выбросить меня на улицу на том основании, что служащим Легиона запрещено выступать против проводимой им политики.

Вы можете себе представить, как я был удивлен, познакомившись с официальной версией Легиона о причинах моего увольнения. Это было изложено очень коротко в письме национального адъютанта от 11 октября 1946 г.:

«Джастин Грей, помощник директора Комиссии по вопросам американизма, подал заявление с просьбой срочно принять его отставку. Его планы на будущее нам неизвестны, но есть предположения, что он намерен посвятить себя творческой работе писателя».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛЕГИОН И НЕГРЫ-ВETERАНЫ

4 октября 1946 г. Ассошиэтед Негро Пресс опубликовала следующее сообщение из Сан-Франциско:

«Власти Сан-Франциско обратились к местной полиции с требованием арестовать в Лос-Анжелосе двух белых легионеров—Уолтера Шоу из Уобаша, штат Индиана, и А. Дж. Гарриса из Индианаполиса, обвиняемых в нападении на Эдгара Брауна—директора Национального совета негров-ветеранов».

Нападение на Брауна было совершено в то время, когда он и еще тридцать негров-ветеранов проходили перед зданием заседаний съезда Легиона с плакатами, требующими открыть двери Легиона для «миллиона негров-ветеранов, наравне с белыми принимавших участие в войне».

Никто из находившихся в зале заседаний не обратил никакого внимания на происходившую на улице драку. Никто не выразил никакого суждения по поводу того, что оба белых легионера, разыскиваемых полицией, были работниками штаба Легиона данного штата, а один из них—также членом городского штаба. Ни один из лидеров Легиона не поднял голоса в защиту прав негров-ветеранов. Ни один из лидеров не встал с места, чтобы внести, даже в самых общих словах, предложение о том, что хваленый «стопроцентный американизм Легиона» должен был бы хотя бы в размере одного процента включать право граждан спокойно заявлять властям свой протест, не боясь при этом насилия.

Я не был удивлен этим молчанием со стороны руководства Легиона. Как я мог удивляться? Легион, который хранил молчание по поводу событий в Сентрейлии, естественно, ничего не мог и не стал бы говорить о черном мистере Брауне. Нельзя было ожидать от Легиона,

который в течение четверти века хранил молчание по поводу «деятельности» Ку-клукс-клана, чтобы он сказал слово о судьбе одного негра.

Я хорошо осведомлен о причинах долгого молчания Легиона о Ку-клукс-клане. Я знаю это потому, что в июне 1946 г. я принимал участие в составлении одной из тех двух речей, которые в конце концов нарушили это молчание. Речь, которую я помогал писать, была произнесена 31 июня в городе Ноблесвилле (штат Индиана) Элмером Шервудом, директором Комиссии по вопросам американизма. Другая речь, подготовленная в значительной мере Джеком Сежнером из Отдела внешних сношений Легиона, была произнесена тремя днями раньше в восточном Сент-Луисе национальным командором Стеллом.

Обе речи были прямо направлены против Ку-клукс-клана. Они давали резко отрицательную оценку этой организации и содержали конкретные факты ее деятельности. Тому, кто в будущем станет помогать руководителям Легиона составлять речь, направленную против Ку-клукс-клана, будет легче это сделать, чем мне. Он сможет открыть папки и найти тексты вышеуказанных двух речей. Когда же я составлял речь для Шервуда, все, чем я располагал по вопросу о политике Легиона по отношению к Ку-клукс-клану, было следующее заявление, датированное 1923 г. и имеющее весьма отдаленное отношение к этому вопросу:

«Национальный исполнительный комитет считает любую группировку, осуждающую человека за его веру или убеждения, враждебной нашей нации».

Обратите внимание, что Национальный исполнительный комитет считает враждебной ту группировку, которая осуждает человека за его веру и убеждения, но не за *цвет кожи*. И, конечно, Ку-клукс-клан не упомянут.

Мне известны также истинные причины того, почему эти два главаря Легиона неожиданно решили нарушить двадцатипятилетнее молчание и открыто выступить против Ку-клукс-клана.

Двумя неделями раньше, примерно в конце мая или в начале июня, губернатор штата Джорджия Эллис Арналл объявил всеобщую войну против Клана своего штата. Он потребовал объявить Ку-клукс-клан вне

закона. Его действия широко освещались печатью всей страны. Передовицы всех газет страны выражали свое восхищение тем, что Арналл осмелился напасть на этих хищников в их собственном логове.

17 июня Легион получил неприятное сообщение. В этот день Дрю Пирсон в обширной статье обратил всеобщее внимание на состоявшееся двумя днями ранее собрание пятой окружной организации Легиона в штате Джорджия, на котором одним из легионеров была предложена осуждающая Ку-клукс-клан резолюция. «Но этому немедленно воспротивились легионеры, находящиеся под влиянием Ку-клукс-клана,—писал Пирсон,—и, верьте или нет, резолюция была отвергнута». Далее Пирсон указывал, что Уильям Дж. Мак-Рэй, командор округа, подтвердил отклонение этой резолюции, причем заявил: «В том-то и заключается сущность Легиона, что он не осуждает какую-либо другую организацию».

Примерно дня через три после появления статьи Пирсона Шервуд приказал мне начать работать над составлением речи, направленной против Ку-клукс-клана. Почти одновременно со мной начал работать над составлением аналогичной речи для Стелла Сежнер.

Были ли эти антиклановские речи предназначены для того, чтобы всерьез определить политику Легиона по отношению к Ку-клукс-клану?

28 июня, в тот самый день, когда Стелл выступал со своей речью по радио в восточном Сент-Луисе, адъютант Легиона в штате Джорджия написал в Национальный штаб письмо, копия которого была позднее показана мне моими друзьями-легионерами в Атланте. Автор письма решительно заявлял, что Легион штата Джорджия не имеет ни малейшего намерения предпринимать какие-либо действия против Ку-клукс-клана, так как политика Легиона направлена на сохранение строгого нейтралитета во всех вопросах, касающихся «политики, религии и забастовок в промышленности».

И действительно, Легиону штата Джорджия Национальный штаб никогда не делал никаких замечаний за сохранение нейтралитета как по отношению к «американизму», так и по отношению к «антиамериканизму». Такое благосклонное отношение к этому далеко не безу-

пречному подразделению является результатом компромиссного отношения Легиона к принципам американизма с самого момента их установления. Авторы устава Легиона умышленно предоставили каждому штату право устанавливать определенные требования при приеме ветеранов в члены Легиона. Этим правом немедленно воспользовались департаменты Легиона в штатах Джорджия и Южная Каролина, включив в свои законодательные акты правило, разрешающее вступать в Легион только белым. Руководители организаций Легиона в штатах Алабама и Миссисипи, даже не утруждая себя законодательным оформлением этого права, просто отказались рассматривать заявления негров-ветеранов. Исполнительный комитет штата Южная Каролина заявил, что Легион является «организацией белых». В штате Луизиана также исключили всякую возможность для негров вступить в Легион.

В штате Виргиния, несколько менее зараженном расовыми предрассудками, неграм разрешено вступать в Легион при соблюдении следующих условий: 1) негры не могут стать чиновниками масштаба штата; 2) исполнительный комитет может быть избран только легионерами-белыми; 3) делегаты на национальный съезд должны избираться «исключительно белым исполнительным комитетом на основе справедливости»; 4) поправки к этим правилам и к уставу организации Легиона в штате могут быть внесены только двумя третями голосов белых членов.

Руководители Легиона могли позволить себе игнорировать негров-ветеранов первой мировой войны. Негры были не организованы, не имели опытных ораторов, были лишены поддержки. Такие малочисленные и не пользующиеся влиянием организации негров-ветеранов, как Национальный совет негров-ветеранов и «Негры-ветераны мировой войны», не представляли какой-либо угрозы ни Легиону, ни принципу «превосходства белой расы».

Но после второй мировой войны положение изменилось: негры больше не были неорганизованной, бессловесной массой; они не были больше одиноки. Война научила их многому, она показала им, как живет другая половина мира. Такие боевые организации, как Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного насе-

ления, Национальная лига городов, стали выразителями их надежд и чаяний. Поддерживаемые белыми группы, такие, как Южная конференция по обеспечению благосостояния человечества, дали неграм возможность почувствовать, что они больше не одиноки.

Две новые организации ветеранов открыли свои двери для негров-ветеранов второй мировой войны: Комитет американских ветеранов и Организация объединенных негритянских и союзных ветеранов Америки. Обе эти организации имеют своих членов по всей стране и пользуются национальным престижем. Это энергичные, сильные организации, добивающиеся не только расового равенства, но также демократии в области политики и экономики. Как организация ветеранов они представляют собой гораздо больше, чем просто конкурентов Легиона, а также гораздо больше, чем угрозу антиамериканскому принципу «превосходства белой расы». Они бросили вызов самому принципу организации Легиона — «философии» Уолл-стрита, которой придерживаются многие основатели и лидеры Легиона: «философии», призывающей к установлению контроля над американскими ветеранами в пользу монополий.

Победа над Японией поставила лидеров Легиона в тупик. С одной стороны, они могли продолжать дискриминацию негров, обвиняя их в том, что они якобы не выполнили свой долг в борьбе с врагом. С другой стороны, теоретически говоря, допуск негров в Легион в качестве неравноправных членов давал бóльшую возможность контролировать их деятельность, чего нельзя было бы осуществить, если бы они оставались вне Легиона. Существовал и третий путь — путь свободы, путь настоящего равенства. Но этот путь был исключен для лидеров Легиона, так как ему противоречила вся сущность руководимой ими организации.

Вожди Легиона избрали второй путь.

Согласно статистическим данным на 28 февраля 1947 г., которые прислал мне Дон Гласкоф, Легион гордился тем, что 632 поста не принимали в члены негров. Многие из этих постов были недавно созданы на Юге. В штате Луизиана имелось 27 таких постов, во Флориде — 62, в Теннесси — 51, в Северной Каролине — 32, в Виргинии — 29, в Джорджии — 18 и Алабаме — 1.

Однако, несмотря на длительную практику травли негров, проводимую в низовых организациях Легиона, и полное безразличие к этому вышестоящих организаций, негры, несомненно, стремятся вступить в Легион. Почему?

То же самое побуждение—получать материальную помощь,—которое заставляет большинство белых ветеранов вступать в Легион, действует, и даже в еще большей мере, по отношению к неграм, ибо негры еще больше нуждаются в помощи. Они гораздо беднее, менее образованы, их положение на работе непрочно, а жилищные условия гораздо хуже. Для них посулы Легиона кажутся верхом благополучия.

Легион располагает большими потенциальными возможностями для выполнения некоторых из этих обещаний. Это в значительной степени объясняется почти монопольным влиянием Легиона на те государственные учреждения, которые контролируют использование фондов, предназначенных для ветеранов.

Тот факт, что ни одна организация негров-ветеранов еще не признана Администрацией по делам ветеранов, означает, что ни одна негритянская группа не имеет права требовать ни пенсий для ветеранов, ни каких-либо других благ.

Самой крупной и наиболее значительной из этих групп является Организация объединенных негритянских и союзных ветеранов Америки, созданная в апреле 1946 г. и имеющая своих членов в 31 штате и округе Колумбия. Она легально зарегистрирована в штатах Нью-Йорк, Иллинойс, Огайо, Оклахома, Южная Каролина, Алабама, Арканзас, Джорджия и Мичиган.

Организация объединенных негритянских и союзных ветеранов Америки состоит из бывших солдат, которые, подобно всем другим солдатам, сделали свой вклад в дело мира. Однако Администрация по делам ветеранов не признает этой организации. Борьбу против ее признания возглавляет занимающий ведущий пост легионер старого закала Э. Э. Одэм, глава юридического совета Администрации.

Негры могли бы обратиться в Комитет американских ветеранов, который принимает их на равных правах со всеми бывшими солдатами и который получил полное

признание Администрации по делам ветеранов. Действительно, многие негры, особенно в северных городах, вступили в Комитет американских ветеранов. Однако Вашингтон всячески препятствует развитию любой организации ветеранов, кроме Легиона. Джон Томас Тэйлор, лоббист Легиона, как-то хвастался тем влиянием, которое он якобы имеет на комиссию палаты представителей по делам ветеранов. Достоверно известно, что эта комиссия отказалась выслушать Комитет американских ветеранов по вопросу о законодательстве для ветеранов. Кроме того, как уже говорилось выше, в петлицах большинства служащих Администрации по делам ветеранов как центрального, так и периферийного аппарата, чаще всего можно увидеть значок Легиона. Ветерану-негру остается только обратиться в Легион.

Что же дает ему Легион?

Исаак Вудворд, негр из Южной Каролины, возвращаясь домой после демобилизации, был жестоко избит полицейским офицером, в результате чего он потерял зрение. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, организации ветеранов иностранных войн, ветеранов-католиков, ветеранов-евреев и Комитет американских ветеранов пытались объединенными усилиями выхлопотать пенсию для Вудворда. Что касается Легиона, то он ничего не сделал в этом отношении.

В штате Южная Каролина член Легиона—негр из Филадельфии Эдуард Уэй—был приговорен к пожизненному заключению за убийство белого. Почему же он был приговорен только к пожизненному заключению за убийство? Да потому, что даже судьи Южной Каролины не могли отрицать того факта, что Уэй совершил убийство из самозащиты. Но если это была самозащита, за что же тогда его осудили? Национальная организация ветеранов-баптистов делает все возможное, чтобы освободить этого легионера-негра. Однако Американский легион опять умывает руки.

Со времени победы над Японией было зарегистрировано, по крайней мере, сорок нападений белых на негров-ветеранов. Во время этих нападений неграм отрубали кисти рук, ослепляли, кастрировали их. Однако Американский легион не пошевелил даже пальцем в знак протеста.

Будучи организацией, разрешенной конгрессом Соединенных Штатов и аккредитованной Администрацией по делам ветеранов, Американский легион несет особую ответственность за служение интересам всех демобилизовавшихся ветеранов первой и второй мировых войн. Нужно предполагать, что законные интересы ветеранов предусматривают и защиту от линчевания.

Совершенно очевидно, что экономическое благополучие также входит в круг законных интересов ветеранов и поэтому непосредственно касается Американского легиона.

После победы над Японией Американский совет по вопросу расовых отношений провел обследование в 21 городе, чтобы выяснить, как осуществляется билль о правах американского солдата—собственное детище Легиона. Обследование показало, что «федеральное правительство не в состоянии осуществлять билль о правах американского солдата, особенно в отношении негров, японцев, мексиканцев и других ветеранов, находящихся в меньшинстве». Обследование показало, между прочим, что: 1) негры почти не имели возможности получать денежные ссуды; 2) установленные законом льготы в отношении получения солдатами образования неграм не предоставляются; 3) многие негры не могут даже обратиться за пособием по безработице, предусмотренным по закону.

В результате этого обследования 12 июля 1946 г. была созвана Национальная конференция действия по разрешению проблем ветеранов цветных меньшинств. Конференция имела своей целью рассмотреть, «в какой степени билль о правах помогал ветеранам цветных меньшинств». В этой конференции принимали участие организации ветеранов-католиков, ветеранов-евреев, Лига ветеранов Америки, Организация объединенных негритянских и союзных ветеранов. На ней не присутствовали только представители Американского легиона—преисполненного гордости автора этого закона.

Я хотел бы знать, объясняется ли несостоятельность Легиона в деле помощи неграм целиком его нежеланием заниматься этим вопросом. В прошлом, во время великих споров по вопросу о пособии, представители Национального исполнительного комитета от южных штатов—Арканзаса, Джорджии, Южной Каролины и Техаса—не

боялись говорить, почему они были против пособия. Маркис Джеймс, лойяльно настроенный историк Легиона, писал, что «представители Юга боялись оплачивать труд негритянских рабочих Юга наличными деньгами». Я сомневаюсь, что этот страх был только лишь временным заблуждением.

Иногда заправила Легиона трусливо подчиняются антинегритянским предрассудкам даже не ради «принципов антиамериканизма», а просто ради нескольких жалких пенсов для своих денежных мешков. Я сам был свидетелем этому.

В хваленой программе Легиона по состязаниям в бейзбол для молодежи участвует 800 тысяч американцев, получающих денежную поддержку от главной лиги бейзболистских клубов и автомобильной компании Форда. Однако за линией Мезона—Диксона¹ негры не могут участвовать в соревнованиях по бейзболу. И если финальные встречи происходят на Юге, то команда северян должна заменять своего игрока-негра на белого.

Как-то в Индианаполисе мне пришлось говорить с одним из видных легионеров, который руководит этой программой.

«Считаете ли вы, что запрещение играть в бейзбол неграм на Юге является хорошим проявлением американизма?—спросил я его.—Считаете ли вы, что это ведет к «установлению нормальных гражданских отношений и воспитанию сильного характера», как говорится в приложении к программе по бейзбольным соревнованиям молодежи?»

«Мы должны уважать предрассудки людей!—ответил он.—Если бы мы не проводили линию отделения цветных, мы не имели бы состязаний молодых бейзболистов на Юге».

«Хорошо,—ответил я,—но ведь вы могли проводить финальные встречи на Севере с тем, чтобы игроки-негры, с чьей помощью команды северян выиграли групповой чемпионат, также могли бы участвовать в финальной встрече».

¹ Линия Мезона—Диксона была установлена в 1787 г. при обсуждении конституции США. Она проходила в 16 милях южнее 40-й параллели и разграничивала штаты на востоке США на свободные и рабовладельческие. (*Прим. ред.*)

«Ну, нет, — с жаром возразил он, — мы не можем сделать этого. В этих южных городах имеется огромное количество желающих посмотреть игру. На Севере, где столько других развлечений, мы никогда не получили бы барыша от этих соревнований».

Я знаю, насколько сильны и глубоки расовые предрассудки. Я знаю, что, по крайней мере, в настоящее время политику Легиона поддерживают значительные группы американцев. Никто не ожидает, что Легион преобразит Америку в один миг. Но Легион обвиняют в том, что он даже *не пытается* что-либо сделать. Его обвиняют в том, что в низовых организациях он занимается тысячей вещей, которых ему не следовало бы делать, а в руководящих органах он не в состоянии провести в жизнь самого необходимого.

Национальный штаб использует избитый аргумент в защиту любых проявлений расовой вражды и травли негров в постах Легиона, утверждая, что национальная политика здесь ни при чем и что автономия постов священна. Так, например, когда пост в Пеории (штат Иллинойс) не разрешил негритянскому певцу Полю Робсону выступать с концертной программой для членов поста, национальный командор Гриффит заявил:

«Ни национальная организация, ни я сам как национальный командор не имеем какой-либо конституционной власти, чтобы начать расследование или наложить дисциплинарное взыскание на пост, ибо это является исключительным правом наших департаментских организаций».

Это заявление отвратительно по своему лицемерию. Для Национального штаба не представляло никаких затруднений добиться контакта с нью-йоркским департаментом Легиона для того, чтобы ликвидировать пост «Уиллард стрейт» в 30-х годах и пост «Дункан-Париж» в 1946 г. Для него не представило затруднений заставить департамент штата Мичиган оказать ему помощь в ликвидации поста «Томас Джефферсон» за то, что тот придерживался миролюбивых позиций. Национальный штаб, если он сочтет нужным, может приостановить деятельность целого департамента (как это он сделал в штате Нью-Мексико в начале 30-х годов). Во всяком случае, если национальный командор Стелл (каковы бы ни были

его мотивы) мог действовать через голову департамента Легиона в Джорджии, чтобы заклеить Ку-клукс-клан, то и национальный командор Гриффит мог действовать через голову иллинойского департамента, чтобы заклеить ку-клукс-кланизм, заставивший умолкнуть голос Поля Робсона в Пеории.

Попытки же хозяев Легиона увильнуть от ответственности за свои действия являются лишь проявлением лицемерия в добавление ко всем их прочим грехам.

Зимой 1946 г. мне пришлось читать лекцию об американизме в только что основанном колледже Американского легиона. Мои слушатели-ветераны были специально отобраны: они готовились стать будущими руководителями Легиона. И среди них, как раз напротив меня, сидел Фрэнк Кимбрелл, руководитель избирательной кампании в пользу покойного сенатора Бильбо — того самого Бильбо, который был главным врагом негров в США, того самого Бильбо, который был исключен из сената за свои статьи, обвиняющие негров в антиамериканизме, а также за грязные сделки с нажившимися на войне поставщиками военных материалов. Расовая ненависть Бильбо была достаточно отвратительной, когда она проявилась только в одном штате Миссисипи. Что же можно сказать о будущих лидерах Легиона, воспитанных в духе бильбоизма?

Меня не возмущал Кимбрелл, когда я узнал его. Меня не возмущали ни Бильбо, политические убеждения которого, несомненно, разделял Кимбрелл, ни реакционеры Юга, сделавшие популярным имя Бильбо. Меня возмущали люди, которые довели Легион до такого состояния, что у него появилось желание иметь своими руководителями последователей Бильбо, которые сделали Легион таким, каким его хотели видеть бильбоисты. Люди, которых я имею в виду, пришли в Легион не с главной улицы провинциального городка Джексона в штате Миссисипи, не с улицы Пичтри в Атланте или главной улицы Хаустона. Это — «проклятые янки» с Уолл-стрита в Нью-Йорке и Луп в Чикаго. Это — «проклятые янки» из промышленных районов Питтсбурга, Гари, Детройта. Они хозяйничают как в Легионе, так и на Юге США,

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАК ЛЕГИОН БОРЕТСЯ С «АНТИАМЕРИКАНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ»

«Вы думаете, что было бы трудно купить Американский легион, чтобы он проводил антиамериканскую деятельность?»

Генерал Смедли Д. Батлер.

Примерно в середине апреля 1947 г. во время моего пребывания в Нью-Йорке, где я находился в связи с организацией новых постов, Чак Вилсон позвонил мне из Индианаполиса и предложил занять пост помощника директора Комиссии Легиона по вопросам американизма и руководить расследованием антиамериканской деятельности. Он дал мне два дня на решение этого вопроса.

Я был польщен этим предложением, но не настолько, чтобы тотчас соблазниться им. Я был почти незнаком с программой работ Комиссии по вопросам американизма в том виде, как она осуществлялась Гомером Шайо, бывшим почтальоном из Лос-Анжелоса, который являлся руководителем этой комиссии с 1934 г. и почти до самой своей смерти, последовавшей в 1945 г.

Я узнал, что в 1937 г. — году наиболее активной деятельности нацистов в Соединенных Штатах — Шайо выпустил книгу о подрывной деятельности в США под названием «Измы». В этой книге он посвятил ровно три страницы фашизму, 15 страниц — нацизму и 265 страниц — атакам на «красных».

Кто же были «красные» в понимании Шайо?

Я знал, что в течение многих лет он причислял к «красным» Альберта Эйнштейна, историка Чарлза Бирда, члена Верховного суда США Феликса Франкфуртера и епископа Френсиса Мак-Коннелла, президента Федерального совета христианских церквей Америки. Я знал также, что Шайо был в товарищеских отношениях с теми людьми, которые клеймили профсоюзы и весь Новый курс, называя их «ведущими подрывную деятельность» и «антиамериканскими».

Обдумывая предложение Вилсона, я отдавал себе ясный отчет в том, насколько претит мне этот вид безответственного опорочивания людей и как бы несчастлив я был, если бы мне пришлось принимать в этом участие. Но зная, что Шайо умер, я надеялся, что и его политика сошла со сцены вместе с ним. И если получение этой новой работы означало мое приближение к Индианаполису — шаг, который, в частности, был сделан не по моей инициативе, — то этот же шаг мог помочь мне укрепить мою веру в возможность изменения политики Легиона в лучшую сторону, чему я, может быть, мог бы способствовать.

На следующий день я позвонил Вилсону и сказал, что я готов принять его предложение. Спустя несколько дней я был в Омахе (штат Небраска), ожидая своей очереди вместе с десятком других просителей у дверей отдела кадров.

Город Омаха был резиденцией Роберта Узбба — председателя Комиссии по вопросам американизма, одного из четырех легионеров, стоящих во главе комиссии, которые намеревались выбрать «счастливчика» из числа просителей. Другими членами комиссии были Элмер Шервуд, директор комиссии (который был бы моим начальником, если бы я получил работу), Дэн Соуэрс и Хэнк Дэдли, который как помощник национального адъютанта выполнял наиболее ответственные поручения Национального штаба Легиона.

В состоявшейся беседе я высказал комиссии свои соображения о характере предстоящей мне работы. Некоторые члены комиссии задавали мне вопросы. Я откровенно заявил им, что с моей точки зрения борьба с антиамериканскими группировками не может быть успешной, если она будет ограничиваться безответственным шельмованием людей, а не основываться на заслуживающих внимания фактах. Я высказал свое мнение, что Шайо стоял на ложных позициях, проводя исключительно негативную политику. Я указал на то, что считаю явно недостаточным просто «заклеймить» определенные группы людей, уличив их в антиамериканской деятельности. Я подчеркнул, что на мой взгляд Легион нуждается в позитивной политике — осуществлении принципов американизма через демократию — больше, чем в попытке вытравить антиамериканскую деятельность.

Казалось, собравшиеся соглашались со всем тем, что я говорил. Две недели спустя Шервуд сообщил мне, что предложенная мне должность закреплена за мной; 3 июня я вернулся в Индианаполис, чтобы начать новый этап моей карьеры в Легионе.

Когда я прибыл в Индианаполис, в городе было очень оживленно. Национальный исполнительный комитет и другие постоянные комитеты проводили свои полугодовые сессии. Я немедленно обратился в общий отдел Комиссии по вопросам американизма, помещавшийся на третьем этаже, рядом с той комнатой, где четыре месяца назад я впервые «приобщился к доктрине». Конни Драри, хорошенькая рыжеволосая секретарша, дала мне пропуск и сказала, что в настоящее время в отеле Энтлер уже проходит сессия Комиссии по вопросам американизма. Я поспешил туда.

Шервуд представил меня всем присутствующим. Я уже был знаком с Уэббом и Соуэрсом. Теперь меня познакомили с Полом Гриффитом, который намечался следующим национальным командором, Джеймсом О'Нейлом, экспертом Легиона по антииммиграционным вопросам, который, как уже в то время предполагалось, должен был стать преемником Гриффита на посту командора, и Арчи Клоссоном, экспертом Легиона по борьбе с подрывной деятельностью на Западном побережье.

Но самым интересным в этот день явилось знакомство с Ли Р. Пеннингтоном, вежливым и весьма изысканно одетым человеком. Он был представлен мне как «второй солдат страны». В действительности, он занимал должность главного следователя Федерального бюро расследований. Признаюсь, я был настолько наивен, что не мог себе представить, чем он занимался здесь, на этом строго закрытом заседании Комиссии Легиона по вопросам американизма до тех пор, пока он конфиденциально не рассказал мне о сотрудничестве между Легионом и Федеральным бюро расследований в течение прошлого года.

Я думаю, что правильно сделал, поговорив с ним.

В комнате было тепло, и я помню, как, вытирая пот со лба, Пеннингтон жаловался с легким оттенком иронии: «Поистине, мне следовало бы получать жалованье в Легионе: я так часто бываю здесь».

Уходя с совещания, я был полон новых и тревожных мыслей.

На следующий вечер я был вызван в номер отеля, где остановился национальный командор Стелл, на совещание по вопросу об установлении принципов политики, которая должна была определять и мою собственную деятельность на ближайшие месяцы. Там же я встретил Шервуда, Уэбба, Клоссона, Гриффита и некоторых других.

Я никогда, вероятно, не забуду этого совещания.

Стелл начал свое выступление словами: «Мы должны направить на Москву атомную ракету...»

Обычно я не придаю значения единичным заявлениям о войне, сделанным каким-либо болтуном, любящим пошутиться с приятелями. Но Стелл, предполагалось, представляет собой интересы двух с половиной миллионов молодых американцев, которые только что сами являлись пушечным мясом в этой величайшей в истории войне, и ему не следовало бы жонглировать словами ради своего удовольствия.

Стелл холодно поклонился мне. (Несколько недель спустя я прочел, больше с ужасом, чем с удивлением, сообщение о том, что Стелл «выпустил» еще одну атомную ракету по адресу Москвы, на этот раз уже публично.)

После своего выпада против Москвы Стелл обрушился на Организацию Объединенных наций. Из его слов можно было понять, что ООН в действительности создана «красными заговорщиками» для захвата мирового господства или для предотвращения захвата Америкой господства над миром—я не уверен, точно ли я его понял. Одно лишь было совершенно ясно из его слов: до тех пор пока он является главой Легиона, последний не будет поддерживать ООН.

После того как Стелл определил таким образом внешнюю политику Легиона, другие члены комиссии высказали свои соображения по вопросам внутренней политики. Я с изумлением слушал, как обвиняли в коммунизме руководителей «Эндикотт-Джонсон шу компани» за то, что они в целях увеличения продукции ввели у себя систему привлечения рабочих к участию в прибылях. Другие «дедатели политики» Легиона провозгласили

«коммунистом» профессора колледжа на Среднем Западе за то, что его видели «идушим по улице с негром».

Однако рекорд в этот вечер был поставлен Гриффитом, американским полковником в отставке, который подверг жесточайшей критике первое английское поселение в Америке—Джеймстаун-колони, существовавшее 330 лет назад, как «первую попытку установления коммунизма в Соединенных Штатах». Он требовал, чтобы все силы Легиона, имеющего огромные общественные связи, были немедленно направлены на то, чтобы обнародовать этот «исторический факт», показав, что «коммунизм в Джеймстауне окончательно потерпел крах, так как там мужчины съели всех женщин».

Ни разу в течение вечера никто и словом не обмолвился о нацизме, фашизме, расовых предрассудках или о чем-нибудь подобном. По классификации Легиона, все эти понятия, повидимому, не относятся к «подрывной» или «антиамериканской» деятельности.

Спустя несколько дней Индианаполис сообщил всем организациям штатов, что я назначен в штаб по борьбе с «подрывной деятельностью», целью которого является преследование «розовых, левых, коммунистов и им подобных»—всех тех, против кого направлена программа работ по борьбе с «подрывной деятельностью».

Я начал свою работу со знакомства с материалами Комиссии по вопросам американизма за предшествующие десять лет. Некоторые материалы находились в шкафах библиотеки, занимающей четырехэтажное здание, но значительная часть документов хранилась в секретных отделах комиссии. Все материалы можно было подразделить на четыре группы:

1. Папки по организационным вопросам, содержащие списки и печатные материалы о сотнях различных организаций—политических и религиозных. Политические организации были главным образом коммунистические, социалистические (разных оттенков) и пацифистские; попадались, но в чрезвычайно ограниченном количестве, материалы об организациях фашистского типа.

2. Папки с подшивками газет, журналов, листовками, текстами речей, выступлений по радио и т. п. Большая часть этих материалов выписывалась Легионом по фиктивным адресам на почтовые ящики.

3. Картотека, содержащая сведения обо всех людях, чью деятельность Легион рассматривал как «подрывную». В комиссии эта картотека была известна как «Регистратор подрывной деятельности».

4. Папки с материалами о правительственных организациях, с которыми комиссия поддерживала тесную связь: о Федеральном бюро расследований и Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности.

Даже беглый взгляд на эту картотеку убедил меня в том, что она представляет собой нечто совершенно безответственное и бессмысленное. В картотеку попадал всякий, если его речь цитировалась в «Дейли уоркер» или «Нэйшн», или «Нью рипаблик», или «ПМ», а также если он публично выступал по какому-либо вопросу с мнением, противоположным точке зрения Легиона. Так, например, в картотеку Шайо попало имя епископа Мак-Коннелла за его активное участие в Американской ассоциации по обеспечению престарелых. По мнению Шайо, эта организация является «чисто социалистической авантюрой».

Я не мог также найти ни одной реальной оценки деятельности или убеждений того или иного человека, к которому было привлечено внимание Легиона. Да этого и не могло быть, потому что Легион никогда и не беспокоился о том, чтобы дать ясное и неизменное определение слову «подрывной». Лидеры профсоюзного движения, домашние хозяйки, публично ратававшие за снижение цен, и ораторы, выступавшие перед аудиторией коммунистической партии, попадали в картотеку, повидимому, на одних и тех же политических основаниях.

Чем дольше я работал в штабе, тем более ясно понимал, что я все глубже запутываюсь в паутине отвратительного шпионажа и лицемерия. Передо мной вырисовывалась безотрадная картина, как группа шпионов и доносчиков пачкает грязью честных американцев.

Дело не ограничивается тем, что в течение многих лет некоторые легионеры, в соответствии с их собственными представлениями об антиамериканской деятельности, вооружившись ножницами и клеем, усердно изыскивают и подклеивают данные обо всем том, что вы говорите и делаете. Легион использует также свои собственные источники в области шпионажа для обвинения вас в «под-

рывной деятельности». Осведомителем может быть и легионер и не-легионер. Им может быть чиновник местного поста или мэр вашего города, или ваш ближайший сосед-штатский, с которым вы болтаете каждый вечер через забор вашего сада. Он регулярно сообщает в Индианаполис обо всем, что вы говорите, делаете или думаете. Этот шпион Легиона не является специально подготовленным наблюдателем, и его донесения не оплачиваются штабом. С другой стороны, Легион имеет и специально подготовленных наблюдателей из Федерального бюро расследований, руководимого Джеймсом Эдгаром Гувером.

Чем дольше я оставался в Индианаполисе, тем более удручающее впечатление производило на меня чрезвычайно тесное сотрудничество между этим бюро и Легионом в проведении в жизнь программы по борьбе с «подрывной деятельностью».

Некоторые данные об этом сотрудничестве широко известны, несмотря на то, что они редко попадают в печать. Пеннингтон, например, не всегда надевает форму легионера, когда направляется в Индианаполис. Каждый в Национальном штабе Легиона знает его как «офицера связи» Гувера с Легионом. И хотя он обычно поддерживает связь лишь с самыми высокопоставленными представителями Легиона, этот факт не подлежит сомнению. Месяц спустя после того, как я встретил его впервые, он посетил Индианаполис и имел беседу с учащимися колледжа Американского легиона, на которой присутствовал и я.

Более того, в годы войны Гувер сам полуофициально говорил о сотрудничестве Федерального бюро расследований с Легионом. В одной из своих речей, размноженной и распространенной среди легионеров, он заявил:

«Многие годы Легион в тесном сотрудничестве с ФБР боролся за обеспечение спокойствия в стране.

С наступлением войны деловые отношения между ними стали еще теснее, а результаты еще благоприятнее».

В настоящий момент, когда война окончена, Легион попрежнему осуществляет «тесное содружество» с Федеральным бюро расследований для «обеспечения спокойствия в стране».

Я лично был свидетелем этого сотрудничества. Я наблюдал, как время от времени от постов и департаментов

поступали запросы относительно деятельности «подозреваемых» личностей или организаций. Комиссия по вопросам американизма вручала их Пеннингтону, в Федеральное бюро расследований в Вашингтоне. Пеннингтон, как правило, удовлетворял запросы Легиона, и материал, представленный им, отвечал предъявляемым к нему требованиям.

Само собой разумеется, что секретные материалы Легиона были, в свою очередь, открыты для ФБР в любое время.

Этот обмен информацией держался в строжайшей тайне. Ни Федеральное бюро расследований, ни Комиссия по вопросам американизма никогда не открывали источников своей информации. Легионеру, получившему материал из Индианаполиса, не сообщали, что этот материал или часть его получены из считающихся совершенно секретными архивов ФБР. Он не знал или, как предполагалось, не должен был знать, что его Легион действует как ставленник федеральной полиции.

Расхождения во взглядах между этими двумя организациями, как и следовало ожидать, были чрезвычайно редки. Впрочем, у меня были сведения об одном таком расхождении.

Оно произошло в связи с оценкой деятельности Гамилтона Фиша, ранее являвшегося членом конгресса от Нью-Йорка. Он был одним из первых основателей Легиона, автором введения к уставу Легиона и одним из влиятельных его лидеров в течение ряда лет.

По вопросу о войне Фиш, однако, расходился во взглядах с тогдашними руководителями Легиона. С момента прихода Гитлера к власти в 1933 г. громкий хриплый голос Фиша, пропагандирующего нацистскую политику, был слышен повсюду. Тогда же Фиш написал предисловие к американскому изданию книги, пропагандирующей нацистские идеи: «Коммунизм в Германии». Эта книга доказывала, что только нацизм может успешно бороться с коммунизмом в Германии.

В 1938 г. он выступал на массовом митинге, посвященном Германии, в Медисон-сквер-гардене, где была выставлена свастика и присутствующие пели «Хорст Вессель» — боевой гимн гитлеровских гангстеров.

В 1939 г. Фиш поехал в Германию и встретился там с нацистскими лидерами. Официоз нацистской партии

«Фелькишер беобахтер» и орган агентства нацистской пропаганды «Уорлд сервис» аплодировали ему за его «работу» против Нового курса и Франклина Рузвельта и в защиту политики нейтралитета по отношению к Германии. Вернувшись в США, он оказался героем любителей нацизма всех видов, «рептильной прессы», поддерживаемой людьми, подобными Уильяму Дэдди Пелли, Джералду Винроду и Чарлзу Хадсону.

В 1941 г. разыгрался скандал. Было обнаружено, что секретарь Фиша Джордж Хилл получал вознаграждение от нацистского агента Джорджа Сильвестра Фирека за перепечатку речей изоляционистского характера из «Отчетов конгресса» и бесплатное распространение их за подписью Фиша среди различных изоляционистских групп.

Фиш отрицал свою осведомленность об этом факте. Хилл был посажен в тюрьму. То же в конечном счете произошло и с Фиреком. Группа американцев была передана суду «за подстрекательство к бунту». Фиш же продолжал свободно произносить речи изоляционистского характера. Вопрос в целом был поставлен на обсуждение съезда Легиона в 1943 г. Разгневанные легионеры, которые могли распознать антиамериканскую деятельность, когда столкнулись с ней, требовали включения в резолюцию пункта, осуждающего Фиша за «злоупотребления привилегиями франкирования» путем разрешения использовать свою подпись члена конгресса для распространения враждебной США пропаганды.

Верховное командование Легиона, возглавлявшееся в то время Эллиодором Либонати из Чикаго, пользующимся влиянием в Комиссии по вопросам американизма, выступило против резолюции. Либонати мотивировал свои возражения тем, что эта резолюция «порочит хорошего легионера», и просил уничтожить все материалы относительно Фиша. Но делегаты съезда не согласились с ним. С мест послышались крики: «Утвердить резолюцию!», «Называйте вещи своими именами!» Поднявшиеся со своих мест делегаты потребовали поставить резолюцию на голосование и победили. Организация, в создании которой Фиш принимал участие, осудила его.

Резолюция, направленная против Фиша, была принята в последних числах сентября 1943 г. В ноябре Фиш обра-

тился с энергичным протестом против действий съезда в Национальный исполнительный комитет. Последний нашел, что делегаты съезда несколько поторопились, обвинив члена конгресса, и решил глубже изучить этот вопрос в целом. 7 декабря, в годовщину нападения на Пирл Харбор, Фиш, пытаясь обелить себя в глазах коллег по конгрессу и перед общественным мнением, поместил в «Отчетах конгресса» свою речь, произнесенную перед Национальным исполнительным комитетом.

Исход дела я узнал через месяц после того, как прекратил свою работу в Легионе и оставил Индианаполис.

Почти тотчас же после речи Фиша в конгрессе наш старый приятель из ФБР Пеннингтон написал Шайо письмо, любезное по тону, но весьма твердо выражающее уверенность в том, что Легион найдет что-либо более полезное в качестве объекта для своей работы, чем обвинение члена конгресса от Нью-Йорка. В результате дело кончилось тем, что Национальный исполнительный комитет Легиона официально пересмотрел решение съезда и полностью реабилитировал Гамильтона Фиша.

Что касается возникновения Легиона, его политики в области трудового права и финансов, то я должен сказать, что за время своей работы в Легионе я не изучал в целом всей истории программы Комиссии по вопросам американизма. Однако я не мог не замечать горькой правды во время моей повседневной работы: в той корреспонденции, которая проходила через мои руки, в том, как реагировали сотрудники и вышестоящие лица на различные проблемы, возникающие перед ними. Некоторые из писем, получаемых мной, буквально заставляли мои волосы вставать дыбом. Конечно, в нашей стране много болтунов, а они любят писать. Но мне казалось странным, почему Легион должен получать такое множество писем этого сорта и почему практически все эти письма должны быть пронизаны одним и тем же духом выискивания везде «красной опасности». Если эти письма не были направлены на травлю «красных», то они были антисемитского или антинегритянского характера, или и то и другое вместе взятое.

Я помню одного корреспондента, который настаивал на том, что Ку-клукс-клан никогда не приносил столько

вреда Америке, как Верховный суд США или Национальное бюро трудового арбитража. Я помню истерически настроенную женщину, утверждавшую, что США нуждаются в создании особых «групп бдительности», которые будут поддерживать «американизм белой христианской конституции».

Подобные письма были своего рода хламом, — причем хламом наиболее опасного рода, — который мы получали тоннами.

Вскоре я выяснил, почему к нам поступали такие письма. Лидеры Легиона делали все, что от них зависело, чтобы лично отвечать на каждое письмо, благодаря корреспондента за его или ее «предложение», поощряя корреспондентов писать еще. Часто «гении» из Национального штаба принимали всерьез наиболее фантастические предложения, указывая своим подчиненным на необходимость детально разобраться в них.

Однажды, например, Шервуд передал мне копию переписки, которую он вел с одним болтливым бездельником, настаивавшим на том, что «Организация Объединенных наций по вопросам просвещения, науки и культуры» является опасной и хитроумной организацией. Этот корреспондент, цитируя полную сочувствия к этой организации речь Честера Э. Морроу, республиканца от Нью-Хемпшира, особо отметил следующую фразу:

«Я хочу только указать на мой перелет из Великобритании в США, который занял очень короткий период времени, приблизительно в 20 часов, чтобы подчеркнуть, что обе эти страны являются одним миром».

Далее следовали комментарии автора корреспонденции: «Если этот перелет занимает такой короткий период времени, а доставка телеграмм может быть осуществлена почти мгновенно, почему Рузвельт не послал сигнала тревоги на Гавайские острова?»

Для чего, как вы думаете, мой начальник показал мне эту корреспонденцию? Чтобы посмеяться над ней? О, нет! Он ожидал, что я восприму это письмо всерьез. Он передал мне это нелепое письмо с той целью, чтобы я занялся исследованием вопроса о «потенциальных возможностях подрывной деятельности «Организации Объединенных наций по вопросам просвещения, науки и культуры»!

Аналогичным образом «рептильная пресса» наводняла страну человеконенавистническими изданиями, полными бредовых измышлений о евреях, неграх, русских, Новом курсе и всем, что хотите. Эти издания составлялись полу грамотными психопатами, а мои коллеги из Национального штаба жадно изучали их.

Многие издатели этих газет обвинялись в «подстрекательстве к бунту в период войны», и хотя эти обвинения были в конечном счете сняты, имелись достаточные основания считать, что деятельность этих людей несовместима с понятием о честных американцах. Но легионеры из Комиссии по вопросам американизма принимали всерьез такие, с позволения сказать, писания. Руководители Легиона считали, что эти изделия Элизабет Диллинг, Джералда Смита и других должны быть включены в досье, концентрирующие материалы о подрывной деятельности.

В течение тех месяцев, когда я был в Индианаполисе, я не могу привести ни одного случая, чтобы верховное командование Легиона отнеслось неодобрительно к материалам антисемитского характера или материалам, призывающим к травле негров. Напротив, гнусные, полные ненависти страницы читались, как «образцы истинного американизма».

Я помню случай, когда Хэнк Дэдли, помощник национального адъютанта, весьма заинтересовался статьей Мервина Харта в одной из такого сорта газет и попросил меня получить несколько копий этой статьи. Харт является явным—и отдающим себе полный отчет в этом—врагом демократии. Судья Верховного суда Роберт Джексон, выступая в 1940 г. перед Юридическим обществом штата Массачусетс, характеризовал его как «человека, хорошо известного своими профашистскими взглядами».

Я понимаю теперь, что с моей стороны было довольно наивно не понимать сочувственного отношения Дэдли к открытым врагам демократии. Меня может извинить только то обстоятельство, что в то время я не знал о чрезвычайно тесных отношениях, которые существовали между некоторыми лидерами Легиона и различными фашистами, профашистами, предателями рабочего класса и ненавистниками демократии. Я узнал об этом после того, как ушел из Легиона и начал свою кропотливую

работу по изучению его деятельности, результатом чего явилась эта книга.

Ни для кого не было тайной, но факт этот попросту забыт, что в 1931 г. национальный командор Ралф О'Нейл передал через посла фашистской Италии в Вашингтоне Джакомо де Мартино приветствие Национального исполнительного комитета Легиона «его светлости Бенито Муссолини». Спустя два года национальный вице-командор Уильям Эдуард Истмэн младший посетил Италию и в припадке восторга даровал «дуче» звание почетного члена Легиона. Этот поступок вызвал такое волнение в США, что верховное командование Легиона сочло необходимым признать этот акт «неконституционным».

Через год после пребывания Истмэна в Италии личный представитель Муссолини Николо Сансанелли, будучи почетным оратором на съезде Легиона, отрекомендовался съезду как «посланец покрытого ранами солдата Великой войны, главы итальянского правительства—этого великого человека, который кажется возродившимся на нашей земле как древний герой и гений наших дней, полных испытаний».

Муссолини заявил однажды, что его фашизм не является продуктом экспорта. Между тем, по крайней мере дважды в течение тридцатых годов, видные легионеры обвинялись в попытках участия в заговорах, направленных к установлению в США фашистского режима по типу Италии.

В 1934 г. Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности под руководством Маккормака—Дикштейна получила сенсационные материалы о том, что виднейшие руководители Легиона участвуют в заговоре, имеющем целью произвести фашистский переворот в США.

В план заговора входило создание полумиллионной армии из легионеров во главе с генералом Смэдли Батлером, командовавшим военно-морской пехотой США. Однако заговорщики неудачно выбрали себе вождя. Генерал Батлер обратился к комиссии конгресса и сообщил о существовании этого плана, с которым его ознакомил Джералд Макгайр—биржевой маклер и легионер из штата Коннектикут, связанный с финансированием Легиона в период его создания. Генерал Батлер сообщил,

что Макгайру помогал Уильям Дойл—видная фигура в Легионе, облеченная неписанным правом назначения национального командора. Батлер привел, по крайней мере, два своих разговора с этими людьми по вопросу о заговоре. Бравый генерал представил комиссии участника одного из этих разговоров—Пола Камли Френча. Френч дал следующие показания:

«Он [Макгайр] предъявил нам письмо, полученное, по его словам, от Луи Джонсона из штата Западная Виргиния, бывшего национального командора Американского легиона. По сообщению Макгайра, Джонсон писал, что он придет «для обсуждения того, о чем мы беседовали». Во время разговора Макгайр упомянул, что в плане заинтересован Генри Стивенс из штата Северная Каролина—также бывший национальный командор Легиона [Генри Л. Стивенс младший был командором Легиона в 1931/32 г.]».

Все это производит впечатление какой-то фантастики, особенно потому, что имеются доказательства готовности Уолл-стрита предоставить необходимые средства для фашистского государственного переворота. Даже осторожные в выражениях члены комиссии Макормака—Дикштейна¹, хотя они и опустили некоторые свидетельства, доказывающие поддержку заговора Уолл-стритом и другими финансовыми воротилами, были вынуждены безоговорочно признать в своем отчете:

«Были представлены свидетельские показания, указывающие на то, что некоторые лица сделали попытку создать фашистскую организацию в нашей стране. Не подлежит сомнению, что подобные планы обсуждались, разрабатывались и могли бы быть приведены в действие в том случае, если финансирующие их лица считали бы это целесообразным».

¹ Прогрессивный американский журналист Дж. Сельдес пишет в своей книге «1000 американцев»: «Эта Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, как и ее преемницы (комиссии Дайса, Вуда—Ренкина и Томаса—Ренкина), сама по существу была антиамериканской, поскольку она отказалась предпринять какие бы то ни было меры против роста фашизма в США и фактически предоставила фашистам возможность использовать трибуну комиссии для распространения фашистских идей» (Прим. ред.)

Генерал Батлер, как истинный солдат и честный американец, внес свою лепту в разоблачение этого плана, но профашисты в Америке не были обескуражены: В 1938 г. вновь была сделана попытка фашистского переворота.

На этот раз осуществление «фантастического плана установления фашистского режима в США», как «Нью-Йорк таймс» назвала новый заговор, было поручено отставному генерал-майору Джорджу Ван Хорн Мосли. В декабре 1938 г. Джордж Дэсирейдж, один из основателей «рептильной прессы» в США, пытавшийся объединить различные группы в одну партию, которую он сам именовал «фашистской», писал своему другу:

«Сразу же после Нового года предполагается созвать небольшую конференцию человек из двадцати пяти. На ней будут присутствовать не лидеры организации, а лидеры главных групп, существующих в стране: патер Кофлин, Уинрод, Лодж, Каррен, Гомер Шайо из Легиона, а также другие лидеры ветеранов... те люди, которые возглавляют большие группы, стоящие по нашу сторону фронта».

Это письмо было обнаружено следователями из Комиссии палаты представителей и обнародовано ими в мае 1939 г. Я не знаю, присутствовал ли Шайо на этой конференции, но характерно то, что фашистский заговорщик Джордж Дэсирейдж считал себя и руководителя Комиссии Легиона по вопросам американизма стоящими «по одну сторону фронта».

Я узнал о том, что Шайо вскоре после этой конференции ангажировал Мосли на серию лекций для постов Легиона. Эти лекции не состоялись только потому, что будущий американский «фюрер» был с позором изгнан с кафедры в Филадельфии при первой попытке начать лекцию.

Чем больше я изучал закулисную сторону работы Комиссии по вопросам американизма, тем более находил ее противоречащей «принципам американизма».

Шайо активно сотрудничал с наиболее зловещими фигурами на политической арене США; эти люди строили свою политику, играя на расовых предрассудках, использовали любое демагогическое оружие для претворения в жизнь своей собственной точки зрения на «американизм».

Джозеф П. Кэмп, например, одно время сотрудничал с организацией «Христианские фронтовики». В дни, предшествовавшие самому началу войны, его произведения были одобрены Уорлд Сервис—агентством нацистской пропаганды. В 1939 г. рядом с именами Харта и Джона Келли, который впоследствии привлекался к ответственности как агент Франко, упоминалось и имя Кэмп как организатора профашистского митинга. Конституционная лига по вопросам образования, председателем которой являлся Келли, дважды упоминалась министерством юстиции как канал, через который, предполагалось, поступали крамольные материалы. Когда эти обвинения были отклонены районным судом, правительство подало апелляцию.

Кэмп был плодовитым памфлетистом, и все его выпады против «красных» и рабочих широко использовались единомышленниками Шайо. Тесное сотрудничество, которое существовало между этими двумя людьми, выявилось и произвело сенсацию зимой 1946 г., когда легионер из штата Калифорния Фрэнк С. Рубенс опубликовал серию писем, которые писал Шайо Кэмп на протяжении пяти лет. В этих письмах директор Комиссии Легиона по вопросам американизма заказывал непосредственно Кэмпю тысячи экземпляров его памфлетов.

Так, например, в мае 1937 г. Шайо запросил у Кэмпя две тысячи экземпляров его памфлета «Вступая в КПП, ты помогаешь строить Советскую Америку» для распространения «между виднейшими легионерами во всех штатах». В июле 1938 г. он заказал Кэмпю тысячу экземпляров другого памфлета—«Передовые линии». Два года спустя он выписал от имени адъютанта Легиона в штате Калифорния 1200 экземпляров памфлета «Пятая колонна против комиссии Дайса» и в мае 1941 г. дополнительно заказал десять тысяч экземпляров памфлета «Пятая колонна препятствует обороне».

Даже после нападения на Пирл Харбор, когда США вступили в мировую войну, Шайо все еще продолжал распространять писания человека, которому всего несколько лет назад аплодировали нацисты. 20 февраля 1942 г. Шайо писал Кэмпю:

«С большим интересом я прочел Вашу последнюю брошюру... Название «Как выиграть войну»

нравится мне гораздо больше всех других. Если Вы воспользуетесь этим названием, Ваши враги не смогут так яростно нападать на Вас.

Если Вам удастся получить неограниченное количество экземпляров, я, конечно, смогу распространить 15 тысяч.

Продолжайте в том же духе!»

Я обнаружил, что другими лицами, с которыми Шайо поддерживал дружеские отношения, являлись Джералд Уинрод, который однажды восторженно сравнивал Гитлера с Мартином Лютером; Элизабет Диллинг — леди, о чьем литературном стиле можно судить по присущей ей манере панибратски обращаться с прославленными военными деятелями, и Джон Б. Тривор, создатель Американской коалиции патриотических обществ—избранной коллегии «антиамериканских патриотов», являющихся расистами и преследователями рабочего движения.

От деятельности Шайо нельзя отмахнуться, как от проявления эксцентричности единичного легионера, которому посчастливилось занять высокий пост. Он работал под строжайшим контролем национальных командоров и в тесном сотрудничестве с национальными штабами. В течение более чем десяти лет этот человек позорил Легион своими связями с антисемитами, негрофобами, ярыми националистами всех оттенков. Он мог поступать так в течение столь длительного времени только потому, что его деятельность находилась в полном соответствии с руководящей политикой Легиона.

Более того, люди, работавшие бок о бок с Шайо, продолжают оставаться на своих постах в Легионе и по сей день. *Многие из них все еще находятся под воздействием политики Шайо.* Во время моего пребывания в Индианаполисе я никогда не слышал, чтобы Шервуд, который был преемником Шайо и моим непосредственным начальником, критиковал политику Шайо.

Как проявление ее, характерен, например, случай с Гарри Джангом и его Американской федерацией осведомительной службы. История Джанга кратко изложена в книге Д. С. Стронга «Организованный антисемитизм в Америке», изданной Американским советом по общественным делам.

Очень часто антисемитизм следует рядом с антирабочим движением. Федерация Джанга в дни своего создания была организацией шпионского и штрейкбрехерского характера; она провоцировала забастовки, а затем получала деньги за их подавление. Джанг вел свою собственную «картотеку подрывной деятельности», причем, по свидетельству Стронга, «главным источником дохода федерации были высокие вознаграждения, уплачиваемые промышленниками и другими лицами за сведения, получаемые от федерации».

В начале тридцатых годов Джанг и его федерация принимали участие в выпуске полковником Маккормиком «Чикаго трибюн» — влиятельной ежедневной газеты, питаемой «рептильной прессой» чаще, чем какое-либо другое издание в стране.

Как пишет Стронг, Джанг все еще занимает служебное помещение на 22-м этаже здания газеты, как раз под апартаментами Маккормика. На двери его кабинета стоит только номер 2212 и сокращенное наименование его учреждения.

В течение длительного времени Джанг распространял такой полностью дискредитировавший себя материал, как, например, грубо сфабрикованные «Протоколы сионских мудрецов» и т. п. Он помогал распространению книги Элизабет Диллинг «Красная паутина», сотрудничал с другим ярым расистом Э. Н. Сэнкчуари в написании и распространении злобной брошюры, направленной против Рузвельта, и, наконец, он организовал продажу брошюры Кэмп «Вступая в КПП, ты помогаешь строить Советскую Америку».

Джанг, который пользуется поддержкой могущественных финансовых воротил, занимает руководящее положение в сети антиамериканских организаций США. В течение долгих лет он поддерживал тесные и дружественные отношения с важнейшими чиновниками Легиона и сотрудничал с ними, выполняя работу, одинаково интересующую обе стороны. Он звал по имени большинство лидеров Легиона, включая Шайо и Шервуда.

Примером исключительно тесных связей Джанга с Легионом может служить, например, тот факт, что список адъютантов департаментов, который был доступен лишь высшим кругам Легиона масштаба штатов и страны

в целом, предоставлялся также и ему. Кроме того, проводя в жизнь свою политику травли рабочих, он свободно обращался к руководящим лицам Легиона, и в частности в Комиссию по вопросам американизма, за информацией, в которой нуждался.

В свою очередь, его собственная картотека была открыта для «экспертов» Легиона по расследованию антиамериканской деятельности. Например, используя Шервуда в качестве посредника, Джанг в 1946 г. сумел получить материал из частной картотеки Мартина Коффи, бывшего вице-командора.

Это открытое сотрудничество Легиона с Джангом должно вызывать возмущение со стороны каждого члена профсоюза, каждого честного американца в Легионе. Тем не менее, это сотрудничество стало неизбежным следствием генеральной линии политики Легиона в том виде, как она проводилась в жизнь в течение ряда лет.

Война против организованного труда есть война против простого человека: рано или поздно каждый демагогический выпад, каждый прием раздувания ненависти, низменных страстей, предрассудков становится оружием в этой войне. Заставьте человека бороться против рабочих—и рано или поздно он окажется в одной компании с молодчиком, который торгует в розницу антисемитскими фальшивками—«Протоколами сионских мудрецов».

Таким образом, не случайно, что видные руководители Легиона оказались вовлеченными в организацию «Американское действие», которая является еще одной попыткой ультрареакционных, антирабочих сил в Америке создать массовую политическую организацию.

В этом моем открытии содержалась удивительная ирония. Одной из первых задач, которые я поставил перед собой, когда начал работать в Комиссии по вопросам американизма в Индианаполисе, была задача проследить историю организации «Американское действие», как материал, который может быть использован для моей картотеки по изучению «подрывной деятельности». Конечно, я не ожидал, что буду гоняться за своим собственным хвостом.

Легион не имеет «официальной» связи с организацией «Американское действие». Сотрудничество между этими двумя организациями не могло осуществляться легаль-

ным путем. Статья вторая раздела 2 устава Легиона гласит:

«Американский легион не должен ни в какой мере быть политической организацией; Легион не должен быть использован для распространения партийных принципов, а также для продвижения чьей-либо кандидатуры, ищущей общественного поприща или назначения».

Это положение, конечно, не лишило лидеров Легиона возможности принимать участие в политике и не помешало тому, что политика Легиона строилась в духе сотрудничества с монополиями. Но это положение устава предотвратило попытки верховного командования Легиона открыто связывать политику Легиона с какой-либо политической организацией.

Когда ветераны войны, занимавшие в прошлом высокие посты в армии, пытались использовать Легион как политическое оружие, они делали это путем создания «независимых» организаций. Таким путем бывший национальный командор Хэнфорд Макнайдер учредил в 1924 г. Лигу службы республике. Уоррен Атертон через несколько дней после того, как сложил с себя полномочия национального командора (1943/44 г.), учредил Республиканскую лигу работников предприятий общественного назначения, для того чтобы поддержать кандидатуры Дьюи и Брикера на президентских выборах 1944 г.

«Американское действие» возникло летом 1945 г. в Чикаго в результате слияния старой «Лиги свободы», организации «Америка прежде всего» и Националистической партии бывшего сенатора Роберта Дж. Рейнолдса. Во главе новой организации стал Эдуард А. Хэйс, командор Легиона в 1933/34 г.; его ближайший сотрудник — Реймонд Дж. Келли, командор Легиона в 1939/40 г.

Изучение деятельности Хэйса убедило меня в том, что выбор его в качестве главы этой организации был вполне обоснован. Этот джентльмен был однажды членом Национального консультативного совета Пола Риверса — одной из многочисленных провокаторских и расистских фашистских организаций, которых было так много в Америке перед войной. Среди активных лидеров этого совета были Элизабет Диллинг, полковник Сэнкчуари, обвиняемый в злополучном деле по организации государ-

ственного переворота, и доктор Арно Габелин, автор антисемитской книги.

Главной фигурой «Американского действия» был и до сих пор остается Мервин К. Харт—человек, который охотно сообщает всем о своей ненависти к демократии. В качестве пропагандиста этой организации выступал Эптон Клоз, работавший в радиовещании; он был снят с работы Национальной радиовещательной корпорацией в 1941 г., после того как выступил по радио с утверждением, что нападение на Пирл Харбор было, якобы, осуществлено или немецкими самолетами, или фанатичными японскими летчиками, которые произвели налет, не имея на то указаний своего правительства.

Моральную и финансовую поддержку новой организации оказывают такие крупнейшие промышленники, как Эрнст Т. Вэйр, председатель правления компании «Уэртон стил»; Сьюэлл Эвери, председатель правления компании «Монтгомери уорд», старый противник Рузвельта; Ламмот Дюпон, директор концерна «Э. И. Дюпон де Немур», являющийся влиятельнейшим лицом в Национальной ассоциации промышленников. В соответствии с информацией, полученной мной в Сан-Франциско от репортера «Чикаго трибюн», издатель этой газеты полковник Маккормик также оказал благосклонную поддержку организации «Американское действие».

Желтая пресса оказывала всяческую поддержку этой организации. Просматривая подшивку популярного еженедельника «Леттер», издаваемого небезызвестным Джералдом Смитом, в номере от 1 февраля 1946 г. я прочел следующее:

«...Предлагаю Вам связаться с такими людьми, как Джон Т. Флинн, Эптон Клоз, полковник Роберт Р. Маккормик, генерал Роберт Вуд, Мервин К. Харт и Сэм Петтенгилл для образования нового, активно действующего националистического политкомитета, способного на организацию крестовых походов. Если Вы примете мое предложение, такой комитет поведет за собой всю нацию».

Когда я работал в Индианаполисе, мой интерес к организации «Американское действие», естественно, концентрировался вокруг вопроса о сотрудничестве Легиона с этой организацией. Я понял, какой ловкий ход сделала

эта организация, предоставив руководящие должности двум последним национальным командорам; это дало возможность Харту и его коллегам, рекламируя организацию «Американское действие», козырять тем, что во главе ее стоят ветераны двух мировых войн и что она поддерживается бывшими военными—людьми, имеющими «выдающиеся» заслуги перед американским народом. Естественно, что эта реклама ставила своей целью привлечь легионеров и других ветеранов в организацию «Американское действие».

В 1946 г. на съезде Легиона в Сан-Франциско Хэйс, не стесняясь, заявил: «Организация «Американское действие» возьмет на себя функции политического действия, отсутствие которого не смогли восполнить недостаточно сильные для этого Легион и другие организации ветеранов». Я случайно услышал эти слова. Я мог бы дополнить, что Хэйс, как бывший командор, по положению остается членом Национального исполнительного комитета Легиона, хотя и без права голоса.

Нет нужды говорить о том, что я ничего не мог сделать для того, чтобы Комиссия по вопросам американизма расследовала деятельность организации «Американское действие». У меня было достаточно здравого смысла, чтобы даже не предпринимать каких-либо попыток в этой области. К тому времени мои «сверкающие рыцарские доспехи» основательно потускнели, и я был уже на пути к тому, чтобы уразуметь, что такие организации, как «Американское действие», полностью соответствуют политической линии Легиона. Ожидать, что лидеры Легиона будут расследовать деятельность Хэйса, Харта, Дюпона и других, было так же наивно, как рассчитывать, что они сами пережуют себе горло.

В августе 1946 г. я был свидетелем того, как на деле Легион осуществлял политику «нейтралитета» и «беспристрастия». Группа видных ученых и общественных деятелей штата Индиана этим летом подписала петицию о том, чтобы коммунистической партии было разрешено выставить своих кандидатов на федеральных выборах в штате. Лица, подписавшие петицию, совершенно твердо заявили, что они не являются ни членами, ни сторонниками коммунистической партии. Они обосновали свою петицию тем, что коммунистическая партия проявила себя как

партия, подготовившаяся к выборам в строгом соответствии с «выборными законами», и что поэтому было бы несправедливо лишать ее возможности принять участие в выборах.

Среди подписавших петицию были доктор Бернард Гэвит—декан Юридической школы при Университете штата Индиана, ветеран первой мировой войны, бывший главным адвокатом комитета по мобилизации трудовых резервов во второй мировой войне; профессор той же школы Фаулер Харпер, сотрудник министерства внутренних дел США; профессор Педагогического колледжа штата Индиана Джон Р. Шеннон, служивший в военно-воздушных силах США, и профессор Юридической школы при Университете штата Индиана—В. Х. Мэнн.

Шервуд, директор Комиссии по вопросам американизма, выступая на съезде Легиона в штате Индиана, начал травлю лиц, подписавших эту петицию, как «красных», ведущих «антиамериканскую» и «подрывную» деятельность. Эта речь произвела такой фурор, что попечители Университета штата Индиана потребовали проверки профессорского состава. При проверке они не нашли даже малейшего следа наличия «коммунистического заговора», созданного воображением Шервуда. Но нажим оказался столь сильным, что профессор Харпер был уволен после семнадцати лет безупречной работы в университете.

В политических кругах Шервуд был известен своей тесной связью с губернатором-республиканцем, по отношению к которому он был своего рода политическим крестным отцом и которого, как говорили, он прочил кандидатом в вице-президенты от республиканской партии на выборах 1948 г.

В этой связи небезынтересно отметить, кто были те лица из Юридической школы, на которых так неистово нападал Шервуд. Профессор Шеннон ранее был кандидатом в члены конгресса от демократической партии; декан Гэвит являлся видным демократом; профессор Харпер вложил свою лепту в определение политической платформы демократической партии в 1945 г.

В марте 1947 г. три лидера Легиона давали показания перед Комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Председатель комиссии Дж. Парнелл Томас и его коллеги с серьезным видом

выслушали искусные показания Джеймса Грина, председателя Комиссии Легиона по вопросам американизма; Джеймса О'Нейла, вице-председателя; Джона Томаса Тэйлора, лоббиста Легиона. По какому вопросу? Конечно, об «антиамериканской деятельности»!

Нет, мне было не до смеха. Мне хотелось плакать.

Что же представлял собой «американизм» Легиона, от имени которого это трио давало показания перед Комиссией палаты представителей? Разве это не был американизм Джо Кэмпса, Гарри Джанга, Гомера Шайо, Джорджа Дэсирейджа, Элизабет Диллинг, Харта и Мосли, американизм Пола Риверса, «Серебряных рубашек», Ку-клукс-клана и «Рыцарей белой камелии», американизм штрейкбрехеров и расоненавистников?

Нет, мне было не до смеха! Пусть смеются те, кто сделал это возможным—люди, чей источник вдохновения находится на узкой улице высоких небоскребов, похожей на ущелье, расположенной в нижней части Манхэттена, между кладбищем и рекой¹.

¹ Имеется в виду Уолл-стрит—улица в Нью-Йорке, на которой сосредоточены основные банки, биржи и конторы крупнооптовых предприятий. Название «Уолл-стрит» отождествляется также с находящейся на этой улице фондовой биржей и стало синонимом финансового капитала США. (Прим. ред.)

КУДА ИДЕТ ЛЕГИОН

Отстранение меня от работы в Легионе, в то время как положение поста «Дункан-Париж» все еще не определилось, расстроило все мои планы, возмутило и наполнило меня горечью. Это была совершенно естественная реакция. Мои последующие занятия по изучению истории, традиций, идеалов, практической работы Легиона, которые я изложил в этой книге, не улучшили моего самочувствия.

Однако мне было совершенно ясно, что настанет день, когда я настолько приду в себя, чтобы отдать себе полный отчет, каковы были причины того, что так меня возмутило, и кто был виноват в этом.

Отвергаю ли я Легион в целом? Я думал о тех трех с половиной миллионах бывших солдат на всей территории США, простых американских парнях, которые составляют Легион. Я думал о их приверженности к принципам американской демократии и о их типично американских предрассудках. Я едва ли могу отвергнуть их, не отвергая Америки. Я едва ли могу отвергнуть их, не отвергая самого себя, так как являюсь одним из них.

Я думал об огромных, во многом уже реализованных потенциальных возможностях, скрытых в этих миллионах ветеранов. Они связаны воедино тем духом, который трудно определить, трудно описать, который так же реален и непреодолим, как реальные войны, его породившие.

Я думал о легионерах Национальной конференции легионеров-членов профсоюзов, настойчиво борющихся за демократию на своих постах, в своем Легионе, в своей стране.

Я взвесил все слабые и сильные стороны легионеров. Заблуждение в этом вопросе чревато тяжелыми послед-

ствиями. Политика руководителей Легиона могла поощрять расовые предрассудки или терпимо относиться к ним, но в Легионе не было бы и следа расовых предрассудков, если бы рядовые легионеры были свободны от них. Политика руководителей Легиона могла поощрять штрейкбрехерство и травлю рабочих или терпимо относиться к этим явлениям, но их бы не существовало, если бы не нашлось ни одного легионера, пожелавшего выполнять подобную политику.

Мне припоминается замечание, сделанное генералом Батлером, боевым моряком, не стесняющимся в выражениях, в комиссии Маккормака—Дикштейна в 1934 г. Его оценка Легиона помещена в недавно вышедшей книге Сельдеса «1000 американцев»:

«В течение ряда лет банкиры, покупая большие клубные помещения для собраний «Легиона», финансируя его создание и используя всякие другие способы, пытались сделать из «Легиона» штрейкбрехерскую организацию... Они заинтересованы только в использовании этих ветеранов, под руководством офицеров «Легиона», для своих целей»¹.

С помощью всевозможных пропагандистских уловок хозяевам Легиона удавалось обманывать легионеров в течение трех десятилетий с самого момента возникновения Легиона.

Понятно, какими мотивами руководствовались инициаторы организации Легиона—эта клика людей, связанных с «крупным бизнесом», породивших идею создания Легиона,—каковы были стремления тех армейских высокопоставленных начальников, которые способствовали созданию этой организации.

Ветераны, хлынувшие в Легион, заботились главным образом о своем благополучии, рассматривая себя как обособленную группу. Их интересовали условия получения пенсий, госпитали, программа восстановления, положение в обществе. Основатели Легиона думали преимущественно совсем о другом: об «угрозе» стачек, о растущем рабочем движении, о необходимости держать в руках «недовольных» ветеранов. Они думали о том, каким способом

¹ Дж. Сельдес, 1000 американцев. Перевод с английского, Госиноиздат, 1948, стр. 244—245. (Прим. ред.)

защитить от демобилизованных солдат свои интересы, обеспечить безопасность немногих, владеющих многими благами.

Представители монополий надеялись через посредство Легиона установить свой контроль над недовольными ветеранами, не устраняя причин их недовольства, а убеждая их в том, что всякое выражение недовольства есть поступок антиамериканский.

Иногда они одурачивали народ, долго и настойчиво размахивая перед ним американским флагом, пока взор зрителя не затуманивался и он уже не мог отличить, что правильно и что неправильно, пока он не терял способности разумно мыслить. Для выполнения этой задачи Легион использовал и использует «принципы американизма».

Иногда фокус с флагом не удавался, тогда вместо флага начинали махать дубинкой, и Легион выступал в роли штрейкбрехера и полицейского агента.

Ориентация Легиона с самого момента его возникновения на обслуживание интересов монополий обуславливается фактами его развития. Если в течение почти трех десятилетий никто не смог опровергнуть широко известное обвинение Легиона в том, что он в значительной мере финансировался Уолл-стритом, то есть основание считать это обвинение соответствующим действительности.

Каждый, кто возьмет на себя труд, как сделал я, и просмотрит такие официальные источники, как «Who's Who», «Directory of Directors» и другие аналогичные справочники, убедится, насколько тесно связаны лидеры Легиона со всесильной Национальной ассоциацией промышленников и Уолл-стритом.

Никто не посмеет отрицать, что политика Легиона очень часто совпадает с политикой Национальной ассоциации промышленников и монополий или поддерживает ее. В те дни, когда у цепи стачечных пикетов плутократы боролись с организованным рабочим классом, тысячи одураченных легионеров защищали интересы крупных предпринимателей. Когда закон Вагнера запретил насильственное подавление забастовок, монополисты были вынуждены перенести свою борьбу с рабочим классом из области стачечных пикетов в область пропа-

ганды и закулисных интриг. Легион последовал их примеру.

Было бы наивно думать о простом совпадении того факта, что понятие «свободное предпринимательство» — лозунг Национальной ассоциации промышленников — часто также используется легко возбуждающимися, размахивающими флагом лидерами Легиона. «Свободное предпринимательство» в устах Национальной ассоциации промышленников означает право американцев, которые имеют многое, получить еще больше, независимо от того, кого они в процессе стяжательства попирают ногами. Если лидеры Легиона и имеют какое-либо иное представление о «свободном предпринимательстве», они никогда об этом не заявляли.

Действительно, звучало бы странно и было бы вызовом, брошенным в лицо фактам, если бы Легион судил иначе. Силы реакции всегда использовали организации ветеранов войны в качестве своего орудия.

В 1786 г. восстание руководимых Д. Шейзом мелких фермеров, попавших в кабалу к богачам Бостона, было подавлено по приказу из Цинциннати, составленному офицерами-ветеранами армии Джорджа Вашингтона; поход против фермеров финансировался богатыми бостонцами, должниками которых были фермеры.

Ку-клукс-клан, созданный вскоре после гражданской войны 1861—1865 гг., был составлен, главным образом, из солдат конфедерации.

После поражения Германии в первой мировой войне германские промышленники и юнкеры организовали из бывших фронтовиков своей разбитой армии так называемые «добровольческие отряды», единственная функция которых заключалась в нападениях на профсоюзных деятелей и либералов. В таком отряде получил свою первую подготовку Гитлер. Впоследствии отдельные «добровольческие отряды» слились в организацию, известную под названием «Стальной шлем», которая была в двадцатых годах признанной вооруженной силой германских юнкеров и монархистов. В 1932—1933 гг. все германское правое крыло, включая монархистов и реакционных республиканцев, вошло в соглашение с национал-социалистами и сделало, таким образом, возможным приход Гитлера к власти. «Стальной шлем» был распущен, но его члены

не остались без дела. Они стали основным ядром коричневых банд СА и черных — СС.

Теми же чертами характеризуется приход к власти Муссолини в Италии. Во Франции организации ветеранов, известной под именем «Огненные кресты», почти удалось совершить фашистский переворот в Париже за несколько лет до того, как гитлеровские солдаты прошли как победители под Триумфальной аркой.

Мне кажется весьма интересным и поучительным тот факт, что лицо, которое, согласно показаниям генерала Батлера, было весьма заинтересовано в формировании фашистской армии в Соединенных Штатах, изучало работу организации «Огненные кресты» в Париже и нашло ее чрезвычайно поучительной.

Я цитирую отчет комиссии Маккормака — Дикштейна № 153 от 15 февраля 1935 г.:

«Комиссия заслушала показания генерал-майора в отставке Смэдли Д. Батлера, который был дважды награжден конгрессом США. Генерал Батлер рассказал комиссии о своей беседе с неким Джералдом Макгайром, во время которой последний якобы предложил ему организовать фашистскую армию под его руководством.

Макгайр клятвенно отрицал эти утверждения, но комиссия смогла проверить все соответствующие заявления, сделанные генералом Батлером, за исключением прямого заявления, касающегося создания организации. Однако это было подтверждено перепиской Макгайра с его начальником Робертом Стерлингом Кларком, находившимся в Нью-Йорке, в то время как Макгайр был за границей, где изучал различные формы военизированных организаций фашистского типа».

Ниже мы приводим отрывок из одного письма Макгайра:

«Сегодня вечером у меня был очень интересный разговор с человеком, который полагает, что организация «Огненные кресты» проявит свой патриотизм во время нынешнего кризиса и будет способствовать сокращению заработной платы или поможет ветеранам сделать это... В организацию «Огненные кресты» вступает много новых членов. Я недавно

посетил одно их собрание, и на меня произвели сильное впечатление люди, входящие в эту организацию...».

Роберт Стерлинг Кларк, принципал Макгайра, является типичным представителем Уолл-стрита — человеком, который, как и следовало ожидать, был весьма заинтересован в том, чтобы организация ветеранов приняла участие в сокращении заработной платы и пенсий. Едва ли есть необходимость говорить о том, что французские плутократы поддерживали организацию «Огненные кресты» с еще большим энтузиазмом, чем Макгайр и Кларк. Но наиболее поучительным выводом из всей этой истории является, конечно, то, что если Макгайр потерпел поражение так же, как позднее Дэсирейдж, другие все же могут добиться успеха. Американский легион может сыграть ту же роль, какую сыграли «Огненные кресты», «Стальной шлем» и даже СА и СС.

Легионеры, которые во время предвыборной кампании 1948 г. помогли разгонять митинги, созываемые партией Уоллеса, которые поддерживали законопроект Мундта «о контроле над мыслями», вольно или невольно идут по стопам тех, кто навязал человечеству вторую мировую войну. В потенции все условия для этого уже существуют, как и во всякой организации ветеранов, которой руководят силы реакции. Как учит опыт новой истории, рано или поздно приходит момент, когда представители реакции заявляют, что страна стоит перед дилеммой: фашизм или коммунизм. И неизменно (в Германии, Италии, довоенной Австрии) силы реакции выбирают фашизм. Утверждение о необходимости произвести выбор настолько устраивает реакционеров, что они выдумывают эту необходимость даже тогда, когда ее и не существует.

Как орудие в руках реакционных лидеров, чем является Легион со дня своего основания, и как орудие фашизма, чем он может стать, Американский легион удовлетворяет чаяния многих, но только не легионеров.

Слишком долго американцы (но не лидеры Легиона и не его политики) игнорировали потенциальные политические возможности Легиона. Слишком долго они представляли себе Легион (когда они задумывались о Легионе) каким-то свехувеселительным клубом, где,

пожалуй, несколько более шумно, чем везде, где несколько злоупотребляют выбрасыванием пианино из окон, но который все же является организацией, объединяющей «наших ребят».

Слишком долго большинство легионеров имело такое же представление о Легионе. Их невежество, безразличие, непонимание сути вещей вполне устраивают заправил Легиона, молодчиков Уолл-стрита и банду Национальной ассоциации промышленников. Они знают, что их единственный способ использовать Легион в своих корыстных целях заключается в том, чтобы легионеры оставались в полном неведении.

Таким образом, прежде всего сам народ должен узнать всю правду о Легионе: чем он был, чем является в настоящее время и чем может стать.

Именно подобную цель и ставила перед собой эта книга.

Задача эта была и остается чрезвычайно трудной вследствие того огромного влияния, каким пользуется Легион, той первоклассной системы пропаганды, которая находится в распоряжении лидеров Легиона, и покровов тайны, столь долго скрывавшего махинации Легиона и его действительные цели. Эта задача трудна еще более потому, что ореол патриотизма, который окружает Легион, является наиболее эффективным средством удушения всякой критики; нет ничего труднее, чем нанести удар организации, которая облачена в тогу служения родине.

И все же я убежден, что эта задача может быть выполнена.

Я знаю в Легионе людей, которые так же, как и я, не одобряют основных принципов политики Легиона и которые более, чем я, осведомлены о тайной деятельности его лидеров. Я призываю этих людей сказать свое слово.

Я прошу непредубежденных и честных американцев, как ветеранов, так и не-ветеранов—каковы бы ни были их политические убеждения,—открыто заявить протест против местных лидеров Легиона, которые поддерживают политику реакции, где бы она ни проявлялась—на фронте труда, в области расовых предрассудков или в политике.

Легионеры, которые прорывают линию стачечных пикетов, препятствуют выступлению артиста-негра или политического оратора, если они расходятся с ним в убеждениях, защищают тем самым интересы хозяев Легиона, чья борьба не является их борьбой, чьи интересы противоречат их интересам, чьи цели не совпадают с их целями. Я прошу американца-избирателя, как ветерана, так и не-ветерана, потребовать от конгресса отмены почти что монополии Легиона на обслуживание ветеранов.

Именно в этом, как мне удалось выяснить, заключается реальная власть Легиона над легионерами; это дает лидерам Легиона возможность проводить политику Национальной ассоциации промышленников и подчинять ей лояльность легионеров. Многие из нас недостаточно дальновидны и ради сегодняшнего благополучия забывают о завтрашней безработице и близкой войне.

Я не хочу, чтобы правительство сократило обслуживание ветеранов, я хочу, чтобы оно его расширило. Я прошу предоставить ветерану право вступать в Комитет американских ветеранов или в Организацию объединенных негритянских и союзных ветеранов Америки, или в любую другую, зная, что та организация, к которой он присоединится, сможет удовлетворить его интересы так же быстро и эффективно, как это делает Легион.

Разрешение этого вопроса находится в компетенции конгресса, потому что настоящее привилегированное положение Легиона определяется не его особыми качествами, а покровительством некоторых правительственных учреждений, усердно культивируемым влиятельным руководством Легиона уже в течение ряда лет.

Лишите Легион этой монополии—и сразу же в области обслуживания ветеранов будет создано здоровое и свободное соревнование. Вот это, поистине, будет «свободное предпринимательство»!

В условиях такого здорового соревнования руководство Легиона не могло бы более игнорировать рядовых легионеров при определении политики Легиона. Сколько негров могло бы вступить в Легион, если бы они чувствовали, что Организация объединенных негритянских и союзных ветеранов Америки могла бы удовлетворить их потребности. Сколько легионеров не согласились бы так

просто с произволом национального командора, если бы они знали, что могут безо всякого урона перейти в Комитет американских ветеранов. Смогло ли бы командование Легиона так долго пренебрегать выполнением программы жилищного строительства, если бы была другая организация ветеранов или равноценная ему сила, которая бы заставила Легион выполнить свои обязательства. Для других организаций ветеранов главное—ликвидация монопольного положения Легиона, для легионеров—знания, знания и еще раз знания.

Знание вопроса может способствовать созданию и укреплению демократии внутри Легиона, несмотря на все возражения его лидеров. В ответ на настойчивые обоснованные требования легионеров верховное командование не могло бы оказывать сопротивления проведению в жизнь системы пособий. Верхушка Легиона не могла бы более запрещать организацию рабочих комитетов, поскольку ребята из Национальной конференции легионеров-членов профсоюзов уже подали такую идею рядовым легионерам. Разве мог бы Гамильтон Фиш быть оправдан командованием Легиона? Делегаты съезда хорошо осознали глубину его вины—они все еще осуждают его.

9 декабря 1933 г. газета «Нью-Йорк таймс» привела слова генерала Батлера: «Я никогда не знал ни одного лидера Американского легиона, который не продавал бы своих легионеров». Генерал обращался к американским ветеранам, зная, что им не нравится, когда их продают собственные лидеры.

Я уверен, что если бы все факты, изложенные в этой книге, стали известны трем с половиной миллионам ветеранов, что-то должно было бы измениться. Может быть, изменилась бы численность Легиона, может быть,—его руководство и политика.

Я оставил службу в Легионе, не зная, что ждет меня завтра, хотя этот вопрос и стоял передо мной достаточно остро. Я оставил Легион, как я уже выше указывал, будучи исполнен горечи и негодования, но с твердым намерением продолжать борьбу всеми доступными мне средствами против того, что, по моему мнению, является злом в Легионе.

Это было мое личное решение, продиктованное личными обстоятельствами. Правильно или неправильно,

но я сделал свой выбор, считая, что таким путем смогу успешнее бороться против антиамериканской политики Легиона. Я не говорю и не могу сказать, что такое же решение должны принять более чем десять миллионов ветеранов, которые сегодня еще не входят ни в Легион, ни в какую-либо другую организацию ветеранов.

Пусть ветераны решают сами, каким путем они могут более эффективно бороться с реакционной политикой Легиона, и соответствующим образом действуют.

В рядах Легиона или вне его ветераны непрестанно должны бороться, чтобы вырвать Легион из рук той немногочисленной клики, которая его основала и с тех пор властвует над ним, и вернуть его тем, кому он принадлежит, — легионерам.

От исхода этой борьбы зависит гораздо больше, чем судьба Легиона. Монополистический капитал под руководством Национальной ассоциации промышленников стремится сохранить контроль над Легионом и использовать его в тех далеко идущих целях, о которых мы уже говорили. Под предлогом борьбы за «демократию» и «свободное предпринимательство» силы реакции ведут борьбу против либерализма, против организованного рабочего класса, против драгоценного наследства «билля о правах». Под этим же лозунгом они оказывают материальную и моральную поддержку в своей стране и за рубежом силам фашизма, которые ввергли мир в одну страшную войну и сейчас стремятся ввергнуть его в новую катастрофу — атомную войну.

Итак, на карту поставлены существование американской демократии и мира во всем мире. Руководство ветеранами в этой борьбе, хотя и является лишь одним из факторов, имеет чрезвычайно важное значение, — этот фактор использовали в свое время Гитлер и Муссолини.

Дважды ветераны Американского легиона дали стране неопенимое благо победы. Но разве наша страна не нуждается в другом благе, каким является прочный мир? Такой мир, при котором американская демократия может развиваться и процветать, голодный может быть накормлен, безработный получить работу, бездомный — жилище. Мир, при котором образование и знания придут на смену невежеству и предрассудкам. Мир, при котором мы сможем научиться понимать и поэтому уважать

нашего соседа, живущего не только через дорогу или в пределах нашей страны, но также и за ее рубежом и за океаном?

Безусловно, установление такого мира должно быть доверено людям, испытавшим все ужасы войны.

Поэтому мне хочется верить, что Американский легион предназначен прежде всего для дела мира и что он будет последней организацией ветеранов войны.

Такую роль Легион сыграет только тогда, когда он будет по-настоящему принадлежать и верно служить легионерам.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Предисловие	5
<i>Глава первая</i>	
Вступать или не вступать?	21
<i>Глава вторая</i>	
Мое образование начинается	30
<i>Глава третья</i>	
Как возник Легион	36
<i>Глава четвертая</i>	
Кто финансировал Легион	46
<i>Глава пятая</i>	
Я узнаю о Национальной ассоциации промышленников	57
<i>Глава шестая</i>	
Кто влияет на закулисную политику Легиона	75
<i>Глава седьмая</i>	
Легион и рабочий класс	99
<i>Глава восьмая</i>	
В поисках демократии	121
<i>Глава девятая</i>	
Легион и негры-ветераны	141
<i>Глава десятая</i>	
Как Легион борется с «антиамериканской деятельностью»	152
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Куда идет Легион	176

Обложка художника *Б. Ефимова*.
Редактор *В. Маркина*.
Технический редактор *А. Дронсв.*
Корректор *К. Иванова*.

*

Сдано в производство 11/VI 1949 г.
Подписано к печати 6/VIII 1949 г.
A08587. Печ. л. 11³/₄. Уч.-издат.
л. 9,6. Формат 84×108¹/₃₂. Издат.
№ 7/633. Цена 9 р. 20 к.
Зак. № 1478.

*

16-я тип. Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

Цена 9 р. 20 к.

Дж. Грей · ПРАВДА ОБ АМЕРИКАНСКОМ ЛЕГИОНЕ